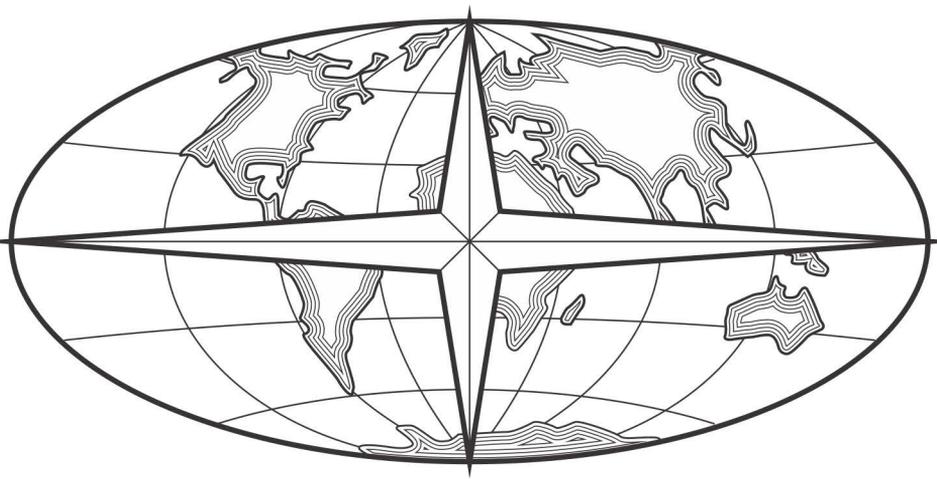

22

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ISBN 978-5-4465-4410-3

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Географический факультет**

**ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Выпуск 22

**Географическое страноведение и
вызовы меняющегося мира**

Москва — 2025

УДК 911.3(100)
ББК 26.890
Г35

Авторский коллектив: Акимова В. В., Аксёнов К. Э., Александрова А. И., Ачкасова Т. А., Демидова Е. Е., Елманова Д. С., Замятина Н. Ю., Карасев А. С., Королев М. А., Ламской К. В., Наумов А. С., Павлюк С. Г., Пилясов А. Н., Поляков М. А., Попов А. И., Рогачев С. В., Тихоцкая И. С., Черепнина Т. С., Чернецкий Ф. М.

Г35 **Географическое страноведение и вызовы меняющегося мира.** Под ред. А. С. Наумова / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 22. — М.: Географический факультет МГУ, 2025. — 236 с.

ISBN 978-5-4465-4410-3 (ООО «Буки Веди»)

УДК 911.3(100)
ББК 26.890

Рекомендовано Учёным советом географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (протокол № 6 от 24.05.2024)

Ответственный редактор: кандидат географических наук А. С. Наумов

Рецензенты: член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор ИНИОН РАН А. В. Кузнецов, доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Н. А. Слука

Подписано в печать 13.05.2025. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура Times. Печ. л. 14,75. Тираж 150 экз. Заказ № 2009.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117041, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Южное Бутово,
ул. Адмирала Руднева, д. 4, помещ. 13/6
Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

© Текст: авторы, 2025
© Оригинал-макет: Д. С. Елманова, 2025

Содержание

Введение	5
Наумов А. С.	6
Типология зарубежных стран: эволюция научной концепции	
Пилясов А. Н., Аксёнов К. Э.	25
Страноведение против геополитики: интеграция после обособления (как московская и ленинградская школы десятилетиями игнорировали друг друга)	
Рогачев С. В.	68
Франция как производная функция от германского аргумента	
Ламской К. В.	77
Зомия: общественно-географический и страноведческий концепт	
Елманова Д. С., Поляков М. А.	90
Пространственная структура крупносетевой торговли в Бельгии	
Демидова Е. Е., Попов А. И.	102
Чернокожие викинги: сомалийцы в Скандинавском регионе	
Тихоцкая И. С.	115
Города будущего в Японии	
Ачкасова Т. А.	127
Особенности развития технологии искусственного интеллекта в странах мира	
Королев М. А., Замятина Н. Ю.	137
Пространственные и внепространственные факторы взаимодействия фирм (на примере индустрии видеоигр стран мира)	
Карасев А. С., Акимова В. В.	153
Географические особенности логистического комплекса стран Юго-Восточной Азии	
Чернецкий Ф. М.	170
Подходы к электоральному районированию в отечественной науке (по материалам диссертационных исследований)	

Александрова А. И., Павлюк С. Г.	187
Кубинцы в США: особенности современного электорального поведения	
Павлюк С. Г.	205
Трагедия тысячи холмов: предыстория и последствия этнического конфликта тутси и хуту	
Черепнина Т. С.	223
Австралийский сёрфинг как креативная индустрия: пример сёрф-хаба Восточного побережья	
Сведения об авторах.....	236

Введение

Очередной выпуск сборника «Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран» выходит вскоре после празднования 90-летия кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ. Приказ ректора Московского университета о создании на почвенно-географическом факультете кафедры экономической и политической географии зарубежных стран был подписан 16 ноября 1934 г. Заведующим кафедрой и первое время единственным её штатным сотрудником был Иван Александрович Витвер. В 1956 г. Витвера сменил Исаак Моисеевич Маергойз, а тремя годами позже заведующим кафедрой, которая стала называться кафедрой экономической и политической географии капиталистических и развивающихся стран, стал Виктор Вацлавович Вольский. Вольский, ученик Витвера, руководил кафедрой 40 лет — рекордный срок даже для ревностно хранящего научные традиции МГУ — и в 1999 г. передал её своему ученику Александру Степановичу Фетисову, заведовавшему кафедрой до 2014 г. На протяжении своей почти вековой истории кафедра несколько раз меняла название, став после 1991 г. кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран. Изменения в названии кафедры были не просто данью геополитической конъюнктуре, они были продиктованы развитием отечественной научной школы географического страноведения. Эта школа прирастала яркими именами, эволюционировала от экономической географии к более широкому предметному полю — географии общества. Исследования сотрудников кафедры распространялись на новые страны и, в конечном счёте, охватили весь зарубежный мир. Вскоре после первых учебных курсов по зарубежным странам, которые читали Н. Н. Баранский (США) и И. А. Витвер (Латинская Америка), в учебной программе кафедры появились курсы по Германии, Франции, Великобритании. В наше время географы-страноведы изучают все регионы и ключевые страны зарубежного мира, что делает их уникальными специалистами, востребованными в самых разных сферах деятельности: науке, образовании, государственном управлении, бизнесе. За последние годы кафедра социально-экономической географии зарубежных стран отметила несколько столетних юбилеев: в 2021 г. — Виктора Вацлавовича Вольского, в 2023 г. — Александра Евгеньевича Слуки, в 2024 г. — Олега Владимировича Витковского. Памяти этих выдающихся преподавателей и учёных посвящается этот сборник, в который вошли статьи сотрудников и студентов кафедры. Статьи написаны по результатам исследований, выполненных в рамках работы по теме государственного задания «Теория и практика эволюционного страноведения в условиях глобальных вызовов» (№ ЦИТИС 121051400060-2).

А. С. Наумов

Заведующий кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Типология зарубежных стран: эволюция научной концепции

Typology of foreign countries: evolution of a scientific concept

Аннотация

Типология стран мира — одно из ключевых направлений научных исследований на кафедре социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского университета. Она позволяет систематизировать представления об особенностях социально-экономического развития всех стран мира и сгруппировать их по сходству основных черт хозяйства и общества. В основе типологии лежит сравнительный анализ, что делает возможным в рамках соответствующего типа определять главные факторы социально-экономического развития страны и осуществлять прогноз. В статье рассматривается история развития типологического направления в отечественном географическом исследовании и дана оценка его современного состояния, проблем и вызовов.

Ключевые слова: типология стран мира, социально-экономическое развитие, географическое исследование, МГУ имени М. В. Ломоносова

Abstract

Typology of countries of the world is one of the key research directions at the Department of Social and Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow University. It systematizes understanding of specifics of social and economic development of all countries in the world and cluster them by similar economic and social features. The typology is based on comparative analysis, which in the context of the given type makes it possible to determine the main factors of social and economic development of the county and carry out the forecast. The paper provides an overview of the development of typological research direction in the geographical studies in Russia as well as assessment of its current state and main challenges.

Key words: typology of countries of the world, social and economic development, geographical studies, Lomonosov Moscow State University

Введение. Предыстория

Основоположником типологического направления в отечественном географическом страноведении был Иван Александрович Витвер — создатель кафедры экономической и политической географии капиталистических стран¹

¹ Созданная Витвером в 1934 г. кафедра несколько раз меняла название. В 1959 г. она разделилась на кафедры экономической и политической географии капиталистических и развивающихся стран и экономической географии стран народной демократии. А в 1990 г. «материнская» кафедра была переименована в кафедру социально-экономической географии зарубежных стран (далее для краткости — кафедра зарубежных стран).

на географическом факультете Московского университета и первый её заведующий. В многократно переиздававшемся с 1935 по 1956 гг. учебнике Витвера для средней школы «Экономическая география капиталистических стран» характеристики стран выстроены с учётом различий между ними «в типе хозяйства и уровне развития» [4, с. 495]. Номотетическая парадигма, реализуемая через типологию стран, при этом не противопоставлялась традиционной для страноведения идиографической, в рамках которой каждая страна — уникальный объект изучения, они дополняли друг друга. Как отмечал Витвер: «Недостаточно просто подвести данную страну под определённую категорию. Надо это обосновать конкретным материалом, раскрыть наряду с чертами, типичными для целой группы стран, также черты своеобразия, присущие в большей или меньшей степени каждой стране» [4, с. 479].

Последовательное расширение области научных исследований кафедры Витвера на весь зарубежный мир давало богатый материал для межстрановых сопоставлений². Поэтому неслучаен интерес, проявленный к типологии стран Виктором Вацлавовичем Вольским — учеником и последователем Витвера, который заведовал кафедрой зарубежных стран с 1959 по 1999 гг. Типологией в целом и углублённым изучением различных типов стран занимались учёные академического Института географии, Ленинградского государственного университета, прочих научных центров и институтов: Б. Н. Зимин, Я. Г. Машбиц, Б. Н. Семевский, Ю. Д. Дмитриевский, В. П. Максаковский и др. Но именно Вольскому принадлежит заслуга превращения типологии стран в самостоятельное научное направление, которое он считал столь же значимым для социально-экономической географии, как периодическая система элементов Д. И. Менделеева для химии.

Типология стран В. В. Вольского

В 1968 г. Вольский, к тому времени уже девять лет руководивший кафедрой зарубежных стран, опубликовал статью «О типах стран капиталистического мира» [7]. В ней сформулированы критерии типологии стран, в основе которой — различия в уровне и национальной специфике развития капитализма. Приведём сокращённые характеристики критериев и соответствующие им расчётные показатели. 1. Уровень развития производительных сил — «структура хозяйства и степень его диверсификации, характер энергобаланса, степень электрификации, производство и потребление на душу населения электроэнергии, стали, цемента, нефтепродуктов, продуктов химии, бумаги, уровень развития машиностроения и приборостроения». В качестве обобщённого показателя Вольский предложил индекс индустриализации — соотношение доли страны в мировом промышленном производстве и в населении.

² С 1929 г., когда Н. Н. Баранский пригласил Витвера читать лекции на своей кафедре по США, американистика стала едва ли не приоритетным направлением страноведческих исследований в Московском университете. В 1930-е гг. Витвер написал несколько книг по Латинской Америке. К середине XX в. появились работы по странам Зарубежной Европы, затем — по Восточной Европе, Латинской Америке и другим регионам.

2. Степень развития капитализма в промышленности — роль различных форм капиталистических предприятий, развитие кооперации, уровень концентрации производства и капитала, степень монополизации; показатель — производительность труда в промышленности. 3. Уровень развития капитализма в сельском хозяйстве — характер землевладения и землепользования, арендные отношения, применение наёмной рабочей силы, степень товарности и пр.; показатели — производительность труда в сельском хозяйстве и стоимость продукции на 1 га угодий. 4. Степень развития внутреннего товарного рынка (охват территории и населения товарно-денежными отношениями); показатель — развитость межрайонного обмена. 5. Степень развития рынка рабочей силы; показатели — величина трудовой миграции и межрайонные различия в стоимости рабочей силы. 6. Степень участия государства в экономике страны; показатель — доля государственного сектора. 7. Степень и характер участия страны в капиталистическом мировом хозяйстве; показатели — размер экспорта и импорта, их соотношение с объёмом производства и потребления, товарная и географическая структура, экспорт и импорт капитала, международная трудовая миграция.

В публикации Вольского 1968 г. выделено три группы типов стран: экономически высокоразвитые (типы — главные капиталистические страны, малые «привилегированные» нации, страны переселенческого капитализма); среднеразвитые (типы — страны, достигшие среднего уровня; страны, отставшие в развитии) и слаборазвитые страны [7]. Эта типологическая схема отражала классические марксистские представления об устройстве капиталистического мира. Вольский подчёркивал, что продолжает и развивает теорию империализма В. И. Ленина [17], делившего страны на угнетающие и угнетённые (у Вольского — группы высокоразвитых и слаборазвитых стран).

Удел немногочисленных среднеразвитых стран — переход в первую группу либо всё большее отставание, периферизация. «Окно возможностей» для восходящего трека, как считал Вольский, открывает политический нейтралитет и ограничение экономической зависимости от главных капиталистических стран. В пример он приводил Финляндию, тесно сотрудничавшую с СССР и приблизившуюся по значениям показателей к малым «привилегированным» нациям. Противоположный пример — утратившая былое величие Испания, при авторитарной власти Франко окончательно превратившаяся в периферию империалистических держав и всё больше втягивавшаяся в НАТО. Большинство стран Вольский отнёс к третьей группе — главному полю противостояния капиталистической и социалистической мировых систем. Опыт СССР открывал перед ними возможность развития по некапиталистическому пути, но этому противодействовали силы империализма, эксплуатировавшего молодые суверенные государства. Некоторые страны этой группы в конце 1960-х гг. ещё не освободились от колониальной зависимости³,

³ В типологии Вольского страны — это и суверенные государства, и зависимые территории, что соответствует широкой географической трактовке этого термина.

а те, которые всего несколько лет как обрели независимость, отличала политическая нестабильность, их экономика только начинала формироваться. В отношении таких стран типология была проработана менее детально, она включала всего три типа стран.

Первый — экономически зависимые страны относительно «зрелого»⁴ капитализма: большинство стран Латинской Америки (кроме Кубы), Иран, Таиланд и Филиппины. Второй тип — молодые суверенные государства (формирующие нации), десятками появившиеся на карте мира во второй половине XX в. Только за 1960 г. в Африке независимость получили 17 колоний. В зависимости от того, к какому лагерю — капиталистическому или социалистическому примкнули страны этого типа, Вольский предрекал им судьбу по-прежнему угнетаемой капиталистической периферии или превращение в новый тип — «государства национальной демократии». Термин «страны социалистической ориентации» вошёл в оборот позднее [16]. Примерами второго пути, открывавшего возможности для достижения подлинной национальной независимости, послужили ОАР⁵, Сирия, Алжир, Мали, Гвинейская Республика, Бирма⁶. Третий тип — «колониальные страны», которые к концу 1960-х гг. занимали около 10 % территории капиталистического мира, и где проживало около 50 млн человек: Ангола, Мозамбик, «Португальская» Гвинея⁷, Юго-Западная Африка⁸ и т. д.

Впоследствии Вольский дорабатывал и дополнял свою типологию. В подготовленной на основе его материалов публикации 2009 г. приведено определение, в соответствии с которым «тип страны — объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий её роль и место в мировом сообществе на данном этапе всемирной истории» [6, с. 253]. Новая типологическая схема легла в основу изданного в 1990 г. коллективного труда кафедры зарубежных стран «Капиталистические и развивающиеся страны на пороге 90-х годов (территориально-структурные сдвиги в экономике за 70–80-е гг.)» под его редакцией [14]. Последняя версия типологии зарубежных стран Вольского была опубликована уже после того, как он ушёл из жизни, — в 2004 г. [8].

Типология разрабатывалась Вольским в то же время, когда за рубежом набирал популярность мир-системный подход. И хотя основное место в библиографических списках к публикациям Вольского занимали труды Ленина,

⁴ Кавычки В. В. Вольского.

⁵ Объединённая Арабская Республика — государство, существовавшее в 1958–1971 гг. Первоначально — союз Сирии и Египта, с 1961 г. включало только Египет. Прекратило существование в 1971 г. с образованием Федерации Арабских Республик в составе Египта, Сирии и Ливии.

⁶ Название Мьянмы (полное современное название — Республика Союз Мьянма) до 1989 г.

⁷ Бывшая португальская колония, в которой с начала 1960-х гг. шла война за независимость; с 1973 г. независимое государство Республика Гвинея-Бисау.

⁸ В то время — территория под контролем Южно-Африканской Республики. В 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН признала опеку ЮАР над Юго-Западной Африкой ненадлежащей и присвоило этой территории название Намибия. После получения независимости в 1990 г. — Республика Намибия.

его работы схожи с мир-системными построениями И. Валлерстайна и даже близки к ним по политическому пафосу [5]. Но, в отличие от мир-системщиков, рассматривавших развитие мировой экономики как процесс продолжительностью в несколько тысячелетий, Вольский выстраивал свою типологию на анализе гораздо более короткого временного отрезка: от рубежа XIX–XX вв., когда мировой капитализм достиг высшей стадии развития (по Ленину) — империалистической. Другая черта, отличающая методологию Вольского, — сочетание глобального охвата и пристального внимания к особенностям каждой из множества стран мира; всем им должно было найтись место в типологии (мир-системщики зачастую ограничивались наиболее яркими кейсами). В этом — следование *credo* витверовской научной школы географического страноведения.

Опираясь на глубокую страноведческую эрудицию, Вольский отмечал, что уровень развития капитализма — главное, но не единственное основание для типологии стран. Специфику каждого типа определяют географические особенности стран: географическое положение, размеры территории, численность и состав населения, величина природно-ресурсного потенциала. Вольский считал, что именно географические факторы наряду с историей развития хозяйства и освоения территории задают матрицу типа — специфику национальных моделей социально-экономического развития. Поэтому в отличие от классификаций стран, основанных только на экономических показателях, его типология «играет живыми красками» и гораздо полнее отражает многообразие мира. Многие типы стран у Вольского получили яркие образные названия, раскрывающие специфику их развития: малые страны «концессионного развития», страны «квартиросдатчики» и др.

Числя себя одним из «бойцов идеологического фронта» (подготовка которых была главной задачей кафедры зарубежных стран в доперестроечное время), Вольский считал важными типологическими характеристиками политическую роль страны в мире, форму и классовую сущность политической надстройки, характер классовой борьбы [6, с. 160]. В своих последних работах он также отмечал возросшую роль в развитии стран «сервисной экономики» (ранее основное внимание уделялось традиционным секторам — промышленности и сельскому хозяйству) и стал склоняться к более широкой, чем классическая теория империализма, трактовке глобальной неоднородности социально-экономического развития. Новый подход объяснял существенные различия в развитии однотипных стран, относящихся к разным цивилизационным макрорегионам [23].

В работах В. В. Вольского разных лет видны как эволюция научных взглядов самого автора, так и влияние внешних обстоятельств — краха мировой системы социализма, усложнения центр-периферийной модели капитализма, роста неравномерности социально-экономического развития. При этом Вольский не присоединился к ожиданию «конца истории» и не изменил своим взглядам на особенности развития зависимого капитализма, выявленные им на примере Латинской Америки [15]. Этот регион занимал особое место в его

типологических исследованиях, поскольку Вольский наряду с кафедрой в МГУ долгое время возглавлял академический институт Латинской Америки. Страны этого региона с едва ли не рекордными по мировым меркам межстрановыми контрастами социально-экономического развития стали прототипами более чем половины всех выделенных им типов стран.

В схеме 1999 г. Вольский сохранил три группы типов по уровню развития (таблица 1). Для названия третьей группы стран в качестве альтернативы определению «слаборазвитые» он предложил использовать общепринятый в международном лексиконе термин «развивающиеся». Схема трехуровневая: группа — подгруппа — тип; в типе «среднеразвитые страны Центрально-Восточной Европы» выделено два подтипа. В некоторых случаях подгруппа не делилась на типы и рассматривалась как единый тип. Так, в группе слабо-развитых (развивающихся) стран появились подгруппы «ключевые страны» (она же — отдельный тип) и «страны относительно зрелого капитализма» (зрелого уже без кавычек). Последняя подгруппа особенно разнородна. В её составе восемь типов, что отражает дифференциацию периферии капиталистической системы в зависимости от размера стран, их обеспеченности природными ресурсами, специализации хозяйства, вовлечённости в международное разделение труда [8].

В целом, последняя схема Вольского гораздо детальнее прежних отражает изменения в глобальной политической системе и мировом хозяйстве на рубеже XX и XXI вв. и демонстрирует многообразие страновых моделей в мире, который стал почти полностью капиталистическим. Бывшие социалистические страны разнесены по «капиталистическим» типам, например, Болгария и Румыния помещены в тип «страны внешнеориентированного приспособленческого развития».

Таблица 1 — Типы зарубежных стран по В. В. Вольскому (1999)

Группа	Подгруппа	Тип	Страны ⁹
I. Экономически развитые страны	I.1. Экономически высоко-развитые страны	I.1.1. Главные страны	США, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Япония
		I.1.2. Экономически высоко-развитые небольшие страны Западной Европы	Австрия, Бельгия, Дания, Исландия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швеция, Швейцария
		I.1.3. Страны «переселенческого капитализма»	Австралия, Израиль, Канада, Новая Зеландия, ЮАР
II. Страны со средним уровнем развития	II.1. Среднеразвитые страны Западной Европы		Испания, Португалия, Греция, Ирландия
	II.1. Среднеразвитые страны Центрально-Восточной Европы		Подтип 1. Венгрия, Латвия, Литва, Словения, Чехия, Эстония Подтип 2. Польша, Словакия, Хорватия

⁹ Государства и зависимые территории.

Группа	Подгруппа	Тип	Страны ⁹
III. Экономически слабо-развитые (развивающиеся) страны	III.1. Ключевые страны		Бразилия, Индия, Китай, Мексика
	III.2. Страны относительно зрелого капитализма	III.2.1. Переселенческие страны	Аргентина, Уругвай
		III.2.2. Страны крупноанклавного развития капитализма	Венесуэла, Чили, Иран, Иран, Алжир
		III.2.3. Страны внешнеориентированного приспособленного развития (сгруппированы по регионам)	Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, Парагвай; Республика Корея, Малайзия, Тайвань ¹⁰ , Филиппины, Таиланд; Турция, Сирия, Иордания; Египет, Марокко, Тунис, Кения, Сенегал; Румыния, Болгария, Северная Македония ¹¹
		III.2.4. Небольшие страны зависимого плантационного хозяйства	Гаити, Гватемала, Никарагуа, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Шри-Ланка и др.
		III.2.5. Мелкие страны «концессионного развития»	Ботсвана, Габон, Папуа — Новая Гвинея, Суринам, Тринидад и Тобаго, Ямайка
		III.2.6. Мелкие и мельчайшие страны — «квартирсдатчики»	Бермудские острова, Виргинские острова ¹² , Новая Каледония и др.
		III.2.7. Небольшие страны — финансово-избыточные крупные нефтеэкспортёры	Бруней, Катар Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия
		III.2.8. Крупные низкодходные страны	Бангладеш, Вьетнам, Индонезия, Нигерия, Пакистан
	III.3. ¹³ Молодые освободившиеся государства	III.3.1. Наименее развитые страны	Практически совпадает с утверждённым Генеральной Ассамблеей ООН в 1988 г. списком наименее развитых стран (32 государства Африки, 5 — Азии, 4 — Океании, 1 — Латинской Америки)
III.3.2. Постсоциалистические страны		Государства, образовавшиеся после распада СССР, Югославии	

Составлено автором по: [8]

Даже Социалистическая Республика Вьетнам с руководящей ролью коммунистической партии отнесена к «странам относительно зрелого капитализма» (тип «крупные низкодходные страны»). Научное открытие Вольского — тип «ключевых» развивающихся стран (иначе «стран крупного потенциала») в составе латиноамериканских региональных лидеров — Бразилии и Мексики и мировых гигантов — Китая и Индии. Вольский выделил этот тип раньше появления в докладе банка Goldman Sachs впервые аббревиатуры

¹⁰ Провинция КНР.

¹¹ В авторской версии — Македония, название Северная Македония используется с 2019 г.

¹² Не уточнено, какая из двух зависимых территорий имела в виду — британская, или принадлежащая США.

¹³ Этой подгруппе Вольский дал общую характеристику, не выделяя типы.

БРИК (2001 г.) и задолго до того, как ныне расширяющаяся группа из трёх ключевых развивающиеся стран и России стала политической реальностью. Ряд «постсоциалистических стран, образовавшихся после распада СССР, Югославии», будущее которых было для Вольского неясным, он отнёс к подгруппе (типу) «молодые освободившиеся государства — формирующиеся нации» [8].

Типология стран Л. В. Смирнягина

Благодаря Вольскому типология зарубежных стран стала в МГУ не только новым научным направлением, но и базисным элементом подготовки географов-страноведов: созданный на кафедре зарубежных стран курс «Типология несоциалистических стран» предварял в учебном плане спецкурсы по углублённому изучению стран и регионов. С конца 1970-х гг. до 2016 г. лекции по типологии зарубежных стран читал Леонид Викторович Смирнягин. Он опубликовал всего несколько работ по типологической проблематике [19, 20, 30], но составил и постоянно обновлял расширенные конспекты своих лекций, которыми делился со студентами.

В 2019 г. конспекты Смирнягина со справочным аппаратом — комментариями, написанными сотрудниками кафедры зарубежных стран Р. А. Доховым, Д. С. Елмановой, А. С. Наумовым и Ф. А. Поповым, были опубликованы в учебном пособии «Типология зарубежных стран» [26]. Это единственный источник, в котором приведён перечень типов стран мира, выделенных Смирнягиным. Большое внимание в конспектах лекций уделено методологии типологии, постулированы основные принципы типологии стран как научной процедуры: глобальное видение и планетарное мышление; признание рядоположенности стран (недопустимость национальной или цивилизационной спеси); приоритет сравнительного метода; детальное внимание к географическим особенностям стран; критическое отношение к статистическим данным¹⁴; сочетание экономического и социологического подходов с акцентом на последний (в фокусе типологии общество в целом, а не только производительные силы). Об антропоцентризме типологии стран Смирнягина свидетельствует обширный корпус трудов цитируемых и упоминаемых им обществоведов — отечественных и зарубежных философов, социологов, политологов, географов. В таблицах, составленных Смирнягиным для каждого типа, первая характеристика стран — численность населения (по тексту почти всегда именно она — главная), а уже затем приведены данные о размере территории, ВВП, экспорте. Наряду с традиционным анализом расчётных социально-экономических показателей стран Смирнягин призывал учитывать «вторую реальность» — субъективные представления людей и задействовать новаторские подходы: культурные измерения стран Р. Инглхарта, оценку национальных деловых культур Г. Хофстеде и др. [21].

Л. В. Смирнягин обогатил типологию стран общенаучными

¹⁴ На примере типа «псевдоразвитые страны» показано, как макроэкономические показатели могут маскировать сущность национальной модели развития.

методологическими принципами. Он указывал на её отличие от ранжирования, группировки и классификации и отмечал, что типология стран должна быть многомерной, строиться на нескольких основаниях. В отличие от районирования, для типологии не важна территориальная смежность: к одному типу могут относиться страны, расположенные в разных частях света. Марксистскую идеологическую платформу типологии Вольского Смирнягин дополнил положениями классических и новейших работ по социологии, политологии, сравнительной антропологии и даже по психологии. Но неизменными остались общие принципы типологии, один из которых — динамизм типов, постоянное усложнение типологической схемы. Смирнягин обращал внимание на изоморфизм типологических черт у стран, достигших разных стадий социально-экономического развития. Общими чертами обладают развитые и развивающиеся «переселенческие страны», есть сходство между высокоразвитыми малыми странами Западной Европы и развивающимися странами, которые выполняют посреднические функции в международном разделении труда. Смирнягин выделял 15 типов зарубежных стран (таблица 2).

Как видно, типологию Смирнягина отличает американоцентричность: США по ряду причин он выделил в особый — первый в списке — тип. По совокупности параметров: численности населения, величине территории, размеру экономики, а также по политическому влиянию США, претендовавшим на роль «главного мирового игрока», не было равных. Несомненно, сказались и личные пристрастия: Смирнягин был одним из ведущих российских американистов и лучшим знатоком США среди отечественных географов [22].

В схеме Смирнягина много новых типов. Он переосмыслил идеи Вольского о среднеразвитости и объединил два типа стран со средним уровнем социально-экономического развития в одну группу, включающую как отставшие капиталистические, так и передовые развивающиеся страны. Это новшество стало ответом на реалии начала XXI в., когда отдельные государства «третьего мира» опередили по уровню развития свои бывшие европейские метрополии, а некоторые стали региональными державами и по размерам ВВП даже вошли в первую десятку стран мира. Но следование модели «догоняющего развития» продолжало удерживать их на второстепенных позициях как в мировой экономике, так и в политике.

Ещё одна группа типов по Смирнягину — страны, вовлечённые в международное разделение труда. Несмотря на различия в основных параметрах и в конъюнктурных особенностях развития, их объединяет специализация на экспорте сырья: углеводородов, руд чёрных и цветных металлов и других полезных ископаемых, сельскохозяйственной продукции. Наиболее специфический тип из этой группы — страны, специализирующиеся на эксплуатации выгод экономико-географического положения, а не дармовых благ природы.

Страны всех четырёх типов этой группы отличает периферийное место в системе мирового хозяйства. Особенности первых трёх — анклавность экспортного сектора, неэффективность экономики, политическая нестабильность вследствие соперничества местных политических элит за контроль над

ресурсами и вмешательства во внутреннюю жизнь внешних сил (удел «банановых республик»).

Таблица 2 — Типы стран по Л. В. Смирнягину (2014)

	№	Название типа	Основные страны
Наиболее развитые	1.	США	
	2.	Главные капиталистические страны	Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Япония
	3.	Малые привилегированные страны	Австрия, Бельгия, Дания, Исландия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция
	4.	Переселенческие страны	Израиль, Австралия, Канада, ЮАР
Средне-развитые	5.	Отставшие капиталистические страны	Ирландия, Испания, Португалия, Греция
	6.	Страны зависимого капитализма	Аргентина, Бразилия, Уругвай, Мексика, Венесуэла, Турция, Кипр, Респ. Корея, Ливан, Таиланд
	7.	Псевдоразвитые страны	Бруней, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия
Вовлечённые в международное разделение труда	8.	Нефтяные страны	Алжир, Респ. Конго, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Габон, Ирак, Камерун, Тринидад и Тобаго ¹⁵
	9.	Рудные страны	Ангола, Боливия, Ботсвана, Гайана, Гвинея, Замбия, Либерия, Мавритания, Намибия, Папуа — Новая Гвинея, Суринам, Чили, Эсватини, Ямайка ¹⁶
	10.	Плантационные страны	Гана, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Кения, Коста-Рика, Кот-Д'Ивуар, Маврикий, Никарагуа, Сальвадор, Сенегал, Фиджи, Шри-Ланка
	11.	Страны-посредники	Багамские Острова, Бахрейн, Джибути, Йемен, Мальта, Панама, Сингапур
	12.	Автохтонные страны	Китай, Индия, Индонезия, Иран, Филиппины, Бангладеш, Пакистан, Египет, Нигерия
	13.	Беднейшие страны	
	14.	Микространы	
	15.	Транзитные страны (разделены на пять подгрупп)	Страны СНГ (на начало XXI в.) Передовые: — Венгрия, Словакия, Словения, Чехия, Эстония Средне-развитые — Болгария, Латвия, Литва, Северная Македония, Польша, Румыния, Сербия, Хорватия, Черногория Отставшие — Албания, Босния и Герцеговина, Монголия Социалистические — Вьетнам, КНДР, Куба, Лаос

Составлено автором по: [26]

Новое слово в типологии — выделенный Смирнягиным тип автохтонных стран. Размеры и самобытность культур этих стран-гигантов, прежде всего, Китая и Индии, определяют зависимость их социально-экономического развития от особенностей цивилизационных треков (порой тысячелетних) и не всегда видимых и понятных остальному миру современных «внутренних импульсов». Несмотря на это, автохтонные страны оказывают огромное,

¹⁵ Близкие к типу страны: Иран, Нигерия, Ангола, Тунис, Катар, Бруней, Восточный Тимор.

¹⁶ Близкие к типу страны: Демократическая Республика Конго, Зимбабве.

а в последнее время — решающее влияние на судьбу всего мирового сообщества.

Тип «микространы» — ещё одно новшество типологии Смирнягина, державшего в уме детальную карту мира. В этом типе три десятка мельчайших по численности населения государств и зависимых территорий (максимум 77 тыс. человек — Андорра, минимум 11 тыс. — Тувалу). За исключением карликовых государств Европы все микространы — островные. Ещё около десяти стран Смирнягин считал близкими к этому типу, но не включал в него потому, что они крупнее. Население трёх отнесённых к нему стран — Кубы, Гаити и Доминиканской Республики более 10 млн человек.

В то же время, в названии типа «малые привилегированные нации» определение «малые» — относительное: малыми они выглядят в сравнении с главными капиталистическими странами. Наряду с действительно «малой» по числу жителей Исландией (340 тыс. человек) к типу отнесены государства, где проживают миллионы человек (крупнейшее — Нидерланды, 17 млн).

Как и у Вольского, состав типа «беднейшие страны» за несколькими исключениями совпадает со списком наименее развитых стран Генеральной Ассамблеи ООН на конец первого десятилетия XXI в. Смирнягин включил в тип «беднейших» не входящие в список ООН Палестину, Западную Сахару и Кабо-Верде, а Бутан, Лаос и Восточный Тимор отнёс к другим типам.

Смирнягин пристально следил за изменениями в политической и хозяйственной жизни стран мира и старался отразить эти изменения в своей типологии, что придавало ей динамизм. Он считал переходы стран из одного типа в другой нормальным проявлением имманентного свойства цивилизации и не верил в предсказанный Ф. Фукуямой «конец истории» и другие подобные пророчества [30]. Реакцией на коллапс мировой системы социализма стало выделение большого и разнородного по составу типа «транзитных». Особо Смирнягин отмечал «сложные случаи», которые плохо вписывались в его схему. Примеры таких сложных случаев — Иордания, Колумбия, Малайзия, Марокко, Парагвай, Перу, Сирия и Тунис.

Хотя учебный курс с 1990-х гг. назывался «Типология зарубежных стран», в лекциях Смирнягин задавался и вопросом о том, к какому типу отнести Россию. В рукописях его конспектов нет однозначного ответа на этот вопрос; отмечаются как явные черты автохтонности, так и близость к типу стран зависимого капитализма, но с оговоркой, что здесь не «отставший капитализм, а нарождающийся» [26, с. 218].

Дальнейшее развитие

Плодотворному развитию ставшего брендом кафедры зарубежных стран типологического направления в немалой степени способствовало отсутствие догматизма. Типология стран по Вольскому и по Смирнягину отражает эволюцию идеологических воззрений авторов и различия в их представлениях о социально-экономическом развитии. Наложила отпечаток и страноведческая специализация: в работах Вольского очевиден акцент на Латинскую Америку,

у Смирнягина типологический ряд выстроен от его главного объекта исследований — США.

На протяжении многих лет сотрудники кафедры зарубежных стран и связанные с ними совместной работой другие учёные совершенствовали методологию типологии стран, развивали и углубляли характеристики отдельных типов. Выявленные И. Ф. Антоновой общие черты развития Канады и Австралии легли в основу характеристики особого типа «переселенческих» стран [1]. Сравнение этих стран с Аргентиной и Уругваем дало возможность выявить изоморфизм у типов стран с различным уровнем социально-экономического развития. А. П. Горкин предложил дополнить типологическую характеристику стран показателями, производными от величины так называемых территориально неограниченных ресурсов [10]. Это позволило дополнить традиционно использовавшиеся в типологии макроэкономические характеристики важнейшими для постиндустриальной экономики параметрами человеческого капитала.

Основа для дальнейшего развития типологии стран была создана А. С. Фетисовым в рамках предложенной им новой научной парадигмы эволюционного страноведения [27]. Траектории развития стран в рамках этой парадигмы рассматриваются как результат действия процессов различной продолжительности — от текущей политики и конъюнктурных сдвигов в экономике до хозяйственных ритмов «большой пространственной и исторической протяжённости» [29]. В этом подходе видится как продолжение начатых Вольским поисков цивилизационной составляющей в типологических чертах стран, так и обогащение отечественного геострановедения достижениями зарубежной науки (концепция «трёх видов времени» Ф. Броделя [3]). Фетисовым был открыт эффект резонанса, которым объясняется резкое ускорение социально-экономического развития страны вследствие наложения пиковых фаз разных волн развития. Фетисов также уточнил данное ранее Вольским определение типа страны: «Тип в страноведении — устойчивый комплекс особенностей той или иной страны, сложившийся в процессе адаптации её социума к внешним и внутренним условиям развития и определяющий её место и роль в мировом социально-экономическом и политическом сообществе» [24, с. 260].

Объектом страноведческих исследований А. С. Фетисова первоначально были островные государства Вест-Индии [28]. Во второй половине XX и начале XXI вв. количество независимых государств в мире, а значит, и объектов типологии, существенно возросло. Многие из новых государств — микространы, существование которых возможно лишь при крайне высокой включённости в глобальную экономику и делегировании ряда жизнеобеспечивающих функций более крупным партнёрам. Вместе с тем, усилилась роль крупнейших стран — как тех, которые оказались на вершине иерархической пирамиды типов ранее («главных капиталистических стран» по Вольскому), так и новых претендентов на первые роли в мире. Особенности траекторий развития сверхмалых и сверхкрупных стран рассматриваются в программной статье

2005 г., где «карибский опыт» Фетисова сопоставлен с размышлениями А. И. Трейвиша о «странах-гигантах» [11]. Специфика развития крупнейших стран мира и обоснованность их претензий на лидерство в мире заинтересовали географов задолго до того, как в политической повестке появились утверждения о переходе мира в многополярное состояние [25].

Существенный вклад в типологию стран вносят студенческие исследования. Стало традицией разбирать на занятиях в курсе типологии «сложные случаи» и выявлять переходы стран между типами. Приведём лишь несколько из многих примеров, ограничившись краткими выводами докладов, подготовленных студентами кафедры зарубежных стран за последние годы¹⁷. В основании этих выводов лежит комплексный анализ современных особенностей экономического, социального и политического развития стран и их сравнение с «модельными» характеристиками как прежних, так и вновь обретенных типов. При подготовке докладов использовались данные Всемирного банка, Гарвардской лаборатории и других международных и национальных организаций и исследовательских центров, [32, 33].

Ирландия, числившаяся Смирнягиным в «отставших капиталистических странах», смогла переломить негативный тренд развития и фактически перешла в тип «малых привилегированных стран». Этой стране удалось обратить недостатки своего периферийного географического положения относительно Европы в преимущества, стать крайне привлекательным для иностранных инвесторов плацдармом развития высокотехнологичной промышленности, финансовых услуг и выйти на постиндустриальную стадию развития¹⁸.

Существенно нарастившая минерально-сырьевой экспорт Монголия, которую ещё недавно относили к подгруппе «отставших» в типе «бывших социалистических стран», может быть включена в тип «рудных стран». Разработку месторождений каменного угля, медной руды и других полезных ископаемых, на которые приходится основная часть стоимости экспорта, ведут в этой стране главные транснациональные компании мира. По уровню ВВП на душу населения она даже ближе к лидеру этого типа — Чили, чем к другим входящим в него странам — Замбии, Мавритании и Намибии¹⁹.

К типу «рудных стран» можно также отнести Кыргызстан²⁰. По размеру ВВП на душу населения (в пересчёте на покупательную способность) эта бывшая республика СССР сравнялась с входящей в данный тип Мавританией и обогнала Зимбабве. Основным экспортным ресурсом этой страны является золото (около 40 % стоимости). Проявленный в последнее время интерес иностранных компаний к другим минерально-сырьевым ресурсам — месторождениям титаномагнетита и урановых руд позволяет прогнозировать дальнейшее развитие Кыргызстана как «рудной» страны. Специализация на добыче золота

¹⁷ Далее в тексте упомянуты имена студентов кафедры зарубежных стран и годы, когда они выступали с докладами по различным странам.

¹⁸ По материалам Д. С. Ивлиева, 2021 г.

¹⁹ По материалам Л. Р. Гатауллиной, 2021 г.

²⁰ По материалам Т. Д. Павловой, 2023 г.

обуславливает спекулятивный характер развития экономики и делает эту страну похожей на отнесённую Смирнягиным к кандидатам в «рудные страны» Зимбабве. В обеих этих странах борьба за контроль над дорогостоящим ресурсом является причиной острых политических конфликтов в обществе.

Состав типа «рудные страны», в ядро которого типа Смирнягин включил 14 государств, весьма разнороден²¹. Но даже при условии диверсификации горнодобывающего сектора и усилий по развитию других отраслей выйти из него непросто. Это подтверждает пример Намибии, где наряду с добычей и первичной переработкой медной руды в концентрат специализацию хозяйства определяет добыча золота, алмазов, урановой руды и имеются большие ожидания в отношении разработки месторождений нефти на шельфе. Главными акторами намибийской экономики являются зарубежные горнодобывающие компании, и даже при условии успешной реализации планов по созданию в Уолфиш-Бее зоны свободного предпринимательства, развитию транспортной инфраструктуры и туризма вряд ли можно ожидать скорого выхода Намибии из типа «рудных стран» или хотя бы устойчивой тенденции транзита к типу «стран зависимого капитализма»²².

Весьма динамичен также состав ещё одного типа из группы «стран, вовлечённых в международное разделение труда» — «нефтяных стран». Особенно интересен пример Туниса, который рассматривался Смирнягиным как близкая к этому типу страна, своего рода кандидат на вступление в него. Однако траектория развития этой страны оказалась иной. Доля нефти и нефтепродуктов в её экспорте за 2008–2021 гг. сократилась с 12 до 5 %, в то время как заметно выросла доля электрооборудования (провода и проч., в целом около 15 %). При этом сохранилась специализация страны на экспорте продукции текстильной и швейной промышленности (главным образом готовой одежды) и сельскохозяйственной продукции; страна стала вдвое больше зарабатывать на туризме, транспортных услугах и продукции сектора ИКТ (более 20 % экспорта). Таким образом, при сохранении высокой степени включённости в МРТ (экспортная квота более 40 %), экономика Туниса претерпела существенные структурные сдвиги и стала более близкой к типам стран с более высоким уровнем социально-экономического развития. Однако относительно невысокий уровень ВВП на душу населения в ближайшей перспективе пока не позволяет включить её в тип «страны зависимого капитализма»²³.

Крайне интересный и сложный пример — Казахстан, после коллапса СССР прошедший через несколько этапов развития. Поначалу ставка на иностранные инвестиции и прямое участие зарубежных компаний в ключевых секторах экономики дала результаты. К 2008 г. удалось по сравнению с концом XX в. удвоить ВВП в расчёте на душу населения (по ППС) и обогнать

²¹ По материалам Р. А. Самойлова, Н. Д. Панфилова и И. Г. Сотирова, 2022 г.

²² По материалам П. П. Князева, 2023 г.

²³ По материалам И. В. Мозолевской, 2023 г.

по этому показателю Россию. После кризиса 2008–2009 гг. рост ВВП на душу населения продолжился, в начале второго десятилетия XXI в. значение этого показателя превысило 25 тыс. долл. США. Однако затем из-за конъюнктурных колебаний мировых цен на сырьевые товары, на экспорте которых специализируется Казахстан, — нефти и нефтепродуктов, меди и руд других цветных металлов, каменного угля, урановой руды, зерна, — значение этого показателя снизилось. Модель развития экономики, основанная на благоприятной ситуации на сырьевых рынках, оказалась недостаточно устойчивой. Альтернативой для неё стала новая политика «третьей экономической модернизации», предполагающая диверсификацию экономики, инвестиции в НИОКР, развитие наукоёмких отраслей. В результате в 2022 г. ВВП на душу населения превысил 30 тыс. долл. (по ППС, данные МВФ), что существенно выше, чем у других бывших среднеазиатских республик СССР и сопоставимо с Россией. На ближайшее десятилетие прогнозируется умеренный рост экономики. С учётом этих особенностей крайне сложно определить, к какому типу стран относится Казахстан. По характеру экспорта это «нефтяная страна» (более 40 % экспорта — нефть и нефтепродукты), также выражена «рудная» специализация (горнорудное сырьё — 10 % экспорта)²⁴. Вместе с тем, по макроэкономическим показателям Казахстан уже близок к «странам зависимого капитализма» по Смирнягину и «странам внешнеориентированного приспособленческого развития капитализма» по Вольскому. Эта страна — кандидат на выход из периферии мирового хозяйства, причём — один из лидеров на этом треке.

Особое внимание в типологии стран традиционно уделяется двум полярным феноменам — бедности и псевдоразвитости. Так называемые ловушки, удерживающие страны за чертой бедности, перечислены Смирнягиным. Это политическая нестабильность (гражданские войны), сосредоточение контроля над природными ресурсами в руках малочисленных национальных элит (формирование паразитического класса), слабость государственных институтов («дурное правление»), географическая изоляция (отсутствие выхода к морю, проблемы с соседями) [26, с. 267–269]. Очень показательный пример — всё ещё не оправившаяся от гражданской войны 1990–1994 гг. Руанда, которая несмотря на схожую с рудными странами специализацию экспорта (золото — почти ¼, олово, вольфрам и прочие руды редких металлов, золото, рафинированная нефть — около 20 %) входит в список беднейших стран ООН. Перспективы выхода из типа «беднейших стран» у неё минимальны, если только не произойдёт «инвестиционное чудо»²⁵.

Характер развития «псевдоразвитых стран», экономика которых основывалась на экспорте нефти, меняется. Во втором десятилетии XXI в. в Саудовской Аравии значение индекса сложности экономики приблизилось к 1, в то время как в ОАЭ и Кувейте несмотря на предпринимаемые правительствами этих стран усилия оно пока недалеко ушло от нулевой отметки. Хотя

²⁴ По материалам А. А. Седовой, 2022 г.

²⁵ По материалам Т. О. Зудилиной, 2023 г.

на нефть и продукты её переработки в Саудовской Аравии всё ещё приходится более половины стоимости экспорта, в нём также присутствует продукция химической промышленности и цветной металлургии. Страна пожинает первые плоды проекта Vision 2030, главной целью которого является обеспечение диверсификация экономики, уменьшение зависимости от нефти²⁶. В ОАЭ также сделана ставка на уменьшение зависимости от нефти. Значительные инвестиции направляются на развитие строительства, торговли, туризма, сельского хозяйства, сооружаются заводы по опреснению морской воды²⁷. Однако вряд ли эти страны в видимой перспективе покинут тип «псевдоразвитых», ядром которого они являются (что поставит вопрос о правомерности выделения самого этого типа). Структура их экономики ещё очень далека от вступивших в эпоху постиндустриального развития главных — передовых капиталистических стран. А по богатству населения (ВВП на душу) они намного опережают «страны среднеразвитого капитализма» и, тем более, «страны зависимого капитализма».

Современные вызовы и выводы

В начале второго десятилетия нынешнего века мир стал меняться ещё стремительнее, чем прежде. О последствиях этих изменений судить ещё рано. Однако уже сейчас ясно, что переходов стран из типа в тип станет больше, вероятно также появление новых типов. Кризис глобализации повышает экономическую и политическую роль государств, образующих тип «автохтонные страны». За последние 10 лет общая численность жителей государств, отнесённых Смирнягиным к ядру этого типа, выросла на 700 с лишним миллионов человек и превысила 4,2 млрд — более половины всего населения Земли. Всё больше оснований для включения в состав главных стран мира уверенно развивающихся региональных лидеров, прежде всего, Бразилии.

Поэтому на повестке дня — дальнейшее развитие типологических исследований в страноведении. К этому побуждает и возобновившийся интерес к межстрановым сопоставлениям в экономической науке. Советские экономисты стали заниматься многомерной классификацией стран примерно в то же время, когда появились первые версии географической типологии Вольского [2]. Географы тогда полемизировали с ними, критикуя за недостаточное внимание к слабо параметризуемым и далеко не всегда отражённым в статистике характеристикам стран как географических объектов. Очевидно и различие в подходе к делению стран. У экономистов в его основе было, по существу, ранжирование: выделение верхнего, промежуточных и нижнего «эшелонов». Типология по Вольскому и Смирнягину тоже иерархизирована, но типы не выстроены по линейке и выразительно расцвечены с учётом их географических особенностей. Тем не менее, современные возможности по использованию в типологии стран статистики не стоит недооценивать.

²⁶ По материалам А. А. Захарова, 2022 г.

²⁷ По материалам Р. А. Самойлова, 2022 г.

Так, плодотворным материалом для совершенствования типологии могут стать результаты недавних исследований Л. М. Григорьева и его коллег, изучавших на массиве статистических рядов современную динамику межстранового неравенства [12, 13].

Типология стран мира важна не только как фундаментальное научное направление, но и как теоретическая основа для прикладных исследований в области страноведческой компаративистики. Примерами могут служить опубликованные недавно работы, в которых типология использована для анализа трансформации сельскохозяйственной занятости [18] и пространственной неравномерности распределения доходов населения в странах мира [9].

Важнейшей общественно-политической задачей типологии, особенно во время геополитического перелома, является создание целостной, научно-обоснованной и достоверной картины мира, выстроенной с пониманием рядоположенности национальных культур и их общей значимости для всего человечества. Уместно вспомнить, что ещё в 1934 г. Витвер предостерегал географов, «работающих по капиталистическим странам», от построения классификаций стран на основе руководящих указаний Коминтерна и приклеивания к странам ярлыков в соответствии с политическими тезисами этой организации [4, с. 479].

Список литературы

1. Антонова И. Ф. Типологические черты экономической географии стран переселенческого капитализма // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 1987. — № 3. — С. 47–52.
2. Болотин Б. М., Шейнис В. Л. Экономика развивающихся стран в цифрах: опыт справочно-статистического исследования 1950–1985 годы. — М.: Наука, 1988. — 616 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. — М.: Прогресс, 1992. — 679 с.
4. Витвер И. А. Избранные сочинения / Под ред. В. В. Вольского и А. Е. Слуки. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 592 с.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001. — 416 с.
6. Вольский В. В. Избранные сочинения / Под ред. А. С. Фетисова и др. — М. — Смоленск: Ойкумена, 2009. — 378 с.
7. Вольский В. В. О типах стран капиталистического мира // Вестник Московского университета. Серия. 5. География. — 1968. — № 6. — С. 44–54.
8. Вольский В. В. Типология зарубежных стран // География, общество, окружающая среда. Т. V. География социально-экономического развития. — М.: Городец, 2004. — С. 443–470.
9. Гладкий А. С. Полимасштабный анализ и моделирование пространственной неравномерности распределения доходов в странах мира // Известия РАН. Серия географическая. — 2023. — Т. 87, № 5 — С. 701–712.
10. Горкин А. П., Кадилова Л. А., Чиркова Е. Е. Национальное богатство и

- территориально неограниченные ресурсы мира // Региональные исследования. — 2015. — № 2. — С. 148–152.
11. Горкин А. П., Трейвиш А. И., Фетисов А. С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2005. — № 2. — С. 18–27.
 12. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. — 2018. — № 7. — С. 5–29.
 13. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000–2016 гг. // Вопросы экономики. — 2018. — № 10. — С. 29–52.
 14. Капиталистические и развивающиеся страны на пороге 90-х годов (территориально-структурные сдвиги в экономике за 70–80-е гг.) / Под ред. Л. И. Бонифатьевой, В. В. Вольского, Л. В. Смирнягина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 283 с.
 15. Капитализм в Латинской Америке: очерки генезиса, эволюции и кризиса / Отв. ред. В. В. Вольский. — М.: Наука, 1983. — 414 с.
 16. Кива А. В. Страны социалистической ориентации: основные тенденции развития. — М.: Наука, 1978. — 286 с.
 17. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 27. — М.: Изд-во политической литературы, 1969. — С. 299–426.
 18. Потапова А. А., Наумов А. С. Пространственно-временной анализ занятости в сельском хозяйстве в странах мира // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2022. — № 5. — С. 79–93.
 19. Смирнягин Л. В. Развитие стран. Некоторые подходы к проблеме измерения уровня и динамики // РЖ 07. География. — 1999. — Т. 433, № 24. — С. 9–11.
 20. Смирнягин Л. В. Глобализм и национальные деловые культуры // РЖ 07. География. — 2002. — № 18. — С. 3–8.
 21. Смирнягин Л. В. Восьмая культура капитализма. Вокруг книги Ch. Hampden-Turner, F. Trompenaers. The Seven Cultures of Capitalism. London: Piatkus, 1995 // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. — 2004. — № 1. — С. 372–380.
 22. Смирнягин Л. В. Районы США: портрет современной Америки. — М.: Мысль, 1989. — 379 с.
 23. Социально-экономическая география зарубежного мира / Под ред. В. В. Вольского. 3-е изд. — М.: Дрофа, 2005. — 557 с.
 24. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — 328 с.
 25. Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. Сборник докладов / Под ред. И. М. Бусыгиной, Л. В. Смирнягина, М. Г. Филиппова. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 219 с.
 26. Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие / А. С. Наумов, Р. А. Дохов, Д. С. Елманова, Ф. А. Попов / Под ред. А. С. Наумова. — М.: Типография «Пеликан», 2019. — 336 с.
 27. Фетисов А. С. География развития и эволюционное страноведение //

- Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 15. — М., 2002. — С. 28–43.
28. Фетисов А. С. Малые страны в международном разделении труда. Опыт Вост-Индии // Латинская Америка. — 1980. — № 3. — С. 161–175.
 29. Фетисов А. С. Хозяйственные ритмы большой пространственной и исторической протяжённости // Региональные исследования. — 2015. — Т. 48, № 2. — С. 49–56.
 30. Фетисов А. С., Смирнягин Л. В., Тикунов В. С. Опыт классификаций развивающихся стран по уровню социально-экономического развития // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 4 / Отв ред. В. В. Вольский, Н. М. Польская. — М.: ИЛА АН СССР, 1982. — С. 3–15.
 31. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: Ермак; АСТ, 2005. — 588 с.
 32. The Atlas of Economic Complexity. Harvard Growth Lab. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://atlas.cid.harvard.edu/> (дата обращения 15.09.2024).
 33. The World Bank Data Catalog. The World Bank Group. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://datacatalog.worldbank.org/search?q=&sort=last_updated_date%20desc (дата обращения 15.09.2024).

Страноведение против геополитики: интеграция после обособления (как московская и ленинградская школы десятилетиями игнорировали друг друга)

Pilyasov A. N., Aksenov K. E.

Regional studies versus geopolitics: integration after isolation (how the Moscow and Leningrad schools ignored each other for decades)

Аннотация

Предмет исследования — сравнение особенностей развития двух университетских школ в последний век и более подробно в последние 40 лет. Объект исследования — московская школа страноведения МГУ и ленинградская/петербургская школа политической географии/геополитики. Исследовательский вопрос работы — определить причины, которые были барьерами для коммуникации представителей двух родственных школ экономической географии зарубежных стран, и наметить тематические направления их возможного сближения (конвергенции). Выявлено, что, несмотря на внешнее сходство тематики социально-экономической географии зарубежных стран, исследуемые школы базируются на разных исторических традициях, интеллектуальном фундаменте, весь XX в. имели разное целевое предназначение, географический приоритет, методологию, методы анализа. Лидеры обеих школ, будучи погруженными, с одной стороны, в тематику Латинской Америки и научное обоснование проектов советско-латиноамериканского сотрудничества; с другой стороны, в воссоздание советской политической географии и евразийства как российской версии геополитики, не имели существенных пересечений и к ним не стремились, — несмотря на выпуск учебников по социально-экономической географии зарубежных стран на рубеже XX и XXI вв.. Развитие обеих кафедр в первое десятилетие XXI в. происходило на энергии новаторских усилий, предпринятых лидерами обеих школ в 1990-е гг. (концепции эволюционного страноведения и новой российской геополитики), которая в конце 2010-х гг. стала ослабевать. Для выработки новой парадигмы, способной обеспечить эффективный ответ социально-экономической географии на новые вызовы страновой структуры мира и его политической организации как школе страноведения, так и школе политической географии требуется консолидация усилий и творческое переоткрытие концепций антропогеографии, евразийства, историко-географического страноведения. Блоки этой новой парадигмы страноведения и политической географии включают цивилизации-империи 2.0, геополитику глобальных городов мира, технологический переход к шестому мирохозяйственному укладу и др. Дальнейшее развитие может идти на путях синтеза геоэкономики и геополитики в работе двух школ

на уровне стран, крупных городов, территорий нового экономического развития в разных частях мира.

Ключевые слова: социально-экономическое страноведение, политическая география/геополитика, И. А. Витвер, В. В. Вольский, Б. Н. Семевский, С. Б. Лавров, антропогеография, эволюционное страноведение, новая парадигма

Abstract

The subject of the study is a comparison of two University schools in the last century and, in more detail, in the last 40 years. The object of the study is Moscow School of Regional Studies at Lomonosov Moscow State University and Leningrad/St. Petersburg School of Political Geography/Geopolitics at the St. Petersburg State University. The research question is to determine the reasons that were barriers in communication between representatives of two related schools and to outline the thematic directions of their possible convergence. As revealed, the schools under study, despite the external similarity of the topics of socio-economic geography of foreign countries, are based on completely different historical traditions, intellectual foundations. During the entire 20th century aforementioned schools had different purposes, geographical priority, methodology and methods of analysis. The leaders of these schools were both immersed, on the one hand, in the subject of Latin America and Soviet-Latin American cooperation; on the other hand, in the reconstruction of Soviet political geography and Eurasianism. Yet they had no essential intersections and did not strive for them, despite the publication of textbooks on the socio-economic geography of foreign countries at the turn of the 20th and 21st centuries. The development of both departments in the first decade of the 21st century took place due to innovative efforts undertaken by the leaders of both schools in the 1990s (the concept of evolutionary regional studies and new Russian geopolitics), which began to lose its momentum in the late 2010s. To develop a new paradigm capable of providing an effective response to socio-economic challenges to the country structure of the world and its political organization, both schools require consolidation of efforts and a creative rediscovery of the concepts of anthropogeography, Eurasianism, and historical and geographical regional studies. The base blocks of this new paradigm of regional studies and political geography include empire-civilizations 2.0, the geopolitics of global cities of the world, the technological transition to the sixth world economic mode. Further development of the topic can follow the path of synthesis of geoeconomics and geopolitics in the work of two schools at different levels: countries, large cities, territories of new economic development in different parts of the world.

Key words: socio-economic regional studies, political geography/geopolitics, I. A. Vitver, V. V. Volsky, B. N. Semevsky, S. B. Lavrov, anthropogeography, evolutionary regional studies, new paradigm

«Ибо бывают времена апатии и усталости: они приходят и к сильным странам, и храбрым народам, укрепляя и обессиливая их, подобно яду, заставляя их растратить и проспаться унаследованное пространство и будущее своих детей. В подобные времена всякий говорящий им то, что они желают слышать, заставляя их погружаться в гипноз, не обретает никакой заслуги перед ними, но лишь грешит в отношении их лучшей жизненной силы. Напротив, следует считать своим долгом без усталости окликать их как сомнамбул до тех пор, пока они не услышат и не пробудятся, дабы укрепить и расширить свои границы».

К. Хаусхофер [56, с. 28]

Введение

В течение десятилетий послевоенного времени страноведческой школе И. А. Витвера — В. В. Вольского, развивающейся на кафедре экономической географии зарубежных стран МГУ, тематически соответствовала развивающаяся в условиях идеологических запретов в СССР школа политической географии/геополитики кафедры экономической географии ЛГУ Б. Н. Семевского — С. Б. Лаврова. Несмотря на тематическую близость и сходство многих исследуемых сюжетов и защищаемых диссертаций, правилом было игнорирование концептуальных и теоретико-методологических достижений страноведческой школы в ЛГУ, и школы ленинградских политгеографов — в МГУ.

Реалии развития двух научных школ в последние три десятилетия обозначают наметившиеся пути встречного движения, наиболее заметные среди молодых исследователей. Представляется, что после десятилетий обособленного развития сейчас возникает уникальная возможность более полного и плодотворного учёта достижений обеих школ, что в условиях значительной неопределённости по поводу будущего странового устройства мира (в терминах советских политэкономов — нового раунда «борьбы за передел мира») позволит и московским страноведам, и петербургским политико-географам конструктивно отвечать на возникающие новые вызовы и оставаться востребованными в экспертном сообществе России.

Предмет исследования данной статьи — сравнение особенностей развития двух университетских школ в последний век и более подробно — в последние 40 лет. Объект исследования — московская школа страноведения МГУ и ленинградская/петербургская школа политической географии/геополитики. Цель исследования (исследовательский вопрос работы) — определить причины, которые были барьерами для коммуникации представителей двух

родственных школ экономической географии зарубежных стран в течение десятилетий и наметить тематические направления их возможного сближения (конвергенции). Поставленный исследовательский вопрос потребовал решения следующих задач: 1) сравнить особенности формирования каждой школы и те специфические черты, которые её характеризовали в позднесоветское время; 2) оценить роль лидеров школ — с одной стороны, В. В. Вольского; с другой стороны, Б. Н. Семевского и С. Б. Лаврова в сохранении обособленного развития обеих школ в течение почти полувека; 3) определить приоритеты развития каждой школы в последние 25 лет; 4) наметить перспективные направления консолидации усилий для молодых учёных/представителей обеих школ.

Информационной основой исследования стали работы лидеров и представителей обеих школ, которые были тщательно изучены. Новизна исследования состоит в попытке ответить на вопрос (который ранее никто не ставил): почему обе университетские школы экономической географии зарубежных стран, которые тематически очень близки друг другу, осознанно выбрали путь автономного развития с практически полным отсутствием профессиональных контактов?

Причина, по которой мы называем московскую кафедру экономической географии капиталистических и развивающихся стран/социально-экономической географии зарубежных стран школой (социально-экономического) страноведения, а ленинградскую/петербургскую кафедру экономической географии школой политической географии/геополитики связана с тем, что сами её лидеры и видные учёные в течение десятилетий XX в. считали (явно или «подспудно») страноведение и геополитику «фирменным знаком», главным конкурентным преимуществом своей структуры внутри экономико-географического сообщества СССР/России.

Методология и методы исследования

Методология нашего исследования базируется на приёмах анализа научных школ, которыми мы учились у В. И. Вернадского [17, 18], Т. Куна [41], работах И. Забелина [35] и др. Основными методами стали сравнительный и ретроспективный анализ, анализ биографий лидеров научных школ.

Результаты

1. Две школы и две традиции: глубокие различия и короткие пересечения

Несмотря на формальное нахождение в лоне одной материнской науки — экономической географии зарубежных стран — МГУ-школа социально-экономического страноведения и ЛГУ-школа политической географии имели очень разные условия формирования и, следовательно, накопленные традиции к позднесоветскому времени. Эти различия являются производными от одного фундаментального исходного разграничения: страноведение

исходно коренится в традиции изучения народов (первоначально путешественниками-мореплавателями и географами широкого профиля), а политическая география/геополитика основывается на традиции изучения государств — таким образом, первая дисциплина базируется на народоведении, а вторая — на государствоведении. Можно сказать ещё резче, вспоминая основы марксизма-ленинизма: первая имеет в своей основе материальный субстрат, широко понимаемое бытие (в том числе хозяйственные уклады) народов — вторая имеет в основе духовный (идеальный) субстрат в виде политических структур и институтов. В позднесоветскую эпоху жёсткого обособления материалистической и идеалистической философии и мировоззрения эта непримиримая дихотомия, естественно, не могла не сказаться и на взаимоотношениях представителей обеих школ, которые (можно сказать, подспудно) имели разную мировоззренческую «окраску».

Неудивительно, что и сами условия формирования обеих школ были существенно различны. Московская школа страноведения наследует традицию Русского императорского географического общества, созданного в 1845 г., в период закрепления государства в своих границах после екатерининского «золотого века» и расширения «внешнего взгляда» в виде организации многочисленных научных и коммерческих экспедиций и путешествий русских людей в «заморские страны». Комплексные описания этих стран русскими путешественниками сформировали традиции энциклопедизма, междисциплинарности и абсолютно не-колониальной сочувственной социальной справедливости этого живого «полевого» страноведения как абсолютно российской научной концепции — в противовес к более утилитарным, прагматичным западным колониальным традициям в *country u regional studies*. Неудивительно поэтому, что такое «гуманитарное» страноведение было тесно связано с просветительской традицией: первые русские путешественники увековечивали свои наблюдения о чужеземных странах и народах в очерках, картах, жизнеописаниях географии стран и истории народов как органичных атрибутах просветительского страноведения.

С другой стороны, петербургская школа политической географии базируется на абсолютно другой традиции описания государств, а не народов. Толчок ей дали реалии Вестфальского мира 1648 г., который стал абсолютной институциональной инновацией для того времени, потому что впервые постулировал принцип суверенитета государства и сверхценность государственно-политического образования различных народов в мире, где ранее столетиями существовало лишь право сильного.

И несмотря на то, что в 1919 г. Версальский договор провозгласил право наций, а не только государств, на самоопределение, а ООН, казалось, окончательно закрепила это право, более 350 лет мы живём в этих реалиях «по умолчанию», когда принцип суверенитета и территориальной целостности государства де-факто считается (или считался до недавнего времени) незыблемым. И абсолютно естественно, что спустя 90 лет в труде немецкого профессора Санкт-Петербургской императорской академии наук и Академического

университета Г. В. Крафта появился термин «politische geographie», обозначающий появление новой науки. Первая в мире монография с термином «политическая география» в названии была опубликована на русском и немецком языках немцем на русской службе в Санкт-Петербурге Х.-Н. Винсгеймом в 1745 г. [19]. Подробная история появления политической географии в России, в Санкт-Петербургском университете и формирования здесь традиций описания не стран и народов, а государств, — задолго до трудов классиков геополитики Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера — изложена в фундаментальной работе современных представителей петербургской школы политической географии [38]. Сложившаяся традиция обособления народоведения и государственоведения прервалась в работах Ф. Ратцеля, опубликованных на рубеже XIX и XX вв., в которых он прочно увязал народ и государство как единый организм, который находится в постоянном историческом движении и росте, а на процесс роста государства оказывает влияние климат, географическое положение, величина территории и плотность населения [55, 70].

Именно работы Ф. Ратцеля и других представителей школы антропогеографии (географии человека) обеспечили идейный мост для интеграции на короткое время первых десятилетий XX в. страноведения как изучения народов и стран, и политической географии как науки изучения государств: у антропогеографов государство и народ стали пониматься как слитное, органичное, материальное и духовное единство. Прежнее, в традициях XVIII в., и последующее, в традициях советской марксистско-ленинской политэкономии, разграничение и жёсткое идейное обособление материального и духовного, на короткий период было преодолено в концепции их нерасторжимой связи («земли и людей»).

Для современного поиска путей интеграции страноведения и политической географии эта антропогеографическая, короткая по времени, традиция очень важна. Основоположник московской университетской школы И. А. Витвер, несомненно, первоначально находился под влиянием французской школы географии человека (а её можно считать родственным аналогом немецкой антропогеографии), прежде всего энциклопедических работ её лидера Элизе Реклю.

К чему реально приводил синтез народоведения и политгеографии, можно увидеть по блестящему очерку Л. С. Берга о своей родине — «Бессарабия», который может служить примером внедрения метода антропогеографии в классическое страноведение [14]. Помимо классического описания материальных физико-географических и экономико-географических субстратов жизни страны Бессарабии и её народов, автор уделяет огромное внимание институтам управления страной и её отдельных частей, которые в зависимости от экономико-географического положения и истории захватов территории, были подвержены влиянию молдавских, румынских, турецких и российских институтов. Например, Л. С. Берг описывает, как суды Бессарабии и её районов по гражданским, административным, уголовным делам в одних случаях работали по молдавским, в других случаях — по российским законам.

Он оценивает качество местного управления местными, русскими и молдавскими чиновниками в разных регионах Бессарабии. А ведь это уже безусловные сюжеты политической географии.

В советском «каноническом» страноведении все институты (формальные и неформальные) подспудно полагались унифицированными (как если бы они были одинаковыми) на всём пространстве страны и на длинных отрезках времени. Стабильность нарушалась только при смене общественно-экономических формаций в результате классовой борьбы и революций (в точном соответствии с канонами марксизма-ленинизма). А все многочисленные пространственно-временные микровариации формальных и неформальных институтов внутри страны игнорировались как незначимые для её существования и развития. Другое отличие антропогеографического страноведческого очерка Л. С. Берга от канонических работ советского страноведения состоит в существенно большем внимании к описанию народов (это особенно ощутимо в очерке «пёстрой» по народам Бессарабии), их духовной культуры, психологического поведения, пищевым запретам по религиозным соображениям и др. Вспоминая слова классика советской экономической географии Н. Н. Баранского — «человека забыли», что было объективно для индустриальной эпохи повсеместного наступления хозяйства и ломки прежней социально-патриархальной жизни (и, естественно, для работ зрелого И. А. Витвера и В. В. Вольского как основоположников московской университетской советской школы страноведения) — здесь человека ещё не забыли. В страноведческой работе Л. С. Берга присутствует значительно большая глубина исторической ретроспективы, с привнесением сильных элементов археологии, этнографии, чем это потом было принято в советском страноведении, которое обычно стартовало в описаниях с периода агроиндустриальной трансформации.

Одновременно с этим считающийся физико-географом Берг отстаивал недопустимость крайности редуцирования законов развития общества до исключительно общебиологических. Развернувшиеся в международном дискурсе поиски политических выводов из положений социал-дарвинизма и германской версии школы антропогеографии побудили Л. С. Берга к публикации в 1922 г. научно-публицистической работы «Борьба за существование и взаимная помощь» [15], в которой он указывал на недопустимость некорректного переноса дарвиновской теории естественного отбора в сферу политики. Он, в частности предостерегал от механистического отождествления законов развития государства с дарвиновским принципом естественного отбора, утверждая (вслед за Ратцелем и Бакуниным), что человеческое общество, в отличие от прочих биологических видов, способно к коллективному рациональному выбору, в котором взаимная помощь может быть избрана в качестве альтернативы деструктивным практикам «естественного отбора» в политике государств. В петроградской (ленинградской) школе политической географии в это время тоже осуществлялся переход к антропогеографической парадигме, прежде всего усилиями профессора кафедры страноведения (тогдашнее название кафедры экономической географии) географического факультета

Ленинградского государственного университета В. П. Семенова-Тян-Шанского [58, 59]. Он тоже осуществлял синтез материального и духовного, наделая политическую географию чертами синтетического знания, одновременно о материальных и духовных могуществах государств (в современной терминологии — о территориальном капитале государств и регионов).

Смычку политической географии и антропогеографии, которая происходила в первой трети XX в., начавшись до Октябрьской революции и продолжившись ещё около 15 лет после неё, отразила и статья по политической географии российской энциклопедии Брокгауза и Эфрона (любопытно, что статьи по геополитике в энциклопедии нет): «она приняла характер сборной дисциплины, соединяющей в себе данные по этнографии, статистике и государствоведению отдельных стран. В недавнее время вошёл в употребление термин антропогеография как название отдельной ветви землеведения, имеющей предметом изучение взаимодействия между человеком и природой (географическое распространение рас, различные типы быта и культуры, переселения и т. п.)» [67]. Для нас в этом определении важна увязка политической географии как государствоведения и землеведения (а его в трактовке авторов статьи можно признать родственным народоведению и страноведению).

Очевидно, что уникальный опыт существования в течение нескольких десятилетий «единой географии» в виде интегрированных антропогеографией страноведения и политической географии — в современных реалиях поиска новой творческой интеграции между двумя школами должен быть переоткрыт и переоценён (как минимум, в дипломных и диссертационных исследованиях).

Новая традиция в московское страноведение была привнесена методологией марксизма-ленинизма в советский период его развития. Географическое прочтение основополагающих работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина первым осуществил Н. Н. Баранский, который и заложил идейные, мировоззренческие основы новому советскому страноведению. Его базовыми чертами стали формационный подход — увязка развития страны со сменой общественно-экономических формаций, внимание к классовым противоречиям и социальной структуре общества, сугубо материальное понятие производительных сил, в целом примат материальных факторов над социокультурными (духовными) в описании стран.

Страноведение становилось хозяйственным, экономическим, уходило от народоведения. И И. А. Витвер как основоположник советского страноведения в главном университете СССР был призван углубить и детализировать эту трансформацию, исходно начатую Н. Н. Баранским [12, с. 157]: «страноведение, не претендуя на роль особой науки, должно быть лишь организационной формой объединения разносторонних знаний о той или иной определённой стране».

В этом плане очень поучительно посмотреть, как задолго до Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [1] И. А. Витвер «канонически» объясняет, почему Латинская и Северная Америка имеют такой разный уровень развития производительных сил: феодальная Испания осуществляла в XVI в. колонизацию

Латинской Америки устаревающими производительными силами, в том числе технологиями и средствами производства, в то время как капиталистическая Англия проводила в XVIII в. колонизацию Северной Америки самыми передовыми для того времени средствами и орудиями производства, при более продвинутых общественных капиталистических отношениях [20, с. 322]. Напомним, что Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон 80 лет спустя объясняют отставание стран Латинской Америки в развитии тем, что здесь были внедрены в управление «экстрактивные», а в Северной Америке «инклюзивные» институты. Думается, что марксова формационная логика объяснения, применённая И. А. Витвером, выглядит более системной и убедительной.

Обращение для объяснения различий в уровне социально-экономического развития между странами и между частями одной страны (что нередко выявлялось в результате процедуры экономического районирования) к понятию производительных сил, старых и молодых (новых) отраслей промышленности, к которому тяготел И. А. Витвер (например, что британский капитал в Латинской Америке тяготел к старым, а северо-американский — к молодым отраслям) во многих случаях было новаторским и конструктивным применением марксистско-ленинской политико-экономической методологии.

Конечно, и преемник И. А. Витвера, В. В. Вольский, сменивший его на посту заведующего кафедрой капиталистических стран, также исповедовал марксистско-ленинский подход — общественно-экономические формации, классовая борьба и классовый подход для анализа социальной стратификации общества, диалектические противоречия в развитии производительных сил (материальных активов) и производственных отношений (прежде всего институтов собственности).

Конечно, каноны марксизма-ленинизма были обязательны к применению и для ленинградской школы политической географии, которая длительное послевоенное время ввиду идеологических запретов существовала как бы полуполюгально. Однако, как всегда, в случае второй столицы, здесь были существенные отклонения от генеральной линии партии. Значительная энергия лидеров и многих представителей ленинградской школы тратилась на «конструктивную» критику буржуазных концепций геополитики, которые на самом деле глубоко и заинтересованно изучались ими, а на диссертационном совете при географическом факультете ЛГУ в 1980-е гг. во время первого идеологического послабления прошло сразу несколько защит по тематике зарубежной политической географии и геополитики.

Другую важнейшую интеллектуальную традицию, которая зародилась в связке с ленинградской школой политической географии и базировалась на идеях евразийства, представлял и развивал автор самобытной теории этногенеза Л. Н. Гумилёв. И в идеях гумилёвской пассионарной энергии, и в идеях этнических циклов можно увидеть много сходства с концепциями ведущих немецких геополитиков Ратцеля и Хаусхофера о «жизненном пространстве», едином «государство-народ» организме, возбуждающем влиянии физико-географической обстановки на духовную энергию проживающих на этом

пространстве людей и т. д. Справедливо будет сказать, что вне интеллектуального влияния идей Л. Н. Гумилёва понять развитие ленинградской школы политической географии последних двух десятилетий советского времени нельзя. Об этом убедительно сказано в работах самих представителей ленинградской школы политической географии/геополитики [3], а некоторые из них даже выделяют евразийскую школу геополитики, значительную лепту в развитие которой внёс Л. Н. Гумилёв [66, 68].

После короткого периода близкого развития школ московского страноведения и ленинградской политической географии на платформе антропогеографии, можно констатировать, что наступил длительный послевоенный период очень сильного интеллектуального обособления — московская школа ушла в марксистско-ленинское «индустриальное» страноведение (хотя оно и получало разные названия в виде комплексного, проблемного и так далее), очень сильно идеологически заряженного, со всеми достоинствами и недостатками от этого состояния «придворной слуги»; с другой стороны, ленинградская школа политической географии ушла в интеллектуальное подполье в виде критики буржуазных концепций геополитики (а на самом деле эта критика выдавала сильнейший интерес представителей школы к их базовым постулатам) и оформления евразийства как очень своеобразного и самобытного направления собственной российской геополитики.

Если сказать сильно огрубляя, то в московской школе утвердился призмат «материального» в изучении стран и народов мира, очень сильного разграничения природных и общественных закономерностей (в соответствии с марксистскими канонами), что повлекло даже формальное обособление страноведения на физико-географическое и экономико-географическое; с другой стороны, в ленинградской школе поддерживались концепции, в которых признавалась важность духовного, пассионарного в развитии народов и государств, в значительно большей степени допускалась «родственность» законов природы и общества, чем это было принято официально. Иначе говоря, в Ленинграде география оставалась более «единой», чем в Москве (несмотря на несущественное для таких фундаментальных интеллектуальных различий физическое расстояние между обеими столицами).

Продолжим и детализируем эту важнейшую тему сущностных отличий двух школ. Знаменем школы московского страноведения Витвера-Вольского была комплексность, которая понималась прежде всего в трёх аспектах: 1) взаимодействие экономико- и физико-географов в изучении стран; 2) междисциплинарность, с привнесением в описание страны наработок представителей «соседних» общественных наук, прежде всего истории и экономики; 3) единство отраслевого и районного подхода в характеристике страны, на деле оно выражалось в том, что вслед за отраслевым обзором (характеристика отдельных профильных отраслей) следовал районный раздел характеристики важнейших экономических районов страны.

Рассмотрим каждую грань комплексности более подробно. Один из классиков советского официального страноведения В. М. Гохман, который

был тесно связан со школой Витвера-Вольского, написал статью «Страноведение» в Краткой географической энциклопедии [29, с. 26] и для третьего издания Большой советской энциклопедии [28, с. 546]. В этой статье он даёт официальную трактовку комплексности в условиях отказа от «единой географии» (задача непростая, требующая определенных интеллектуальных кульбитов): «Резко обособились физическая и экономическая география, причём внутри каждой из них вырос ряд более узких географических дисциплин. Эта дифференциация, в свою очередь, способствовала расширению потребностей в синтезе данных по территориям (странам, районам). Поэтому наряду со специализацией географов по отдельным компонентам природы и отраслям хозяйства продолжает развиваться и специализация по территориям, возникает потребность в региональных работах комплексного страноведческого характера. Но обособление физической и экономической географии привело к тому, что в советской научной страноведческой литературе отчётливо сформировались два направления: физико-географическое и экономико-географическое. Поскольку в советских страноведческих работах важное место уделяется анализу причинно-следственных связей, авторам приходится сталкиваться с совершенно различными закономерностями, присущими природе и обществу. Обособление экономико-географического и физико-географического направлений в страноведении связано и с необходимостью научно обоснованной системы экономических единиц — районов и подрайонов различных порядков. Несовместимость сеток природных и экономических районов также обычно приводит к необходимости придавать страноведческой работе либо физико-географический, либо экономико-географический характер. В то же время буржуазные географы, смешивающие закономерности развития природы и общества, создавая работы в духе «единого страноведения», нередко выделяют районы по физико-географическим признакам, а дают им по преимуществу экономико-географическую характеристику. Существование у нас двух различных форм синтеза географического материала отнюдь не исключает необходимости дальнейшего усиления связей между физической и экономической географией, что особенно важно для комплексных характеристик территорий. Это создаёт возможности для новых, более полных и органичных, форм синтеза страноведческого материала» [29, с. 26].

С другой стороны, геополитические пристрастия ленинградской школы политгеографии приводили к тому, что отношение к проблеме «единой географии» и к переносу некоторых законов природы на общественные отношения было здесь более спокойным. Идеи географической комплексности педантировались менее сильно — зато в реальных научных пристрастиях и концепциях, например, этногенеза, признание фундаментальных различий законов общества и природы было существенно слабее, чем в канонических столбчатых школах географии. Получался парадокс: чем сильнее провозглашалось фундаментальное отличие законов физической и экономической географии, то есть природы и общества, тем сильнее нужно было представителям московской школы подчёркивать необходимость комплексности в страноведческих

исследованиях. С другой стороны, там, где исходно не было жёсткого противостояния и обособления законов общества и природы, где сама эта тема звучала глуше, а симпатии к единой географии были выше, там не было и необходимости педалировать географическую комплексность.

В ленинградской школе симпатии к геополитике неизбежно означали скрытое признание во многом общих законов развития природы и общества — потому что вся геополитика построена на этом. И, конечно, совершенно очевидно, что и С. Б. Лавров как лидер школы и автор теории этногенеза Л. Н. Гумилёв явно к этому тяготели (как и их учителя В. И. Вернадский и Л. С. Берг). Можно отнести к этому как к традиционному ленинградскому интеллектуальному диссидентству, а можно увидеть здесь на самом деле подспудный спор по фундаментальной проблеме, до какой степени корректно допускать общность законов общества и природы. Московская школа находилась в русле официального марксистского канона, а ленинградская позволяла себе фронтировать. Но если спор «отраслевика» Дэна и «районщика» Баранского хорошо известен, то подспудный спор о степени и глубине единства географии и законов общества и природы известен меньше, а он на самом деле шёл все последние советские десятилетия и определял фундаментальные, исходные различия идейных позиций двух школ (подобно тому, как дихотомия материальное/духовное также определяла разграничение школы страноведения и школы политической географии).

Другой гранью комплексного страноведения было взаимодействие географов в страноведческих описаниях с представителями других наук. Она обеспечивалась исходно тем, что ни И. А. Витвер, ни В. В. Вольский не были географами по базовому образованию, но пришли в географическое страноведение с багажом знания других дисциплин (истории и экономики). Поэтому идея междисциплинарности была как бы исходно поощряема. Но и в ленинградской школе достоинства междисциплинарности в разработке сюжетов политической географии/геополитики были подняты очень высоко. С. Б. Лавров любил цитировать слова В. И. Вернадского, что в век растущей дифференциации наук «мы всё больше специализируемся не по наукам, а по проблемам» [16, с. 54]. Л. Н. Гумилёв шутил, что, когда был в одной структуре с историками, они его ели поедом, а среди географов нашёл свою «экологическую нишу».

Третьей гранью комплексного страноведения являлось взаимодействие отраслевого и районного подхода при описании страны. Этот канон чётко соблюдался во всех исследованиях советского времени, создавая, можно сказать, просто обязательный шаблон страноведческой характеристики. В силу специфики предмета в политической географии такого шаблона не было — как вообще не было шаблона политико-географического описания страны. В силу этого закономерно и неизбежно ленинградская школа методологически и методически была слабее московской, в которой методический шаблон вбивался палкой со студенческих времён (на пользу будущему исследователю).

Рассмотрим подробнее, в чём была сила методологии московской школы страноведения. Важнейшими достижениями школы страноведения Витвера-Вольского были творческое применение диалектического метода, метода историзма, районирования и типологии. А Латинская Америка стала для обоих лидеров школы излюбленным полигоном апробации этих методов и подходов (для ленинградской школы таким полигоном испытания методов политической географии и геополитики стала Евразия). Сам В. В. Вольский писал, что «непременность, настойчивость витверовского диалектизма порой просто поражает» [22, с. 8–69, с. 66], — хотя и он вполне владел методами марксистско-ленинской диалектики. Что это означает?

1) Не позволять себе в оценке страны редукцию лишь к одному, пусть и очень важному, фактору её развития. Но обязательно видеть её развитие в противоречивой борьбе противоположных тенденций и факторов, то есть диалектически.

2) Обязательно видеть и владеть умением выявлять противоречия внутри рассматриваемой социально-экономической системы, не позволять себя усыплять нирванными описательными характеристиками, чувствовать ритм противоречия как источника восходящего развития. В полном соответствии с работой В. И. Ленина «О диалектике»:

«Развитие как единство противоположностей, как скачки самодвижения и перерывы постепенности [48, с. 317] ... «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе (“отрицание отрицания”), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — “перерывы постепенности”; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (причём история открывает всё новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, таковы некоторые черты диалектики как более содержательного (чем обычное) учения о развитии [47, с. 55].

3) Владеть умением обособлять противоположные, например, центробежные и центростремительные, тенденции и видеть развитие как их временное компромиссное единство.

4) Понимать, что в развитии обязательно наступают повторения прошлого, но всегда с изменениями, с «восхождением по спирали», то есть в результате отрицания отрицания осуществляется выход на более высокую фазу развития.

Ленинградская школа так системно принципы диалектики в политико-географических исследованиях не применяла. Хотя Л. Н. Гумилёв в своих этнологических работах постоянно обращался к принципам диалектики и восхищался диалектикой китайского мыслителя Сыма Цяня. В спецкурсе по политической географии заведующего кафедрой Б. Н. Семевского в 1960-е гг.

рассматривалось воздействие явлений в политической надстройке на материальный базис общественного воспроизводства [57], а в 1970-е гг. формировалась системная критика геополитических концепций западных учёных. В этой связи любопытно отметить, что эта традиция увековечена в третьем издании Большой советской энциклопедии начала 1970-х гг., в которой есть статья критическая по геополитике, написанная П. М. Алампиевым и Ю. Н. Семеновым, но нет статьи по политической географии (в энциклопедии Брокгауза и Эфрона начала века было наоборот).

Марксизм-ленинизм учил всё понимать исторически, то есть в динамике изменений. Неудивительно поэтому, что первой классической работой страноведческой школы Витвера-Вольского стало именно «Историко-географическое введение в экономическую и социальную географию зарубежного мира» И. А. Витвера. Историзм стал методом страноведческого описания. Однако сам исторический подход и метод были довольно статичными! Не было логики процессности, подлинного страногенеза, формирования, становления, расширения стран, «дыхания границ» в духе геополитики. Была дискретная характеристика рубежных моментов в развитии страны.

В этом плане чувство времени у геополитиков было намного мощнее, чем у советских канонических страноведов. Ленинградская школа именно в понимании времени как «дления», как процессности, особенно в работах Л. Н. Гумилёва, имела здесь бесспорное преимущество. Думается, что московскую школу в таком живом понимании времени в страноведении очень сковывали догматы незыблемости ялтинских границ послевоенного мироустройства, основополагающие принципы хельсинкского заключительного акта 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который декларировал стабильность границ европейских государств «навечно».

С другой стороны, в московской страноведческой школе за десятилетия упорной работы была создана мощная система методов изучения стран мира, которая включала типологию — любимое детище В. В. Вольского и Л. В. Смирнягина [62] — доведённую до артистической виртуозности процедуру группирования стран по общности характеристик; экономическое районирование вместе с картографическим методом — в этом искусстве экономико-географы МГУ не имели равных в стране, неудивительно, что эти компетенции «проливались» и на кафедру страноведения; системный подход, нацеленный на увязку всех внутренних характеристик страны между собой, но также и на системное рассмотрение её внешних связей с миром.

«Ответ» ленинградской школы был сильный, но неравноценный. Изобретением Л. Н. Гумилёва стал впервые применённый метод естественствования к изучению общественных наук, взгляд «натуралиста» на процессы формирования, развития и умирания этносов (этногенез). Это было идейно близко к геополитикам, которые также рассматривали границы и государства «органично», то есть в законах биологической, природной жизни. «Органическая модель» государства, характерная для антропогеографической школы геополитики, как раз и означала изучение его как природное явление.

Что касается системного подхода, который, бесспорно, был сильной стороной страноведческих описаний московской школы, то в ленинградской школе политической географии он не был в такой степени виртуозно задействован, но у Л. Н. Гумилёва в этнологии этнос исходно понимался как динамическая система; акцент на межэтнические контакты в теории этногенеза добавлял к этим внутренним внешние системные факторы; а в своих лекциях на примере семейных отношений автор популярно объяснял основы системного подхода в научном исследовании.

Несмотря на формально заданную обязанность «живописать» страны, и Витверу, и Вольскому лучше удавался панорамный жанр широкими мазками описывать крупное целое в виде империй, цивилизаций, континентов. Например, исключительно ярко краткий очерк Британской империи И. В. Витвера [20]. В. В. Вольский в последние годы открыл свою «болдинскую осень» во вдохновенном, написанном на одном дыхании, разделе про цивилизации учебника социально-экономической географии зарубежных стран [23, с. 183–218].

Близким аналогом в ленинградской школе может служить описание суперэтносов у Л. Н. Гумилёва. Вообще же выходов на такие крупные панорамные описания здесь не было. Ответом можно считать работы С. Б. Лаврова по глобальным проблемам человечества [44] — тоже крупно поставленная и модная в советской общественной науке 1980-х гг. проблематика, но никак не связанная со школой политической географии.

Очень сильной стороной историко-географических очерков И. А. Витвера была развёрнутая характеристика точек перелома — моментов времени, когда происходила легитимизация нового странового устройства Европы и мира — Венский конгресс 1815 г., Берлинский конгресс 1878 г., Версальский мирный договор 1919 г. Он картографически детально показывал все территории — «переходящие знамёна», которые переходили от одной страны к другой при очередных послевоенных переделах мира.

Определённым аналогом описания таких точек перелома может служить описание моментов пассионарных толчков у Л. Н. Гумилёва, когда также в короткий период времени радикально изменялась картина этнического устройства мира. Многим находкам и методическим достижениям страноведческой школы можно найти аналоги в концепции этногенеза Л. Н. Гумилёва, но для объективности нужно сказать, что её никак нельзя считать составной частью ленинградской школы политической географии, она лишь отдельными своими гранями и постулатами в неё заходит.

Страноведческую школу Витвера-Вольского можно отчётливо понять, сравнив её работы с работами других авторов, в том числе учебниками по страноведению. Важнейшее отличие — это полевое, прикладное, в лучших своих результатах — конструктивное (перспективное), то есть обладающее прогностическим потенциалом, страноведение. А работы других российских, в том числе московских, коллег — это академические исследования, монографические обобщения, но лишённые тех черт живости, которые возникают при

личном, в том числе экспедиционном, соприкосновении с объектом изучения. Поэтому школа Витвера-Вольского — это путь в страноведение «снизу», от кропотливого изучения каждой страны до эмпирического обобщения, это путь научной индукции.

С другой стороны, исследовательский метод ленинградской школы политической географии преимущественно совершенно другой. Это путь от исходной гипотезы, своей или заимствованной из зарубежной «буржуазной» геополитики, к конкретной эмпирической фактуре. Это дедуктивный метод в чистом виде. Его активно использовал Л. Н. Гумилёв, его применял и С. Б. Лавров.

Две университетские кафедры экономической географии зарубежных стран — одна московская, страноведческая, другая ленинградская, с традициями политической географии, несмотря на общность предмета изучения — зарубежные страны мира — различались предназначением (первая — обслуживала политические интересы руководства страны, интеллектуально обеспечивала ширящиеся международные контакты позднего СССР; вторая — находила себя в квалифицированной критике буржуазных концепций политической географии и геополитики); историческими традициями; методологией и методами, которыми были вооружены их лучшие представители; излюбленными исследовательскими полигонами (таблица 1).

Масштаб предмета изучения московской страноведческой школы — все страны мира — неизбежно подавлял даже сильных учёных — неслучайно учебник Экономической географии зарубежных стран под редакцией В. В. Вольского был самым толстым среди всех учебников кафедр экономико-географического цикла МГУ. Неудивительно, что значительная творческая энергия представителей школы уходила на просветительские проекты в виде школьных и вузовских учебников, энциклопедий, географических атласов. Тематическая широта оборачивалась недостаточной проблематизацией. Неслучайно «на стороне», в других от кафедры академических сообществах, возникли проекты проблемного, конструктивного страноведения.

С другой стороны, в ленинградской школе этих «гирь» широты не было, возникала возможность концентрации на фокусных направлениях. Таким направлением, помимо глобальных проблем человечества, которыми С. Б. Лавров увлёкся в 1980-е гг. и развивал совместно со своими московскими коллегами из Института географии АН СССР, подспудно оставалась здесь рождённая два века назад политическая география и также подспудно развиваемая Л. Н. Гумилёвым школа евразийства — ставшая впоследствии ветвью геополитики.

Московская кафедра страноведения почти никогда не выступала оппонентом или рецензентом работ коллег на кафедре экономической географии ЛГУ, но верно было и обратное. Сотрудники «родственных» кафедр предпочитали приглашать к себе коллег из Института географии АН СССР, других структурных подразделений вузовской и академической науки СССР, но только не «зарубежников» из университета соседней столицы. В этом,

десятилетия существующем негласном правиле, единственным исключением был Л. В. Смирнягин, который время от времени осуществлял миссию «посредника», будучи рецензентом или оппонентом работ сотрудников и аспирантов кафедры С. Б. Лаврова. Поэтому его роль была уникальной.

Таблица 1 — Сравнительный анализ черт московской школы страноведения и ленинградской/петербургской школы политической географии/геополитики

	Московская школа социально-экономического страноведения Витвера-Вольского	Ленинградская школа политической географии Семевского-Лаврова
Рассматриваемые годы	1940–1990-е гг.	1950–1990-е гг.
Базовые традиции (из антропогеографии)	Народоведение	Государствоведение, этногенез
Место рождения	Русское императорское географическое общество	Санкт-Петербургский государственный университет
Интеллектуальный фундамент	Материализм: география — материальная предпосылка развития производительных сил	Идеализм: география — источник жизненной энергии народа страны (духовной энергии)
Характерные черты	Тематическая широта	Узкая проблематизация
Целевое предназначение	Обслуживала политические интересы руководства страны	Осуществляла квалифицированную критику буржуазных концепций геополитики
Географический приоритет	Латинская Америка	Евразия
Мировоззренческие основы	Формационный подход, классовая структура и противоречия, производительные силы. Принципы диалектики	Критика буржуазных концепций геополитики. Позднее евразийство. Концепция этногенеза Л. Н. Гумилёва
Взаимоотношение природы и общества в страноведении/ политической географии	Обособление природы и общества, природных и социальных закономерностей в развитии стран и народов (фундаментальные различия)	Идеи «единой географии»
Методология	Сильная целостная: диалектика, историзм, районирование, типология	Использование методов естествознания в социальных науках (подход натуралиста). Фрагментированные элементы политико-географического анализа
Основной метод анализа	Индуктивный метод эмпирического обобщения «снизу»	Дедуктивный метод концептуализации «сверху»
Динамика или статика географического анализа	Формальный историзм. Незыблемость (статичность) границ послевоенного устройства мира	Живое чувство времени и процессности. Подвижность границ и «границеведение»

Составлено авторами.

Аналогичную роль мог бы сыграть и другой сотрудник кафедры В. В. Вольского — О. В. Витковский, который в 1954 г. защитил первую в послевоенном СССР диссертацию по политической географии [21], а в 1970-е гг. читал на кафедре В. В. Вольского курс по политической географии, то есть

тематически был абсолютно созвучен кафедре С. Б. Лаврова, однако этого не произошло, видимо, ввиду особенностей личности самого О. В. Витковского.

В результате обе кафедры предпочитали находить коллег и партнёров для своих исследовательских и публикационных проектов на стороне, но только не друг у друга. Аналогичная политика была и в области цитирования. В работах представителей ленинградской школы практически не было ссылок на работы коллег с кафедры страноведения, а в работах московской кафедры экономической географии зарубежных стран не было ссылок на работы товарищей с ленинградской кафедры С. Б. Лаврова.

Данная ситуация за многие десятилетия послевоенного времени до такой степени стала традицией, что уже ни у кого даже не возникал вопрос, а почему так произошло? Ведь в последнее предвоенное десятилетие такой «традиции» абсолютно не было. Но и в послевоенное время обе кафедры продолжали общение с другими кафедрами соседнего университета, например, ленинградцы — с кафедрой экономической географии СССР Ю. Г. Саушкина, при этом очень слабо — с родственными «зарубежниками».

В попытке объяснить этот послевоенный феномен (который нельзя просто свести к обидам ленинградцев за разгром школы камеральных «отраслевиков» Дэна и победоносное утверждение районной школы Н. Н. Баранского в МГУ и во всей стране), нам нужно обратиться к особенностям личности лидеров обеих кафедр — В. В. Вольского, который в течение 40 лет возглавлял кафедру экономической географии зарубежных стран МГУ как колыбель советского социально-экономического страноведения и Б. Н. Семевского и С. Б. Лаврова, которые практически в течение тех же 40 лет возглавляли кафедру экономической географии ЛГУ как колыбель российской/советской политической географии.

2. Лидеры школ В. В. Вольский и Б. Н. Семевский — С. Б. Лавров: пересечений быть не могло

Возможно, факты личной биографии руководителей кафедр помогут нам найти ответ на вопрос о причинах обособления в развитии двух тематически «родственных» кафедр (таблица 2).

В. В. Вольский унаследовал кафедру страноведения от И. А. Витвера, который идейно и человечески находился под определяющим влиянием Н. Н. Баранского, пригласившего его в Московский государственный университет и потом создавшего кафедру фактически под него. И. А. Витвер пришёл в географию, получив образование магистра истории и неслучайно поэтому тяготел к историко-географическим очеркам, которые написаны рукой подлинного мастера. Но и В. В. Вольский пришёл в географическое страноведение как экономист-международник, а по формальному образованию — юрист-международник [50].

Таблица 2 — Сравнительный анализ биографий заведующих кафедрами, изучавшими экономическую географию зарубежных стран

	Кафедра экономической географии капиталистических и развивающихся стран МГУ		Кафедра экономической географии ЛГУ	
Руководители	И. А. Витвер	В. В. Вольский	Б. Н. Семевский	С. Б. Лавров
Годы жизни	1891–1966	1921–1999	1907–1976	1928–2000
Годы заведования кафедрой	1934–1938 — почвенно-географический факультет, 1938–1957 — географический факультет	1959–1999	1958–1976	1976–1997
Степень профессиональной «принадлежности» кафедре (экспертная оценка)	10 — максимальная	4 — умеренная (в последние семь лет — 9 высокая)	8 — значительная	10 — максимальная
Путь лидера на кафедру: «извне» или «изнутри»	Из Института истории (магистр истории)	Из МГИМО МИД СССР, юрист и экономист-международник	С экономического факультета Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева	Потомственный «универсант»: по месту работы матери, своей учёбы и всей профессиональной деятельности в ЛГУ. Путь в географию «изнутри», после учёбы на географическом факультете ЛГУ
Другая основная должность (максимальный научный карьерный успех)	нет	Директор Института Латинской Америки АН СССР, 1966–1992 гг., член-корреспондент АН СССР и РАН (1984, 1991 г.)	Вице-президент Всесоюзного географического общества, 1970–1976 гг. Декан географического факультета ЛГУ 1970–1976 гг.	Президент Русского географического общества, 1995 (фактически с 1991 г.) — 2000 гг.
Главные книги	Витвер И. А. Экономическая география зарубежных стран. — М.: Учпедгиз, 1953. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира:	Латинская Америка: нефть и независимость. М.: Мысль, 1964	Соединённые Штаты Америки. Экономико-географический очерк: Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1963; Экономическая география зарубежных стран. Ч. 1–2. — М.:	Экономико-экологические проблемы капиталистических и развивающихся стран. М.: Промсвещение, 1978. Глобальные проблемы современности. СПб.: СПбГУПМ, 1993, 1995.

	Кафедра экономической географии капиталистических и развивающихся стран МГУ		Кафедра экономической географии ЛГУ	
	Учебное пособие для университетов — М.: Географгиз, 1963.		Просвещение, 1968–1972 (соавтор и ред.).	Геополитические реалии России. СПб., 1999. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.
Ключевой драматичный жизненный опыт	Родился в семье швейцарского сыродела и русской дворянки	Родился в семье польских дворян, родители были репрессированы. Участник Великой отечественной войны, Герой Советского Союза	Родился в семье смоленских дворян. Участник Великой отечественной войны	Блокада Ленинграда (1941–1942 гг.) и эвакуация
Должность председателя спецсовета на географическом факультете — коммуникационная площадка в профессиональном сообществе	Нет	Нет	Нет	Да
Внепрофессиональные увлечения	Музыка	Коллекционирование раковин	Н. д.	Публицистика, шахматы
Проект (дело) жизни	Учебник экономической географии зарубежных стран	Латинская Америка: проекты экономического и гуманитарного сотрудничества СССР — Латинская Америка	Разработка Национального атласа Кубы	Создатель советской/российской политической географии, «распечатывший»/снявший табу на зарубежную геополитику

Составлена авторами

Можно сделать вывод, что блестящие успехи кафедры и сама школа социально-экономического страноведения формировалась людьми, которые приходили в географию из соседних общественных дисциплин, то есть исходно обладали навыками междисциплинарности. А по своему характеру и чертам личности В. В. Вольский, прошедший войну и получивший звание Героя Советского Союза, видимо, был ближе к Н. Н. Баранскому, чем к И. А. Витверу.

В. В. Вольский был университетским человеком «попутно» — главным делом его жизни было служение советско-латиноамериканскому сотрудничеству в послевоенные советские годы, что подтверждает и его многолетняя

должность директора академического Института Латинской Америки. Кафедра «страноведения» была для него скорее площадкой кадрового укрепления своего родного института. И лишь первые семь лет руководства кафедрой, до назначения директором ИЛА (и, что примечательно, до смерти И. А. Витвера, перед которым у В. В. Вольского были моральные обязательства, в том же 1966 г.) и последние семь лет жизни он полностью сосредоточился на делах кафедры, а до этого времени все 1970–1980-е гг. эту роль эффективно и дипломатично исполнял А. С. Фетисов, ставший после смерти В. В. Вольского заведующим кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран. В этих условиях стиль управления В. В. Вольского на кафедре не мог быть персонифицированным и единоличным — в разительном контрасте с соседней кафедрой экономической географии СССР, где единолично «правил» Ю. Г. Саушкин.

Ситуация на кафедре экономической географии ЛГУ была абсолютно другой. И Б. Н. Семевский, и С. Б. Лавров были единоличными руководителями, для которых служение кафедре, несмотря на многочисленные другие должностные обязанности, было неразделённо важнейшим профессиональным делом. Соответственно, стиль руководства кафедрой был персонифицированный, централизованный, можно даже сказать, авторитарный. В этих условиях строить мосты с «родственной» кафедрой с «делегированным» управлением, когда её руководитель был больше директором ИЛА АН СССР, чем собственно заведующим кафедрой, для них обоих было непривлекательно.

Ещё важный объективный факт. В. В. Вольский работал в окружении других кафедр экономико-географического цикла в МГУ, поэтому заниматься СССР и даже социалистическими странами не мог по формальному распределению «объектов исследования». С другой стороны, С. Б. Лавров, который возглавлял единственную кафедру экономической географии ЛГУ, мог легко осуществлять переходы «из комнаты в комнату» зарубежных стран и СССР/России, например, от зарубежной геополитики к политической географии новой России.

Наконец, положение кафедры В. В. Вольского в столице, безусловно, диктовало обязанность постоянно обслуживать научной экспертизой и прямыми консультациями процесс принятия партийных решений по широкому спектру вопросов международного сотрудничества, необходимость постоянного рутинного мониторинга ситуации в развивающихся странах, находящихся под опекой СССР и США. Эта «почётная обязанность», от которой ни руководитель, ни сотрудники кафедрой не могли уйти, были постоянно «мобилизованы» на этот вид работ. С другой стороны, кафедра Б. Н. Семевского и С. Б. Лаврова работала не по прямым поручениям «близкого» советского и партийного руководства страны, а на социальный заказ общественности (отсюда увлечение публицистикой) и потребности расположенного тогда в Ленинграде Всесоюзного географического общества (которому и Б. Н. Семевский, и С. Б. Лавров, будучи некоторое время его руководителями, отдавали много сил).

Помимо управленческих (централизованный против делегированного стиля управления кафедрой), тематических (интересы Б. Н. Семевского и С. Б. Лаврова были в большей степени, за некоторыми исключениями²⁸, в странах Евразии и СССР, а интересы В. В. Вольского — всецело в Латинской Америке), профессиональных (Всесоюзное географическое общество и Институт Латинской Америки АН СССР) свою роль играли и факты личной биографии — семь лет разницы в возрасте между С. Б. Лавровым и В. В. Вольским на деле были пропастью различий жизненного опыта: рождённый в 1921 г. В. В. Вольский был непосредственным участником войны, которую рождённый в 1928 г. С. Б. Лавров пережил в ленинградской блокаде и в эвакуации. На самом деле это были уже разные поколения людей.

Заведующие обеих «родственных» кафедр в силу сложившихся объективных и личных особенностей, различий профессиональных интересов, обязательств, жизненного опыта никак не могли быть и не были драйверами межкафедрального сотрудничества. Несмотря на отдельные исключения, отсутствие сотрудничества двух «родственных» кафедр по экономической географии зарубежных стран сохранялось в период их руководства все послевоенные годы.

Но возникает ещё один, попутный, но важный для нашего исследования вопрос: а как сами руководители кафедр использовали период политической «либерализации», снятия идеологических табу, в 1990-е гг., который стал и для В. В. Вольского, и для С. Б. Лаврова последним периодом заведования? И не наметились ли в этот период потенциальные линии интеграции в тематике двух кафедр?

Можно сказать, что в 1990-е гг. эксперимент был поставлен самой жизнью: а кто такой профессионально В. В. Вольский без своего Института Латинской Америки, но с кафедрой экономической географии капиталистических и развивающихся стран (социально-экономического страноведения), которой он заведовал все 1970-е и 1980-е гг.? В целом его интеллектуальное движение в этот период можно назвать как путь от «материального» к «идеальному» (духовному) — в марксистской терминологии — от базиса к надстройке: интерес к империям; восхождение в типологии стран, с привнесением в неё «нематериальных» элементов; цивилизационный (социокультурный) разворот.

В. В. Вольский, вернувшись к фактическому руководству кафедрой в 1990-е гг., шёл по интеллектуальному маршруту туда, где в силу идеологических запретов не было возможности идти раньше. Нам трудно сказать, было ли это для него новой идеологической конъюнктурой или подлинным интересом всей жизни, который нашёл время и место проявиться (для красоты личности В. В. Вольского нам хочется думать, что второе).

Он впервые стал думать географически и исторически шире «своей»

²⁸ Б. Н. Семевский в 1962–1964 гг. был на Кубе и, теоретически, мог там лично встречаться и общаться с В. В. Вольским.

Латинской Америки. Его увлекла энергетика строительства империй. Он всегда тяготел к географически крупным исследовательским феноменам: не страна, а континент Латинская Америка, не государство, а империя или совокупность идейно родственных государств (Объединённая Арабская Республика, Федерация Малайзии и Сингапура, Федерация Вест-Индии, Центрально-Африканская Федерация, Югославия, СССР), не атомарная культура, а цивилизация.

И вот с привнесением нематериального, духовного, элемента, «пассионарной энергии» стало возможным понять и описать (по сути, эволюционный) процесс образования, расширения, сжатия и распада империй (тем более, что только что состоявшиеся реалии распада СССР подталкивали интерес к этой теме): «Историю империи условно можно было бы разделить на четыре периода: 1) «накопления энергии» в ядрах, метрополиях; 2) «взрыв» этой энергии — завоевания, разрушения, экспансии империи; 3) созидание, распространение культуры, организация «отдачи» империи; 4) кризис и падение империи (чувствуется явная переключка с этногенезом и пассионарной энергией Л. Н. Гумилёва). Чем эффективнее был период накопления энергии, чем больше вмещал он собственных и заимствованных инноваций, тем менее иссякала эта энергия уже во втором периоде и тем больше доставалось её третьему, самому важному, регионоформирующему периоду. Многое зависело и от того, чем кончала империя, разрушалось ли её наследие силами, исходившими из нового регионального центра, или они ассимилировали это наследие. На каждом новом этапе развития истории происходит выдвигание новых региональных, а затем и мировых центров экспансии, которые, в свою очередь, пройдя зенит своего могущества и влияния, неизбежно втягиваются в кризис. Новые центры цивилизации возникают там, где инновациям нового этапа менее всего мешают пережитки культуры, производительных сил и производственных отношений предыдущего этапа. Именно поэтому история не знает случая, когда бы региональный и тем более мировой центр цивилизации возвращался в одно и то же место [23, с. 205].

Этот текст родился как результат его эмпирического обобщения взаимодействия ядра и периферии римской, византийской, испанской, португальской, британской, французской, германской, австро-венгерской империй. И здесь же рядом звучащее очень современно предостережение и наблюдение: «Великое переселение народов всегда в истории подрывало древние империи, ускоряло кризис общественного строя. И нередко при этом новая возникающая культура была примитивнее ранее существовавшей и завоёванной» [23, с. 208]. «Если культура ядра империи была ниже, чем у поглощённых ею и соседних народов — силы вассальных народов уходили на сопротивление, культура их разрушалась, многие достижения её вообще утрачивались, развитие отбрасывалось назад» [23, с. 208].

В. В. Вольского с 1960-х гг. интересовали вопросы типологии стран, которые он исследовательски решал на материалах Латинской Америки, вооружённый марксистско-ленинской идеологией, а по сути, техникой

ленинской типологии стран по материальному субстрату, то есть уровню формационного развития производительных сил и классовым противоречиям внутри социальной структуры общества. В условиях снятия прежних мировоззренческих шор, возникла возможность вернуться к старой теме, на материалах уже всего мира, и в идеологии линнеевской, эволюционной биологии. Поняв типологию стран мира как фактор эволюционного разнообразия, сделав акцент на временности принадлежности страны к определенному типу, что до него никто никогда не делал: переходный тип, транзитная страна и т. д. И подчеркнув цивилизационные особенности внутри каждого типа стран.

Его увлекла цивилизационная парадигма, в которой он увидел возможность вернуть человека в прежде сугубо индустриальное («формационное») страноведение. Он начал «обратный» путь из страноведения в народоведение, которое было у антропогеографов главной платформой изучения стран, понимая *региональные цивилизации как биоценозы народов*. Он предпринял новое для себя осознание значения культуры, в том числе не только материальных, но и нематериальных факторов (духовная культура, общественные институты): «Культура — это научаемое поведение человека в обществе, от которого зависит материальное и духовное развитие этого общества» [23, с. 189].

То, что было у И. А. Витвера новаторским историко-географическим очерком развития зарубежных стран, в марксистской мировоззренческой оптике, то у В. В. Вольского стало таким же новаторским цивилизационным подходом к макрорегионам (совокупностям стран) мира, с существенно бóльшим привлечением аспектов культуры, религии и физической географии (шоры географического детерминизма тоже спали, как и шоры антисоветской социобиологии и единой географии).

Очень важно подчеркнуть, что все три страноведческих сюжета, которыми увлёкся В. В. Вольский в последний период своей жизни — империи, типология и цивилизации — на самом деле были одним новым целостным представлением нового страноведения, в котором не отдельная страна, а именно крупные блоки стран, — империи, сформированные на цивилизационной (социокультурной и религиозной) общности, каждая из которых находится на своей стадии жизненного цикла и энергетики (что и ставит объективные пределы её территориальной экспансии), в плотных дружественных и воинственных контактах друг с другом, являются главными акторами мировой политической истории. По сути, это уже очень близко к представлениям классиков геополитики, с одной стороны; с другой стороны, к идеям социальной эволюции, которые были сформулированы российским философом Л. Е. Грициным, историком А. В. Коротаевым, биологом А. В. Марковым в нулевые годы [30], которые вдохновили преемника В. В. Вольского А. С. Фетисова на создание парадигмы эволюционного страноведения.

В этот же период идеологической либерализации заведующий кафедрой экономической географии ЛГУ-Санкт-Петербургского государственного университета С. Б. Лавров тоже осуществил прорыв к давно вынашиваемому, но прежде запретному проекту возрождения полноценной отечественной

политической географии. Уже с начала 1980-х гг., в течение 20 лет, на специализированном совете географического факультета ЛГУ, который он длительное время возглавлял, а потом на диссертационном совете-преемнике, прошёл цикл из девяти защит по «полулегальной» в советское время тематике политической географии:

- Николаенко Д. В. «Гуманистическая» география Запада: Критический анализ (1983) [51];
- Белов А. Л. Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и политической культуре (1983) [13];
- Лаврухин В. В. Электоральная география Франции (1985) [46];
- Перепечко А. С. Основные концепции западной политической географии: критический анализ (1988) [52];
- Аксёнов К. Э. Политико-географические основы функционирования политической системы США (1989) [5];
- Журавлёв А. Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс (1993) [34];
- Елсуков М. Ю. Геополитическая мысль: эволюция, современные направления, географическая интерпретация (2001) [33];
- Михайлов А. С. Пространственная структура электоральных предпочтений в России (2001) [49];
- Елацков А. Б. Отечественная геополитическая мысль: содержание и исторические формы (2003) [32].

Семь из этих диссертаций были подготовлены аспирантами самой кафедры С. Б. Лаврова, а две — внешними учёными. То есть налицо был рост привлекательности политико-географической парадигмы, которую пропагандировал в стране С. Б. Лавров, и притяжение к её альма-матер в лице кафедры экономической географии ЛГУ-СПбГУ.

Остановимся более подробно на двух знаковых диссертационных защитах приглашённых в совет соискателей степени кандидата географических наук. На научное наследие западной геополитики как на заслуживающее не только критической оценки впервые в стенах ЛГУ и в СССР целом обратил внимание Д. В. Николаенко. Появление в его диссертации раздела с содержательным анализом западных школ политической географии и геополитики тогда было очевидным прорывом — ведь в существовавших на тот период учебниках и публикациях геополитика упоминалась исключительно с уничижительными эпитетами и «запретительными» идеологическими оценками [54].

Ещё более «прорывной» для открытия к научному обсуждению наследия Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера стала защита аспиранта из Минска А. С. Перепечко в 1988 г. Помимо самой темы, в его работе поражаало обилие прямых (а не вторичных, основанных на зарубежных аналитических текстах) цитат авторов немецкой антропогеографической и геополитической школ 1920–1940-х гг. Такие тексты были недоступны учёным даже Москвы и Санкт-Петербурга в рамках «открытых» исследований — они отсутствовали и

в каталогах всех центральных библиотек СССР. На недоуменный вопрос, задаваемый с нескрываемой завистью коллегами-политико-географами, уже работавшими на кафедре С. Б. Лаврова, откуда он получил доступ к таким первоисточникам, Александр Сергеевич рассказал удивительную историю-легенду о том, что после окончания Великой Отечественной войны несколько вагонов с трофейными книгами, вывезенными из Германии, были ввиду «неприоритетности» отправлены в тупик, где и простояли долгое время. Когда же до них дошли руки, то изначального адресата уже было не определить, и местное руководство передало их содержимое библиотеке республиканского университета, где они пролежали вне доступа до начала перестройки. Одним из первых доступ к ним по чистой случайности получил аспирант А. С. Перепечко, увидевший в каталоге библиотеки неожиданное «поступление» по теме своего исследования.

Как и у В. В. Вольского цивилизационный подход, у С. Б. Лаврова выход на новую старую для петербургской кафедры тематику политической географии/геополитики был подготовлен, по сути, фактами всей его биографии: специализация германиста — интерес к немецкой школе геополитики; наследие кафедры, не угасавшее даже в советское время, хотя и преломившееся в критический анализ буржуазных концепций; опека Л. Н. Гумилёва — представителя школы-прародителя современной российской геополитики — евразийства. В этом смысле это не был конъюнктурный кульбит — человек осуществил давно вынашиваемый интеллектуальный замысел, когда к тому созрели предпосылки и возникли условия.

Используя своё интеллектуальное влияние и наработанные за жизнь связи, он первым в стране осуществил переинтерпретацию К. Хаусхофера не как прислужника Гитлера, а как оригинально мыслящего географа, выступавшего за инфраструктурный союз Германии и России в Европе. Роль Лаврова в научной реабилитации географа К. Хаусхофера в позднесоветском СССР огромна. Сломал здесь прежние интеллектуальные барьеры и предубеждения против немецкой геополитики (к англо-саксонским геополитикам начала XX в. — прежде всего Маккинтеру и Мэхэну — отношение в СССР было более толерантным, как можно судить по сочувственному цитированию в работах И. А. Витвера [20, с. 546–556], он дальше сумел воссоздать петербургскую школу политической географии и провести через ВАК, где он был экспертом, несколько кандидатских по политической (электоральной) географии. На воссоздание в Ленинградском-Санкт-Петербургском государственном университете школы политической географии горячо откликнулись московские географы В. А. Колосов (выпускник кафедры В. В. Вольского в МГУ, впоследствии сотрудник Института географии АН СССР) и Л. В. Смирнягин. Без поддержки С. Б. Лаврова не вышел бы первый в СССР вневедомственный учебник для вузов В. А. Колосова [39]. В Москве осуществить издание этого учебника не удалось, а при активном содействии С. Б. Лаврова, хоть и с многочисленными купюрами и идеологически мотивированной редактурой, он увидел свет в Ленинграде.

Благодаря усилиям С. Б. Лаврова [4, 37, 43, 42] политическая география получила права гражданства как самостоятельная общественно-географическая наука, признанная шифром ваковской специальности; на кафедре появился новый лекционный курс по политической географии; на диссертационном совете ЛГУ-СПбГУ были защищены первые в СССР-России диссертации по политической географии; были организованы Всесоюзные, потом международные научно-практические конференции по геополитическим проблемам России и стран СНГ; изданы межвузовские сборники по теории и практике геополитики; его деятельность как народного депутата СССР укрепила признание прикладной роли геополитики; под его редакцией был подготовлен первый отечественный учебник по экономической, социальной и политической географии, включивший обширный раздел «Геополитические представления человечества» [25].

Мировоззренчески пробитое С. Б. Лавровым признание геополитики означало, особенно для молодых исследователей-географов, очень многое. Прежде всего возможность значительно более свободно и живо использовать аналогии организма и государства, эволюционный подход в вопросах государственного устройства и строительства, политической системы, природоподобное, от традиций русских натуралистов начала XX в., использование методов естественных наук в политологии и политической географии, что первым на кафедре осуществил Л. Н. Гумилёв в своей теории этногенеза. И неслучайно на энергии этого снятого запрета почти 20 лет на кафедре С. Б. Лаврова, уже после его смерти, рождались новаторские работы, разрабатывалась оригинальная методология политико-географического анализа, проводились оригинальные, первые в новой России фундаментальные и прикладные исследования, по политической и электоральной географии уже не только зарубежных стран, но и регионов и городов России.

Абсолютно закономерно, что оба лидера «родственных» кафедр — и В. В. Вольский, и С. Б. Лавров спешили закрепить своё обновлённое понимание страноведения и российской политической географии в вузовских учебниках. В. В. Вольский, можно сказать, просто диктаторски (а как иначе можно быстро сделать коллективный учебник в среде преподавателей и учёных, где каждый, как кот, гуляет сам по себе?) разослал всем авторам концепцию нового учебника социально-экономической географии зарубежного мира: *предмет*: наука о размещении, сочетании и взаимодействии производительных сил в процессе использования природной среды на разных этапах развития общества; *сценарий*: сдержанного оптимизма: не пугать грядущими катастрофами и неразрешимостью противоречий; *жанр*: не справочник; не пытаться втиснуть как можно больше информации (цифр, фактов, названий и т. д.), не допускать штампов, перечней и т. п., но и не популярное издание; не искать искусственной яркости и наигранной живописности путешествия по странам; *цель*: выявить как можно больше закономерностей, дать типологические подходы научить методам, направлениям, приёмам самостоятельного анализа быстро меняющейся обстановки в современном мире; *идеология*: на фоне

краха кремлёвской модели социализма «общий кризис капитализма», отправная точка предыдущих изданий учебника, стал незаметен. Но это не даёт нам права не видеть болезни и противоречия капиталистического мира, считать его и рыночную экономику нашим идеалом. Борьба за создание более справедливого и упорядоченного общества будет продолжаться во всём мире и, по-видимому, на путях конвергенции [23, с. 181].

Здесь важно присутствие одновременно элементов «старого» страноведения, в формационных рамках марксизма-ленинизма, и уже новых реалий, связанных с идеями конвергенции, поисками новой модели социализма и т. д. То есть старая стройная система взглядов на развитие стран уже ушла, а контуры новой ещё только вызревали. Следующие 25 лет жизни кафедры показали, что её целостное оформление и полноценная замена прежней модели так и не состоялись, однако направления поиска и контуры такой новой модели оформились в 2000–2010-е гг. вполне отчётливо.

С другой стороны, С. Б. Лавров после авторских или соавторских монографий по модной в 1980-е годы теме глобальных проблем человечества [44, 45] вышел в конце своей жизни на подготовку под его редакцией нескольких уже коллективных, созданных преподавателями кафедры, учебников по политической географии/геополитике, один из которых — с очень сходным названием с учебником под редакцией В. В. Вольского [60, 61].

Можно констатировать, что лидеры обеих кафедр по различным, в основном абсолютно объективным, причинам сами не способствовали укреплению контактов между двумя родственными кафедрами экономической географии зарубежных стран — социально-экономического страноведения и политической географии все послевоенные десятилетия XX в. (хотя писали учебники с одинаковыми названиями). Стратегические, по социальному заказу страны и научного сообщества, и текущие, оперативные задачи ежедневного консалтинга и мониторинга социально-экономической ситуации в дружественных и недружественных к СССР зарубежных странах, рутинные внекафедральные должностные обязанности, и даже сам доминирующий предмет исследования (Латинская Америка или Евразия) вводили их в совершенно разные направления.

Но именно в 1990-е гг. идеологической либерализации и поисковое поведение лидеров школ (цивилизации-геополитика), и общее смещение внимания к нематериальным факторам экономического и политического развития стран обусловили возникновение потенциального маршрута конвергенции (потенциального сближения) страноведения и геополитики в исследовательской тематике кафедр. Последовавшие 25 лет, с одной стороны, подтверждают этот обозначенный тренд; с другой стороны, выявляют абсолютно недостаточную работу по смелой современной концептуализации каждой кафедры в своём исследовательском поле и отсюда обозначают надежды на плодотворность совместных усилий в выработке такой новой парадигмы в совместной области «страноведения-геополитики».

3. Обе кафедры после ухода лидеров в первой четверти XXI в.: на энергии новаторства

В какой степени энергия новаторства в развитии традиционных для обеих кафедр тем (страноведения и геополитики) продолжилась после символического, на рубеже веков, ухода лидеров — В. В. Вольского в 1999 г., С. Б. Лаврова в 2000 г.? Можно ли увидеть в развиваемых в последние 25 лет тематических направлениях возможности для идейного проникновения в работе двух кафедр или обособленное развитие продолжается?

На кафедре социально-экономической географии зарубежных стран основной прорыв был связан с тремя концептуальными статьями, в которых обосновывалась актуальность и необходимость развития эволюционного страноведения. Главная идея авторов этой концепции А. С. Фетисова, А. П. Горкина и А. И. Трейвиша состояла в том, чтобы уйти от умозрительной описательности и статичности страноведения (которая была даже в историко-географических очерках И. А. Витвера) к прагматичности через интеграцию с географией развития. То есть увидеть в обновлённом эволюционном страноведении концепцию, которая способна объяснять перемещения стран в мировых рейтингах социально-экономического развития (ранее эту миссию всецело взяли на себя экономисты), опираясь одновременно на физико- и экономико-географические характеристики стран, а не только на экономику и институты, — что стало трендом в мировых научно-популярных бестселлерах на эту тему в начале XXI в.

Другая идея состояла в том, чтобы наработки и достижения концепции социальной эволюции, которая плодотворно развивалась в это время российскими учёными Л. Е. Грининым, А. В. Коротаевым, А. В. Марковым, использовать в новом страноведении. Любопытно, что при этом авторы никак не использовали те прорывы, которые были сделаны В. В. Вольским в 1990-е гг., хотя, по сути, предложенная ими концепция эволюционного страноведения сущностно очень близка к цивилизационному повороту В. В. Вольского, его работе по жизненному циклу империй, «подвижной» типологии стран, то есть всем тем идеям, которые были заложены в последнем учебнике кафедры по социально-экономической географии зарубежных стран [60].

К сожалению, эти наработки 1990-х гг. в новой концепции никак не использовались, хотя сущностно они были очень созвучны высказанным тогда идеям «размягчения» (через привнесение нематериальных факторов в развитие стран-империй) и «динамизации» советского марксистско-ленинского социально-экономического страноведения. А идея социальной эволюции, перенесённая на почву страноведения, не повлекла за собой переоткрытия в понимании развития стран как «природного феномена», то есть страногенеза, то есть плодотворного переноса, с естественными ограничениями, представлений о биологической эволюции, на эволюцию стран.

Авторы сделали полшага в важном направлении интеграции страноведения с географией развития, то есть с подлинной динамикой,

с процессностью, но при этом сама природа этой процессности, увязка внешних параметров и внутренней структуры страны в процессе развития не стала предметом изучения. А без этого подлинной эволюционности в страноведении быть не может. Новые сюжеты — и во многом уже близкие к традиционным сюжетам геополитики — изменения границ страны, в целом её формы, размеров, конфигураций, изменение внутренней структуры её пространства, как физико-, так и экономико-географического, проживающих в ней народов (в том числе их этнической структуры и религиозных представлений) остались за скобками внимания, хотя слово эволюционное, которое как бы возвращало к традициям антропогеографии и народоведения в официально укоренившемся к концу 1980-х гг. советском страноведении, это явно востребовало. Намеченный в 1990-е гг. у В. В. Вольского шаг навстречу политической географии и геополитики, на который он интуитивно вышел, не был до конца использован в концептуальных работах кафедры по новому эволюционному страноведению.

Впервые термин эволюционное страноведение был введён А. С. Фетисовым в статье [64]. (Любопытно, что статья А. С. Фетисова, вышедшая в том же году в Вестнике Московского университета, и близкая по содержанию [63], называлась «слабее»: География развития и страноведение).

В аспекте намечающегося синтеза «канонического» страноведения и идей политической географии в данной статье важно, что автор первым из страноведов говорит о важности и значении «государственного пространства», которое не сводимо просто к территории. Дадётся новое определение страноведения как «науки, которая изучает организацию обществ в геопространстве государств». В этом уже можно найти заявку на потенциальную конвергенцию с геополитикой — через более полный учёт государственных институтов страны как фактора её развития. Значительно более «подвижно» и прагматично чем ранее (видимо, под интеллектуальным влиянием распада СССР), понимается результат страноведческих исследований: «выявление организации страны как системы, её состояния в заданные моменты времени, определение коридора стабильности и ключевых элементов в целях управления». Делается акцент на изучение изменений траекторий развития стран, переходов страны из одного типа в другой, эффекты колеи и блокировок развития. Резюмируем: сдвиг страноведения к государственным институтам, динамичным сюжетам скачков, переходов, изменений мест в рейтингах, на вопросы стабильности и управляемости развития страны, которых раньше не было. Но при этом весь аппарат теории эволюции остаётся не задействованным для более решительного обновления классического страноведения.

В последовавшей второй соавторской статье [27] происходит акцентирование поставленной в первой статье темы эволюционного страноведения в сюжете изменений траекторий развития стран мира: «Мировые тренды в разном страновом контексте дают неожиданные, порой драматичные результаты». Одновременно продолжается линия первой статьи на «политизацию» страноведения, привнесение в него государственных элементов: «Значение

замкнутых политических границ государства, внутри которых даже одни и те же природные ресурсы используются разными странами по-разному».

Констатируется, что «эволюционный подход в страноведении вынужден новыми реалиями глобального развития», что «социально-экономическое страноведение вряд ли сможет ответить на новые вызовы, будучи статичным, одномасштабным и самодостаточным», и что «эволюционный подход призван усилить его способности генерировать эпистемологические знания, ставить диагноз и выдавать прогноз».

Резюмируем: 1) авторы озабочены приданием страноведению более прагматичной роли, способной объяснить законы развития стран и эволюции их траекторий развития (но не как экономисты это делают в бестселлерах, а с более широкими и комплексными географическими позициями, привлекая к этому факторы физической и экономической географии). Желание увязать обновлённое страноведение с географическими аспектами социально-экономического развития обозначилось абсолютно закономерно — как отражение обозначившегося в этот период тренда в виде нескольких защищённых в этот период кандидатских диссертаций (см., например, работу А. С. Костюченко, 2007 г. [40]);

2) авторы видят изъяны прежнего обособления страны и государства в страноведении — первое как объект страноведения, второе — политической географии/геополитики и ищут возможности — для укрепления прогностических функций страноведения — частичного вбирания сюжетов государственных границ, других государственных институтов для объяснения меняющихся траекторий и экономических рейтингов развития стран (а нужно бы ещё сильнее — и существования самой страны как системной целостности!);

3) авторы озабочены сюжетом предотвращения драматичных результатов на уровне страны от мировых трендов и видят в новых задачах страноведения «ставить диагноз и выдавать прогноз» для определения коридоров стабильности развития страны и повышения эффективности управления ею. И это всё невозможно обеспечить внутри классического страноведения — необходим переход к государствоведению и народоведению. А это традиции антропогеографии и политической географии!

В третьей концептуальной статье на тему эволюционного страноведения [65] повторяется сюжет про включение в страноведение «пространства государства» и про смычку эволюционного страноведения с географией развития (при этом ни в одной статье авторы чётко не объясняют, как они понимают предмет «географии развития» и чем он отличается от привычной экономики развития? А это ведь принципиальный вопрос, чтобы прописать новизну, добавленную стоимость, вносимую географией по сравнению с экономикой, в сюжеты неожиданных возвышений, упадков или умирания стран). Одновременно появляются и три новых сюжета: 1) утверждение (достаточно спорное), что идеи эволюционного страноведения содержатся уже в страноведческой концепции Н. Н. Баранского; 2) связь эволюционного страноведения с «институциональным поворотом», то есть «размягчение» канонического

советского страноведения за счёт нематериальных факторов в виде институтов развития страны/государства; 3) необходимость внедрения методов и подходов эволюционной экономики — а нужно бы шире и смелее, социальной эволюции и эволюционной биологии, тогда шире инструментарий и больше набор пригодных для использования концепций.

Таким образом, с одной стороны, в предложенной новой концепции эволюционного страноведения содержится ресурс для его «политизации», без которой решить те задачи, которые авторы ставят в плане конструктивности, прагматичности, работы на устойчивость развития страны, просто невозможно. Это означает путь к государствоведению, то есть к политической географии. «Размягчение» страноведения прямо связано с этим поворотом.

С другой стороны, наблюдаются колебания авторов в плане заужения ими же предложенной новой широкой концепции — сведению её только к аморфной и не вполне ясной «географии развития», отказ от тех сюжетов, которые актуальны и прямо вписаны в эволюционное страноведение, на которое выходил В. В. Вольский в конце своей жизни (жизнь и смерть империй, цивилизаций, динамическая типология стран), недоиспользование потенциала эволюционной теории, сведение её только до эволюционной экономики. В результате новаторский потенциал предложенной концепции оказался реализованным лишь частично.

А что происходило в эти 25 лет на родственной петербургской кафедре? Энергия переоткрытия геополитики, смелого прорыва, осуществлённого С. Б. Лавровым, оказалась настолько сильной, что сказывалась на протяжении двух десятилетий уже после его ухода.

Сохранение и дальнейшее развитие традиций этой школы связано с созданием в 2002 г. в СПбГУ учениками и последователями С. Б. Лаврова новой кафедры — региональной политики и политической географии, ставшей первой в стране, специализирующейся на политико-географической и геополитической тематиках в учебной и исследовательской деятельности. Детально достижения новой кафедры обозначены в статье [36].

Наряду с разработкой новых бакалаврских и магистерских программ по геополитике и политической географии (некоторые остаются единственными в России), созданием уникальных учебно-научных электронных атласов по политико-географической и геополитической проблематике («Политические ландшафты Ленинградской области», «Геополитический атлас исламского мира», «Геополитическая конфликтогенность постсоветского пространства», «Конфликтогенность городского пространства Санкт-Петербурга» и др.) кафедрой был накоплен также и ценный прикладной опыт изучения закономерностей динамики электорального поведения избирателей [2, 7].

Сотрудники новой кафедры подготовили всероссийский учебник для бакалавриата и магистратуры [24], написанный учениками и последователями С. Б. Лаврова. Важным событием всей отечественной теоретической геополитики стала монография сотрудника кафедры А. Б. Елацкова [31]. В последние годы развилось направление, связанное с городской и региональной

геополитической символической политикой и капиталом [6, 8, 9, 10].

Энергия интеллектуального поиска 1990-х гг., связанная в случае кафедры страноведения с удачным возвращением и концентрацией В. В. Вольского на выработке нового мировоззрения кафедры (материализовавшейся в виде нового учебника), в случае кафедры политической географии — с активной общественно-научной деятельностью С. Б. Лаврова по пропаганде в России основ новой российской геополитики, колыбелью выработки которой стала его кафедра в ЛГУ/СПбГУ, в течение первого десятилетия XXI в. обеспечила ощутимый прорыв в новой идеологической и методологической оснастке обеих кафедр (в случае кафедры страноведения преемственности было меньше — прорыв был обеспечен серией новаторских работ А. С. Фетисова, А. П. Горкина, А. И. Трейвиша, создавших теоретическую платформу эволюционного страноведения).

Однако к концу второго десятилетия эта созидательная энергия стала ослабевать (даже несмотря на создание в СПбГУ новой «целевой» кафедры региональной политики и политической географии). Для нового рывка требуется фундаментально новая парадигма, которая придавала бы большую энергию теоретико-методологическим поискам двух родственных кафедр. Авторы убеждены, что её разработка должна идти на путях интеграции идей географии развития кафедры страноведения и идей новой географии властных отношений стран в современном мире кафедры политической географии.

4. Обновлённые страноведение и политическая география: поиски направлений интеграции во имя адекватного ответа на вызовы времени

Фундаментальная причина, по которой и страноведение, и политическая география обречены в ближайшие годы радикально меняться, является комплексный феномен отказа от вестфальского мира, то есть провозглашённого тогда и доминирующего в мире в течение почти четырёх последующих столетий принципа суверенности государств. Мы являемся свидетелями того, как с одной стороны, всё большее количество развитых стран добровольно отказываются от своего государственного суверенитета и передают его «вверх» надстрановым образованиям в виде Европейского союза, торгово-политическим и другим ассоциациям и так далее; с другой стороны, многие элементы государственного суверенитета передаются «вниз», глобальным и крупнейшим городам мира.

Конечно, эти процессы не могут не вызвать появление в 2020-е гг. абсолютно новой парадигмы и в страноведении, и в геополитике: с одной стороны, необходимо признать главенство объединённых цивилизационной общностью мегастран (или империй 2.0) как нового объекта исследования страноведения; с другой стороны, нужно признать реальность геополитики не только государств, но и крупнейших городов мира. Одновременно новым предметом изучения политической географии становится страна, ранее обладавшая, а потом лишённая на длительный период мирного времени государственно-

политических институтов.

Если раньше развитость страны ассоциировалась со зрелыми политическими государственными институтами, то теперь парадоксально многие развитые страны отдают свой суверенитет «наверх», в надстрановые структуры; с другой стороны, развивающиеся страны борются за свой государственный суверенитет как способ освобождения от неокOLONиализма.

В течение всего XX в. идеалом страны было обретение всех государственных атрибутов, в первую очередь суверенитета. В результате число независимых государств превысило к началу XXI в. 200, что стало близко к хаосу с точки зрения принципов «оптимального планирования» — издержки управляемости глобальной страновой структурой (например, в рамках всемирных организаций типа ООН) стали превосходить выгоды разнообразия. Об этом свидетельствует, например, нарастающая острота глобальных проблем, которые решаются в рамках существующей страновой структуры мира и современных надстрановых организаций (по сути, транслирующих волю единственного мирового гегемона) неэффективно.

Но это означает «политизацию» страноведения, без чего невозможно изучать и понимать те процессы, которые будут развёртываться в ближайшие десятилетия — десуверенизации стран, создания нескольких крупных надстрановых цивилизационных империй 2.0 в различных формах. Больше нет страноведения без геополитики, без государствоведения: зрелость государственно-политической системы страны — то, что было неважно в периоды комплексных географических описаний стран и народов — в современный период «институционального поворота» в страноведении и трансформации двух сотен формально независимых стран в несколько десятков политически суверенных и экономически самодостаточных макрогосударств существенно влияет на исход страногенеза [11, 53].

Но и обновлённая геополитика также востребует комплексное страноведение — для учёта роли географического фактора в строительстве новых государственно-политических надстрановых образований. Можно назвать это «возвращением» антропогеографии для решения абсолютно новых задач государствоведения во второй четверти XXI в., чтобы увидеть политическую систему надстрановых «империй 2.0» (формальные и неформальные институты политического устройства) в единстве с географическими размерами, природными ландшафтами, проживающими народами и другими географическими факторами и условиями.

Усиливающееся расхождение странового и государственного устройства мира для его лучшего понимания и концептуализации востребует (и в этом состоит диалектика) консолидации усилий отечественных страноведов и геополитиков для лучшего понимания места и роли России в этом новом мире. Повторим ещё раз: разрушение системы «страна-государство», утверждённых как идеал условиями Вестфальского мира, означает неизбежность радикального обновления «несущей» парадигмы и страноведения, и политической географии, возможно в рамках единой интегральной парадигмы.

К этому подталкивают и современные реалии уже не мирной, а военной ломки основ ялтинского и потсдамского устройства мира после Второй мировой войны.

Переоткроем в этом связи историко-географические работы И. А. Витвера как описания «порядка», устанавливаемого всякий раз после кровопролитных длительных войн — Венского, Берлинского конгресса, Версальского договора, Ялтинского-Потсдамского соглашения и так далее. После этого происходило неуклонное и неизбежное уклонение мировой системы от этого равновесного статус-кво к новому «хаосу», который при предельном выходе за рамки оборачивался новой крупной (мировой) войной, которая завершалась очередным «порядком» в виде мирного договора/конгресса/соглашения. Страноведение по Витверу — это как страны переходили от очередного Версаля к Ялте/Потсдаму. Так вот современная ситуация принципиально сложнее, потому что одновременно при этом переходе будет меняться сущностная природа самой страны.

Определим несколько блоков парадигмы обновлённого российского страноведения и геополитики.

Цивилизации-империи 2.0. Интерес «позднего» В. В. Вольского к основным мировым цивилизациям закономерен. Глобальный порядок востребует ухода от 200+ суверенных стран к нескольким десяткам мировых цивилизаций как опорной структуре нового мироустройства. Но и другие географы (например, А. И. Трейвиш) интуитивно выходили в последние годы на изучение феномена «большой страны» — а по сути, ядра будущих империй 2.0. В этой связи интересны и поучительны размышления гуру американского бизнеса Питера Друкера ещё в начале 1990-х гг. в его книге «Пост-капитализм»: мы изучаем в университетах историю наций-государств, а нужно изучать историю колониальных империй и их проекты создания супергосударств на территории современной Евразии, Северной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии. Потому что наше будущее ближе к таким Мегагосударствам с неотчётливыми не административными границами, а новыми фронтирными линиями, чем к современным нациям-государствам, которые постепенно отмирают (авторское изложение идей главы «От нации-государства к Мегагосударству» книги «Посткапитализм» [69, р. 113–140]). Далее Друкер замечает, что наш поиск облика будущих империй должен быть существенно глубже простой аналогии нации-государства с колониальными владениями, которые в течение нескольких столетий существовали в мире. Нет, от будущих империй, вероятно, мы вправе ожидать существенно большей целостности для сохранения жизнестойкости, — когда руководителями становятся жители периферий империи (что было в Древнем Риме, но уже почти никогда не было в европейских колониальных империях). Можно поэтому сказать, что если и будет возвращение к империям, то это будут не недавние средневековые европейские империи, а скорее новые старые империи по типу Древнего Рима.

Ранее для сборки стран необходимы были столетия, а теперь новые империи 2.0 могут возникнуть в мировой страновой структуре существенно

быстрее, чем это может представляться. Процесс страногенеза ускорился. Дело в том, что правило «модульности, или эволюционной блочной сборки» [30] позволяет разом использовать уже готовые работающие «блоки» управления страной (правовые, политически, военные системы) в целях руководства семейством стран, входящим в империю. Новое страновое устройство мира должно стать полем совместного творчества политико-географов и страноведов, объединяющих «дух» геополитики и «материальные активы» страноведения: у кого есть энергия, воля, ресурсы — тот и становится ядром консолидации стран в империи.

Геополитика глобального города. Новизной всех современных математических моделей является включением активностей различных независимых акторов в результирующую картину реальности. Кратное уменьшение числа суверенных акторов в виде стран совершенно не означает радикальное упрощение картины реальности мировых процессов, потому что одновременно существенно возрастает число «суверенных» городов, которые значат всё больше в мировой экономике и политике. Они становятся реальными акторами и для обновлённого страноведения, и геополитики, потому что постепенно и неуклонно наделяются государственными атрибутами. Число таких акторов будет становиться всё больше, объём их квазигосударственных полномочий — всё многочисленней.

Технологический переход. Прежние концепции страноведения и геополитики по умолчанию исходили из длительной стабильности технологической структуры общества (например, Ф. Ратцель и К. Хаусхофер предложили свои концепции геополитики для мира «второго Кондратьева», Х. Маккиндер — «третьего-четвёртого»). Это становится неверным. Скорость прохождения технологических волн в различных странах увеличивается, быстрота смещения центров экономической мощи в мире, связанная с эволюцией технологических укладов, — тоже. А эти процессы непосредственно влияют на страноведение и мировую геополитику. Для мира утверждения пятого цифрового и шестого био- и нанотехнологического технологического уклада нужна «своя» геополитика и новое страноведение. Географическая оболочка (то есть пространственное измерение) про-властных и про-развитийных отношений между народами, странами и государствами изменяется под воздействием эволюции технологических укладов.

СНГ-наследие/евразийство. Представляется очень соблазнительным искать новую парадигму для российского страноведения и геополитики в русле неоевразийства. Однако степень революционности возникающих новых мировых страноведческих и геополитических реалий такова, что, видимо, этого недостаточно. Нужна более широкая концепция, обозначающая место России в страновом и политическом мире, которая учитывает его институциональную, и технологическую макродинамику (не уступающая по степени широты формационной концепции К. Маркса). Вопрос её выработки назрел и критичен для повышения привлекательности России в новом мире. Работу А. В. Головнева «Северность России» [26] можно рассматривать как шаг

в этом направлении, который должен быть расширен и углублён.

Антропогеографический синтез. Изменения климата и ландшафтная динамика, связанная с ними, даёт северной стране России новые благоприятные возможности с точки зрения расширения сельскохозяйственных площадей и экспорта зерновых на новые мировые рынки. Однако антропогеографическое наследие шире просто включения физико-географических факторов и их учёта в страноведческих и геополитических концепциях. Для новой парадигмы страноведения и геополитики необходимо переоткрыть идеи народоведения в виде способности народа к умножению своего умственного достояния, накоплению опыта, знания и умений. Ведь именно различия в этих способностях определяют различия мест народов и стран на траектории новой технологической волны, которое, в свою очередь, определяет совокупный интеллектуальный успех новых надстрановых империй 2.0.

По опыту цивилизаций прошлого, можно предположить, что цивилизации-империи с полицентричной городской культурой обеспечивают лучшие условия для накопления опыта и знаний и их передачи следующим поколениям. Внутренне раздробленные цивилизации без такой системы городского расселения постоянно переизобретают колесо и неизбежно отстают в технологическом развитии. Мы снова возвращаемся к значению геополитики городов, но уже в аспекте коммуникации между крупнейшими городами цивилизаций как способе обмена передовыми практиками, перекрёстного опыления технологическими и институциональными инновациями. Вспомним, что контакты и коммуникация между суперэтносами (цивилизациями) были ядром и теории этногенеза Л. Н. Гумилёва. «Естественно-исторические условия» существования народов и цивилизаций в терминологии К. Маркса, близкой к идеям антропогеографов по широте постановке, обозначают необходимый масштаб новой парадигмы российского страноведения-геополитики.

Обсуждение результатов

Авторы прекрасно осознают определённую категоричность и даже спорность в постановке темы статьи. На самом деле в обособлении ключевого предмета исследования тематически родственных кафедр экономической географии зарубежных стран нет ничего криминального (московское страноведение — про развитие, ленинградская политическая география — про власть). Более того, в течение послевоенных десятилетий это обособление позволило каждой кафедре сохранить своё лицо, а для отечественной экономической географии обеспечило ценности разнообразия.

Споры, которые временами велись представителями обеих кафедр, например, по поводу предмета географического страноведения, также были очень конструктивны. Московские географы А. И. Трейвиш и А. С. Фетисов в нулевые годы в рамках новой концепции эволюционного страноведения увязывали его с географией развития (своеобразием траекторий развития стран на фоне глобальных «укладных» трендов). Ленинградские/петербургские учёные С. Б. Лавров и А. Г. Исаченко в русле идеологии модных глобальных

проблем в 1980–1990-е гг. считали важнейшей задачей страноведения изучение отношений общества и природы в разных странах. Этой теме, например, посвящена книга С. Б. Лаврова и Г. В. Сдасюк [45].

Однако для конструктивного решения сложных теоретико-методологических проблем отечественной экономической географии зарубежных стран, связанных с осмыслением нового места России в быстро и тотально меняющемся мире, необходим совместный поиск на путях сближения мировоззренческих платформ страноведения и геополитики. В этом авторы статьи абсолютно убеждены. При этом мы прекрасно отдаём себе отчёт в том, что наладить линии конвергенции в научном сообществе, где каждый привычно гуляет сам по себе, не менее трудно, чем в межгосударственных отношениях. Поэтому выдвигая предельную цель обеспечить большую идейную, мировоззренческую интеграцию в теоретической работе представителей обеих кафедр, считаем, что начинать нужно с лучшего и большего узнавания теоретических достижений друг друга, всего теоретического наследия, наработанного коллегами в последние десятилетия.

Ещё одно упрощение, на которое вынужденно пошли авторы статьи, и которое можно поставить им в вину, связано с полным игнорированием в работе усилий не-кафедрального научного сообщества Москвы и Санкт-Петербурга, соответственно, в теоретическом строительстве нового страноведения и новой политической географии. Например, работ заведующего «соседней» кафедры мирового хозяйства Н. С. Мироненко в подготовке учебников по новому страноведению, учебников сотрудников ИГАНа Я. Г. Машбица и В. М. Гохмана по страноведению, работ и учебников вице-президента РГО В. А. Колосова по новой российской политической географии/геополитике. Для контрастности картины авторы использовали «дистиллят» только двух кафедр, но это привело к неизбежному упрощению оценок и выводов.

Выводы

Дальнейшее развитие темы, начатое в данной статье, могло бы идти на путях поиска новых и более предметных направлений синтеза геоэкономики и геополитики в работе двух родственных кафедр во имя получения востребованных прикладных результатов, укрепляющих конкурентные позиции социально-экономической географии в кругу соседних общественных дисциплин — политологии, социологии и экономики.

В этом синтезе на страновом уровне, на уровне крупных городов мира, территорий нового экономического развития в разных частях мира важно, во-первых, определить место и интересы Российской Федерации; во-вторых, сохранить конструктивный потенциал географической комплексности (то есть единства природного и общественного); в-третьих, быть созвучным времени, то есть соотносить теоретико-методологические концепции нового страноведения и геополитики с реалиями нового мирохозяйственного технологического уклада, который оказывает системное воздействие не только на материальные производительные силы, но и на наши интеллектуальные

представление и мировоззрение.

Московская и ленинградская школы экономической географии зарубежных стран различались своим отношением к взаимодействию общества и природы. Московская школа, в духе марксистско-ленинской традиции, резко обособляла природные и социальные закономерности, ленинградская школа, которая симпатизировала идеям «единой географии», была более умеренна и терпима к переносу части природных закономерностей на общество, в духе критикуемой тогда социобиологии. Очевидно, что и эволюционное страноведение и обновлённая геополитика должны выработать свою позицию в отношении вечной проблемы взаимоотношений общества и природы, потому что это тот фундамент для любой географической парадигмы, без чёткого определения которого невозможно идти дальше. Очевидно, что в этом вопросе должен быть умеренный географический детерминизм, без редукции в биологизаторство, но и без полного отрицания присутствия природного фактора в общественных отношениях.

Авторы убеждены, что более глубокое интеллектуальное взаимопроникновение идей и представлений двух школ — страноведения и геополитики — позволит укрепить прикладной прогностический потенциал работ московских и петербургских университетских экономико-географов в объяснении контуров нового странового и властного устройства мира.

Список литературы

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ, 2016. — 693 с.
2. Аксёнов К. Э., Зиновьев А. С., Плещенко Д. В. Крупный город — регион — Россия: динамика электорального поведения на парламентских выборах // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 2. — С. 41–52.
3. Аксёнов К. Э. Идеи Л. Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 3. — С. 44–53.
4. Аксёнов К. Э. Идеи С. Б. Лаврова и основные направления современной российской геополитики // Геополитика: современное состояние и проблемы. Материалы международной конференции. — СПб: РГО, 2001. — С. 46–56.
5. Аксёнов К. Э. Политико-географические основы функционирования политической системы США: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1989. — 204 с.
6. Аксёнов К. Э. Символический геополитический капитал и городское пространство // Полис. Политические исследования. — 2024. — Т. 33, № 1. — С. 67–88.
7. Аксёнов К. Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штиты Северной столицы, 1989–2004. — СПб, Издательство СПбГУ, 2008. — 336 с.
8. Аксёнов К. Э., Андреев М. В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. —

2021. — Т. 85, № 6. — С. 870–887.
9. Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ // Географическая среда и живые системы. — 2023. — № 2. — С. 113–137
 10. Аксёнов К. Э., Яралян С. А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. — 2012. — № 1. — С. 3–12.
 11. Алаев Э. Б. Страны, народы и государства // Федерализм. — 1997. — № 2. — С. 157–172.
 12. Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. — М.: Государственное издание географической литературы, 1960. — 450 с.
 13. Белов А. Л. Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и политической культуре: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1983. — 194 с.
 14. Берг Л. С. Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. — Петроград: Огни, 1918. — 242 с.
 15. Берг Л. С. Борьба за существование и взаимная помощь. — Петроград, 1922. — 34 с.
 16. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1977. — 192 с.
 17. Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. — М.: Наука, 1988. — 336 с.
 18. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. — М.: Наука, 1988. — 464 с.
 19. Винсгейм Х. Н. Краткая политическая география к изъяснению изданного на российском языке небольшого атласа, сочиненная для употребления гимназии при Императорской Академии наук. — СПб., 1745. — 339 с.
 20. Витвер И. А. Избранные сочинения / Под ред. В. В. Вольского и А. Е. Слуки. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 592 с.
 21. Витковский О. В. Рейнско-Вестфальский район: политико-географическая характеристика: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1954. — 637 с.
 22. Вольский В. В. Иван Александрович Витвер. Очерк жизни и творчества. С. 8–69. В кн. Витвер И. А. Избранные сочинения. — М.: Издательство МГУ, 1998. — 592 с.
 23. Вольский В. В. Избранные труды / Ред. А. С. Фетисов. — Смоленск: Ойкумена, 2009. — 378 с.
 24. География мира. Том 1. Политическая география и геополитика: учебник и практикум для вузов // Под ред. Н. В. Каледина, Н. М. Михеевой. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 389 с.
 25. Геополитические представления человечества // Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны: учеб. для студ. вузов, обучающихся по географ. спец / Под ред.: С. Б. Лаврова, Н. В. Каледина. — М.: Гардарики, 2002. — 927 с.
 26. Головнев А. В. Северность России. — СПб, МАЭ РАН, 2022. — 450 с.

27. Горкин А. П., Трейвиш А. И., Фетисов А. С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2005. — № 2. — С. 18–27.
28. Гохман В. М. Страноведение // Большая советской энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — 546 с.
29. Гохман В. М. Страноведение // Краткая географическая энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1964. — 26 с.
30. Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В. Макроэволюция в живой природе и обществе. Издание четвертое. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 248 с.
31. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. — М.: Инфра-М, 2017. — 249 с.
32. Елацков А. Б. Отечественная геополитическая мысль: содержание и исторические формы: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 2003. — 217 с.
33. Елсуков М. Ю. Геополитическая мысль: эволюция, современные направления, географическая интерпретация: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 2001. — 170 с.
34. Журавлев А. Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 1993. — 250 с.
35. Забелин И. М. Очерки истории географической мысли в СССР, 1917–1945 гг. — М.: Наука, 1989. — 255 с.
36. Каледин Н. В. и др. Кафедра региональной политики и политической географии СПбГУ: двадцатилетний опыт научной и образовательной деятельности // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина. — СПб: ООО «Издательство ВВМ», 2022. — С. 23–29.
37. Каледин Н. В., Лавров С. Б., Лаврухин В. В. Политическая география в Санкт-Петербургском университете // География и современность. Вып. 7. — СПб., 1995. — 236 с.
38. Каледин Н. В., Чистобаев А. И., Каледин В. Н., Елацков А. Б. Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета // Балтийский регион. — 2019. — Т. 11, № 2. — С. 136–152.
39. Колосов В. А. Политическая география: проблемы и методы. — Л.: Наука, 1988. — 190 с.
40. Костюченко А. С. География социально-экономического развития стран Бенилюкса: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2007. — 300 с.
41. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. — М.: Прогресс, 1975. — 288 с.
42. Лавров С. Б. Геополитика и регионалистика: взгляд ученых // Геополитические и геоэкономические проблемы России. — СПб: РГО. 1995. — 213 с.
43. Лавров С. Б. Геополитика: возрождение запрещенного направления // Известия РГО. — 1993. — Т. 125, № 4. — С. 36–40.

44. Лавров С. Б. Глобальные проблемы современности. — СПб: СПбГУПМ, 1995. — 69 с.
45. Лавров С. Б., Сдасюк Г. В. Этот контрастный мир. — М., Мысль, 1985. — 207 с.
46. Лаврухин В. В. Электоральная география Франции: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1985. — 225 с.
47. Ленин В. И. Сочинения. Издание четвёртое. Т 26. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. — 531 с.
48. Ленин В. И. Сочинения. Издание четвёртое. Т 29. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. — 595 с.
49. Михайлов А. С. Пространственная структура электоральных предпочтений в России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — СПб, 2001. — 151 с.
50. Наумов А. С. Вольский Виктор Вацлавович // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/vol-skii-viktor-vatslavovich-e2f8f6> (дата обращения 15.05.2024).
51. Николаенко Д. В. «Гуманистическая» география Запада: Критический анализ: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1983. — 26 с.
52. Перепечко А. С. Основные концепции западной политической географии: критический анализ: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Минск, 1988. — 187 с.
53. Пилясов А. Н. Страногенез: контуры научного направления в эволюционном страноведении // Эволюционное страноведение: теория и практика / Под ред. А. С. Наумов. — Т. 21 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М.: 2023. — С. 4–22.
54. Политическая и военная география: учеб. пособие для курсантов высш. Воен.-полит. училищ Сов. Армии и Воен.-Мор. Флота / Под ред. К. И. Спидченко. — М.: Воениздат, 1974. — 343 с.
55. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. — СПб, 1903. — 340 с.
56. Ратцель Ф., Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства». — М.: Алгоритм, 2019. — 240 с.
57. Семевский Б. Н. Курс экономической и политической географии зарубежных стран. Историко-географическое введение: лекции. — Л., 1957.
58. Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии. — Петроград, 1915. — С. 425–458.
59. Семенов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. — М.-Л.: Гос. Изд-во, 1928. — 311 с.
60. Социально-экономическая география зарубежного мира: Учебник для вузов / Под ред. В. В. Вольский. — М.: Дрофа, 2005. — 557 с.
61. Социально-экономическая география мира: учеб. пособие / Под ред. С. Б. Лавров. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. — 830 с.
62. Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие / А. С. Наумов, Р. А. Дохов, Д. С. Елманова, Ф. А. Попов / Под ред. А. С. Наумова. — М.: Типография «Пеликан», 2019. — 336 с.

63. Фетисов А. С. География развития и страноведение // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2002. — № 6. — С. 19–27.
64. Фетисов А. С. География развития и эволюционное страноведение // Основные направления современной социально-экономической географии зарубежного мира / Под ред. И. М. Кузина, В. М. Харитонов. — Т. 15 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М.: «Научная книга», 2002. — С. 28–43.
65. Фетисов А. С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению // Общественная география: многообразие и единство / Под ред. И. С. Иванова, И. М. Кузина, А. С. Фетисов. — Т. 19 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — Москва-Смоленск: 2011. — С. 83–94.
66. Чистобаев А. И. Трансформация классических геополитических концепций в меняющемся мире // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина, К. Э. Аксёнова. — СПб, ООО «Издательство ВВМ», 2021. — С. 32–46.
67. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXIV (47). — СПб: Семеновская Типолитография, 1898. — 497 с.
68. Bassin M. The Gumilev mystique: biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia. — Ithaca: Cornell University Press, 2016. — 380 p.
69. Drucker P. Post-capitalist society. — NY: Harper Business Publishers. 1993. — 232 p.
70. Ratzel F. Politische Geographie. — R. Oldenbourg, 1897. — 715 p.

Франция как производная функция от германского аргумента

Rogachev S. V.

France as a derivative function of the German argument

Аннотация

Территория Франции периферийна по отношению к основному сгустку европейской социально-экономической активности, известному как «Голубой банан», и соприкасается с ним лишь на севере (главным образом бассейн Шельды) и северо-востоке (бассейн Рейна). Во всяком прогрессе, в созидательном начинании французов — будь то создание французского государства, политическая идея, строительная, производственная, торговая или финансовая новация — корни обнаруживаются в германоязычном приграничье: английском, фламандско-голландском, лотарингском, немецком, эльзасском, идишском.

Ключевые слова: географическое положение, Франция, периферия, Фландрия, Эльзас, инновации, речной бассейн.

Abstract

The territory of France is peripheral to the main cluster of European socio-economic activity, known as the "Blue Banana" and is in contact with it only in the north (mainly the Scheldt watershed) and the northeast (the Rhine watershed). In any progress, in the creative endeavor of the French — whether it is the creation of a French state, a political idea, an industrial, commercial or financial innovation — the roots are found in the German-speaking borderlands: English, Flemish-Dutch, Lorraine, German, Alsatian, Yiddish.

Keywords: geographical position, France, periphery, Flanders, Alsace, innovations, watershed.

«Ты, на дереве древней Евразии
Исполинской висящая грушей».

Так писал Николай Гумилёв о географическом положении Африки. Аналогичным образом можно высказаться о Франции, северными краешками территории зацепившейся за ствол Трансъевропейского мегалополиса, образуя «свисающую» на юг периферию преимущественно германоязычного «Голубого банана».

Метафора Гумилёва не совсем точна в историческом отношении: «груша» древнее «дерева» — и по антропогенезу (версия Олдувайского ущелья), и по времени зарождения цивилизации (Древний Египет). Зато верна по актуальному экономико-географическому существу. Аналогичным образом и наше сопоставление Франции с «основной», стержневой Европой

хромает хронологически: считающийся древнейшим городом Франции средиземноморский Марсель (древнегреческая Массалия) на полтысячелетия старше прирейнских урбанистических патриархов — Трира и Кёльна, «всего лишь» римских [6]. Между тем, как это было показано в получившем широкую известность исследовании французского географа Роже Брюне, именно темзинско-рейнско-паданская линия образует социально-экономический стеновой хребет Европы [2, 3]. Этот стержень повышенной плотности населения, высокой урбанизации и индустриализации, устойчиво больших значений валового регионального продукта на единицу площади и на душу населения, протянувшийся от Ирландского моря до Лигурии и Адриатики, лишь краешком, «походя», чиркает по территории Франции. В него попадают лишь небольшие участки на французском севере (главным образом французская Фландрия) и северо-востоке (Эльзас и частично Лотарингия). 9/10 территории Франции остаются на обочине европейского экономико-географического мейнстрима. И что французам особенно обидно (и Роже Брюне не избежал упрёков в «непатриотизме») — на отшибе от европейского сердечника оказывается само сердце французской нации Париж.

Впрочем, чего, казалось бы, обидного. Рейн Рейном, а Париж Парижем. *У французов собственная гордость, на германцев смотрим свысока.* Попробуем, однако, разобраться, из чего складывается французская «гордость» и кто на кого имеет основания смотреть «свысока».

Французам лучше об этом лишний раз не напоминать, но ведь их столица Париж явилась не более чем производной от столицы Турнё (Дорник), расположенной ныне на бельгийской территории — на Шельде, дельтой срастающейся с Маасом и Рейном. Оттуда некогда и пришёл франкский (германское племя) вождь Хлодвиг, считающийся основателем французского государства, и сама Франция у немцев по старинке зовётся Франкрейх (у голландцев Frankrijk) — Государство Франков! И имена многочисленных последующих Людовиков (Луи) не что иное как имя «Хлодвиг» с отпавшим начальным «Ch». Лучше не напоминать, что император французов Наполеон III был взят в плен прусскими войсками при Седане и вывезен ими в глубь Германии в Кассель (так же русские стараются не вспоминать, что поляки вывезли в Варшаву бывшего царя Василия Шуйского, правда, в отличие от французского императора, загодя уже низложенного). Что в поверженном и униженном Версале состоялось едва ли не самое кичливое в немецкой истории торжество — провозглашение Германской империи. Что в Первую мировую немцев допустили на дистанцию 30 км до Парижа [10]. Что бравая французская армия пальцем побоялась пошевелить, когда со стороны Бельгии (как когда-то Хлодвиг, как немцы и в Первую мировую) вломился Гитлер. И что ему — иные не без охоты, «идейно» — служили.

Французам не нравится, когда фамилию барона Османа, того самого, что создал нынешнюю планировку Парижа со стройными перспективами бульваров и авеню, произносят как Хаусманн. Но пресловутый префект, начертавший современную французскую столицу, действительно Haussmann,

немец по происхождению: отцовская линия из Эльзаса, материнская — из Пфальца [8]. Жак (Якоб) Хитторф, архитектор, которому Париж обязан яркими, индивидуализирующими находками в дизайне Елисейских Полей и площади Согласия, — немец, уроженец Кёльна. Фамилия создателя самой узнаваемой достопримечательности Парижа и Франции в целом, Гюстава Эйфеля должна бы по справедливости читаться Айфель. Это географическое дополнение к фамилии семья будущего инженера приняла в воспоминание о родовом гнезде в германских невысоких горах Айфель (часть Рейнских Сланцевых гор, восточное продолжение Арденн). Родился же Эйфель и полжизни прожил под настоящей фамилией Бёникхаузен, вполне французской, не правда ли? Непосредственным автором чертежей Эйфелевой башни считают Мориса Кёклёна — эльзасца (родился у стыка границ Франции, Германии и Швейцарии), ученика знаменитого немца Кульмана [12].

Активная роль германского приграничья в создании главных материальных символов столицы налицо. Что же с нематериальными символами страны (герб, гимн, девиз), каковы адреса их происхождения? Современная республиканская Франция не имеет герба (считается атрибутом старого режима), но былой герб не забыт: королевская лилия флёр-де-лис фигурирует в символике многих населённых пунктов и территорий. Происхождение этой исторической эмблемы связывают с названием реки Лис, текущей из Франции в Бельгию и впадающей в Шельду во фламандском Генте. В долине будто бы буйно цвели золотые ирисы (вовсе не лилии), которые и попали на герб.

Гимн республиканской Франции был написан Руже де Лилем, уроженцем «пришвейцарской» Юры. Написан в Эльзасе, в Страсбуре как «Боевая песня Рейнской армии» — армии, противостоявшей Габсбургам. Название «Марсельеза» эта песнь, преисполненная антигерманского, антиавстрийского пафоса, получила по случайности, по недоразумению [7]; ей бы надо именоваться «Страсбуржузой». Автор национального девиза «Свобода, равенство, братство», Робеспьер, — из Арраса (историческая провинция Артуа, 50 км до бельгийской границы) [5].

Самый известный в мире (даже памятник в Москве), если не считать корсиканца, французский государственный деятель, Де Голль, — уроженец Фландрии, из Лилля, и «де» в его фамилии не французская дворянская составляющая (предлог «из»), а голландский артикль; предположительно фамилия произошла от нидерландского «van de Walle» [4]. Самая известная французская женщина, Жанна д'Арк, — уроженка Лотарингии, находящейся на рубеже германоязычия. Самый богатый француз, самый богатый европеец (а по данным «Forbes» на 2023 г., самый богатый человек мира), Бернар Арно, владелец компании-конгломерата по производству предметов роскоши «LVMH», — уроженец французской Фландрии, из города Рубе. Рубе — слагаемое трёхчастной агломерации Лилль — Рубе — Туркуэн, перекидывающейся на бельгийскую сторону Кортрейком, Ипром и Турне (тот самый Турне-Дорник, откуда — напомним — явился в Париж пресловутый Хлодвиг). Самая богатая французская женщина и самая богатая женщина в мире, Франсуаза Беттанкур-Майерс, —

наследница парфюмерно-косметической империи «L'Oréal», основанной эльзасским евреем Эженом Шулером (Франсуаза внучка эльзасского уроженца).

На мировом идеологическом рынке Франция прославлена как крупный экспортёр свободы. Выделяются по меньшей мере пять статей этого экспорта. Помимо уже упомянутых «Марсельезы» и девиза «Свобода, равенство, братство», это великое полотно Делакруа «Свобода, ведущая народ», это гимн «Интернационал», это Статуя Свободы в Нью-Йорке.

Делакруа родился не на севере, он парижанин. Но по материнской линии автор живописной Свободы, одной из самых известных и всячески цитируемых и обыгрываемых картин в истории европейского искусства, — фламандец. Дед его, краснодеревщик фламандских корней, родился недалеко от Кёльна, у стыка нынешних германской, нидерландской и бельгийской границ; бабка носила девичью фамилию Вандеркруз, недвусмысленно указывающую на «французское» происхождение.

Дегейтер, автор обошедшей весь земной шар музыки «Интернационала», жил и работал во франко-бельгийском пограничье. Фламандец, уроженец Гента, он рос в Лилле. Там же, в столице французской Фландрии им и был написан величественный гимн освобождения труда. В Лилле состоялось и первое публичное исполнение «Интернационала». Автор слов, Эжен Потье, — коренной парижанин; следов германоязычного пограничья в его родословной не обнаруживается. Но вспомним, в какой геополитической ситуации слагался текст «Интернационала»: июнь 1871 г., разгром Парижской коммуны, прусская оккупация севера Франции. Сама германо-романская граница фактически сдвинулась на юг, чтобы, чиркнув о Париж, зажечь международный символ (так и «Марсельеза» родилась от столкновения с немцами на Рейне).

Статуя Свободы, подаренная Францией Соединённым Штатам, по-видимому, самая известная монументальная скульптура в мире. Автор её скульптор Бартольд — из семьи южногерманского происхождения, уроженец немецкоязычного Эльзаса (Кольмар). Предки, переселившись в Эльзас, чуть смягчили, чтобы «офранцузить», немецкую фамилию Бартольд.

Сорбонна. Основатель известного далеко за пределами Франции исторического университета учёный каноник Сорбон — родом из местечка Сорбон у подножия Арденн, в полусотне километров от нынешней бельгийской границы. Самые «громкие» французские изобретения — пастеризация и синематограф. Пастер — из департамента Юра, братья Люмьер — из Безансона в департаменте Ду (хоть и работали в Лионе). И тот, и другие — со швейцарского приграничья. На германской границе Эльзас претендует на то, чтобы считаться родиной книгопечатания; есть даже версия, что Гутенберг не только работал в Страсбуре (Штрассбург), но и родился в этом городе (а не в Майнце, как принято считать). В Лотарингии, в департаменте Мёз, на водоразделе Сены и Мёза (Маас, образующий общую дельту с Рейном) родился кузнец Пьер Мишо, считающийся изобретателем велосипеда. «Изобрести велосипед» сейчас звучит как насмешка, примем, однако, во внимание, что на рубеже XIX–XX вв. велосипедостроительная мысль шла рука об руку (или нога

об ногу) с автомобиле- и самолётостроительной.

Наиболее известные имена в истории французского воздухоплавания — Блерио и Фарман. Юрий Олеша в эссе «Я смотрю в прошлое» вспоминал: «— Блерио перелетел через Ла-Манш, — сказал я. Моё сообщение было рассчитано на подготовленного слушателя. Тётя не знала, что такое Ла-Манш». Луи Блерио — уроженец Камбре (департамент Нор), с берегов североморской Шельды (Эско), держащей путь в Бельгию и Нидерланды. Анри (Генри) Фарман, чья фамилия стала в начале прошлого века нарицательным обозначением биплана вообще, — по происхождению англичанин (по обоим родителям), хотя и прожил всю жизнь во Франции. Индивидуализировать ключевых разработчиков легендарных авиалайнеров «Каравелла» и «Конкорд» не удаётся: слишком много конструкторов над ними трудилось, слишком много сливавшихся и переименовавшихся фирм стояло у истоков. Обратим внимание лишь на маленькую деталь: первая «Каравелла», выпущенная в эксплуатацию на пассажирские линии в 1959 г., получила индивидуальное бортовое имя «Эльзас» [1], хотя сборка лайнеров осуществлялась в Тулузе, в Аквитании. Что же до военной авиации, то здесь уже почти столетие лидирует группа «Dassault Aviation», основанная Марселем Блохом, выходцем из эльзасской семьи (из Страсбурга), сменившим фамилию на Дассо — менее еврейскую и более франкскую. «Dassault» производит всемирно известные истребители «Мираж» и «Рафаль», составляющие жёсткую конкуренцию российским «Су» и «МиГам» на рынках развивающихся стран.

Франция была среди пионеров автомобилестроения, французские промышленники-энтузиасты старались не сильно отставать от прирейнских немцев Даймлера, Бенца, Майбаха. Ключевые фигуры французского автопрома своим происхождением тоже тянутся к бассейну Рейна. Андре Ситроен — из семьи голландских евреев-диамантеров, Арно Пежо — выходец из департамента Ду, почти с самой швейцарской границы, а франкские корни парижанина Луи Рено выдаёт его фамилия, оканчивающаяся на -ault и по-видимому происходящая от франкского -wald, имеющего значение силы, власти, господства [13] (и недаром Рено сотрудничал с немцами в годы оккупации). «Ситроен» и «Пежо» ныне более не существуют как самостоятельные компании: эти торговые марки с недавних пор принадлежат новообразованной корпорации «Stellantis». Штаб-квартира нового гиганта ушла в Амстердам — в дельту Рейна (как бы вернулась в родные места Ситроенов), что лишний раз подчёркивает роль «Голубого банана» как привлекательного сердечника мировой деловой активности и тенденцию к периферизации французской территории. Пройдёт некоторое время, и бренды французских автомобилей начнут забываться, как почти уже забылась марка «Лорен-Дитрих». И забылась бы совсем, если бы Козлевич не прикрепил к своему беспородному такси медную бляху с гордой надписью «Лорен-Дитрих». Мы, однако, вспоминаем здесь об этом не из-за «Золотого телёнка», а потому что в прежде громком названии фирмы, производившей престижные машины и авиационные двигатели, недвусмысленно выражено её географическое положение: Лорен —

французское название Лотарингии, а фамилия Дитрих не оставляет сомнения в германской принадлежности хозяев (эльзасцы).

Северо-восточная географическая составляющая присутствует и в названиях таких крупных компаний, как «Alstom» (тяжёлое машиностроение) и «Alcatel» (телекоммуникации; недавно куплена финской «Нокией»). Als, Al — это первые буквы слова «Alsace», французского наименования Эльзаса. Названия напоминают, что и крупнейший в Европе производитель железнодорожной техники, и один из пионеров мировой электроники имеют родовые отметины Рейнского бассейна. История «Alstom» началась с мастерской, открытой в Мюлузе (Мюльхаузен) неким Андре Кёклёном (Кёхлин). Koechlin — чтобы была видна немецкая графика фамилии... Мы, кажется, уже где-то встречали её. Да, чертежи Эйфелевой башни были выполнены внучатым племянником этого Андре. О представителях этого обширного предпринимчивого семейства эльзасцев маркиз-революционер Лафайет отозвался так: «Один Кёклен на департамент, и Франция спасена» [9].

Не нужно быть специалистом по ономастике, чтобы определить «пригерманский» географический генезис крупнейшей электротехнической фирмы «Schneider». Основатели Шнайдеры — с севера Лотарингии, из местечка Бидестроф (хотя первое их производство было налажено в Ле-Крезе, в Бургундии). Взрывное промышленное развитие самой Лотарингии началось всерьёз только после того, как север провинции в результате Франко-прусской войны на полвека сделался немецким: немцы внедрили изобретённый англичанами металлургический процесс, позволяющий эффективно перерабатывать фосфористые лотарингские железные руды. К концу XX в., при французах, промышленность Лотарингии стала приходить в упадок.

«Индустриальная» розничная торговля. Самый известный, прославленный Эмилем Золя в «Дамском счастье» магазин Парижа, крупнейший универмаг Франции и всей Европы — Галерея Лафайет — был основан Бадером и Каном, двумя кузенами-евреями из Эльзаса (департамент Нижний Рейн: Дамбах-ла-Виль и Кольбсхайм соответственно; звука «х» во французском языке нет, однако в эльзасских топонимах он вымучено произносится). Грандиозный, в стиле ар-нуво стеклянный купол над многоярусным торговым пространством выполнен по проекту их земляка Жака Грюбера.

«Auchan», известный в России как «Ашан», — сознательно неточная, просторечная запись локального топонима Hauts champs, «Верхние поля». Это название квартала в городе Рубе. Именно там, в Лилльской трансграничной агломерации, у бельгийского рубежа местным предпринимателем был устроен первый магазин будущей транснациональной торговой сети. И, что существенно для Франции с её гиперцентрализацией деловой активности, где штаб-квартиры даже провинциальных по происхождению компаний при их росте волей-неволей сползаются в Париж, «Auchan» продолжает своим главным офисом базироваться во Фландрии, в пригороде Лилля. В пригородах Лилля держат свои штаб-квартиры и известный торговец спортоварами «Decathlon» (основатель — из Туркуэна), и всеевропейский хозмаг «Leroy Merlin»; обе

компания по своему происхождению здешние, «северные». В настоящее время и «Auchan», и «Decathlon», и «Leroy Merlin» контролируются семейством Мюлье, происходящим из Рубе и в Рубе же держащим управленческий центр, «нависающий» над «маргинальным» Парижем. В окрестностях Лилля зародилась и поныне базируется широко известная (и продолжающая, в частности, работать в России) компания по переработке и консервированию овощей «Bonduelle». Не прижившаяся в России (и поэтому мало у нас известная), но едва ли не самая крупная сеть гипермаркетов в зарубежной Европе «Carrefour», созданная по американскому образцу, начала своё развитие в швейцарском приграничье, в пригороде Анси (департамент Верхняя Савойя).

Перефразируя известное выражение «Cherchez la femme», надо бы сказать: «Ищите север или северо-восток». Во всяком прогрессе, в созидательном начинании — будь то создание французского государства, политическая идея, производственная, торговая или финансовая новация — ищите корни в германоязычном приграничье: английском, фламандско-голландском, лотарингском, немецком, эльзасском, идишском. Крупнейший французский банк — «BNP-Paribas». Среди его «дедушек» XIX века — еврейские ростовщики из Амстердама, Антверпена, Брюсселя и еврейские финансисты из Мюлуза (Мюльхаузен, Эльзас). (У Бальзака в «Человеческой комедии» сказочно богатый парижский банкир — крещёный еврей из Эльзаса: «переврался в Париж, храбро носил там трёхцветные подтяжки»).

Чем ещё прославила себя Франция. Опереттой? Но родоначальник французской оперетты и автор зажигательного канкана Оффенбах — еврей из прусского (тогда) Кёльна на Рейне. Да и сама его фамилия, так же, как и фамилия Эйфеля, пришла с географической карты Германии (дана по гессенскому городу Оффенбах-на-Майне, где жили предки композитора). Импрессионизм? Но предтечей этого французского стиля считается англичанин Тёрнер; непосредственный же учитель Клода Моне — голландец Йонгкинд. (Да и сам импрессионизм был *нанесён* Франции пруссаками *как поражение*: после позора Седана деморализованное французское искусство потеряло структурированный динамизм и, как очищенная мягкотелая устрица, студенисто расплылось в туманно-мечтательном созерцании). Парфюмерией? Но идея создания ароматических жидкостей на спиртовой основе разошлась по Европе из Кёльна, куда её привёз пьемонтец Джованни Фарина, наладивший производство одеколona — Кёльнской воды. А основатель знаменитой «L'Oréal» упоминавшийся уже Эжен Шулер — эльзасских корней. Показами мод? Но парижские дефиле с манекенщицами придумал и впервые внедрил в индустрию моды англичанин Чарльз Уорт. Бикини? Этот тип купальника «изобрёл» вовсе не абориген пляжного Средиземноморья, а континентальный северянин — Луи Реар, уроженец Лилля.

Франция ощущает свою пуповинную связь с телом «Голубого банана», чувствует в нём структурирующее, организующее, инновационное начало. И — осознанно или инстинктивно — отчаянно цепляется за бассейны Шельды, Мааса, Рейна, за близость к устью Темзы. В полосе по обе стороны

нынешних северных границ столетиями разворачивалось военное соперничество и происходили знаковые для французской истории битвы: при Бувине, при Куртрэ (бельгийский Кортрейк; «Битва золотых шпор»), при Азенкуре, при Кресі, при Рокруа, при Малыплакэ (её считают самой кровавой битвой XVIII столетия), канонада при Вальми, сражение при Жема́ппе (близ ныне бельгийского Монса — места размещения командования НАТО в Европе), битва при Флерюсе, Ватерлоо, Седанская катастрофа, «Верденская мясорубка», «Чудо на Марне», химическая атака на Ипре.

Германоязычные буря и натиск противостоят парижским поползновениям в северном и северо-восточном направлениях, создавая вдоль границы фронт не столько силовых, сколько культурных (навыки и умения) импульсов и продвигая его в сторону периферийной французской столицы, формуя её (и не только горизонталями бульваров и вертикалью пресловутой башни). Париж, со своей стороны, всякий раз пытается силой повернуть процесс вспять — утвердиться как центр, отодвинуть зону своего властвования как можно ближе к Рейну, зацепиться за Рейн, а то и пересечь его (Outre-Rhin). Эти поползновения веками обслуживала географическая доктрина «естественных границ Франции». До Рейна на большей части его протяжённости французская экспансия дошла в эпоху революционных войн. А при Наполеоне целиком исторические Нидерланды и даже частично немецкое правобережье Рейна (эфемерный департамент Лиепе с центром в Мюнстере) были включены в нарезку департаментов Франции. «Францией» стали тогда не только дельта Рейна — Мааса, но и североморские устья Эмса, Везера и даже Эльбы; обгрызены оказались приграничные краешки Швейцарии. Позднейшие рецидивы — претензии на Саар, оккупация Рура в 1923–1924 гг., французская (явно незаслуженная) зона оккупации в Германии после Второй мировой [11].

Фронтир меняется, территориально колеблется. Но относительно устойчивыми остаются две точки соприкосновения рыхлой Франции со структурированным насыщенным мегалополисом, два французских *окна в Европу*: Фландрия и Эльзас, разделённые дремучими Арденнами. Французская Фландрия и французский север вообще ныне переживают не лучшие времена: кризис старопромышленного района. Но даже в условиях неблагоприятной для себя экономической конъюнктуры север умудряется притягивать к себе взоры всей страны. Дани Бун, — хоть и наполовину бербер, уроженец Армантьера (близ Лилля, у самой бельгийской границы), — снял фильм «Добро пожаловать к шти» (в русском прокате — «Бобро поржаловать») о маленьком северном городке Берге, в котором все говорят с чудовищным местным акцентом. Снял, казалось бы, и снял: мало ли во Франции фильмов с выраженным провинциальным колоритом. Но француз потянулся. Словно мотылька на источник света, французские зрители повалили на картину, в которой дан концентрированный образ района. И не просто повалили — фильм, этический гимн приграничному северу, стал первым по числу посещений за всю историю французского кино! (В прокате всех фильмов уступил, и то немного, лишь американскому «Титанику»). Берг повернул к себе страну, при том, что его образ —

простецкий и невзыскательный — контрастирует с тиражируемыми яркими образами французов-«галлов» (забияки-бретёры Д'Артаньяны и Сирано, обжоры Гаргантюа, Портосы и Обеликсы, карьеристы Растиньяки и «Милые друзья»), картинные и *дравишиеся, как птухи*, герои Генрихи Беарнцы и Мюраты, фанатики альбигойцы, камизары, вандейцы).

Непритязателен и художественный образ Эльзаса. Как пример самопозиционирования области опишем здесь — в качестве заключения — концептуально-юмористический геополитический рисунок, выполненный Томи Унгерером, эльзасским художником-иллюстратором. Женский пояс, уверенно сидящий на сильных бёдрах, и чулок... Пояс чёрно-красно-золотистый. Чулок сине-бело-красный. Чулок должен бы крепиться к поясу, но длины свисающей с пояса резинки не хватает и чулок того и гляди поползёт вниз. Что же удерживает его? Маленький, не больше мышки, человечек в раскоряку, одной рукой повисший на поясе, другою — держащий верх чулка. Это эльзасец. Разожми он пальцы, отпусти германский рейнский пояс, — и французский чулок бесстыдно спустится к оливковому Средиземноморью. До уровня южных полуостровных пяточек PIGS с их пеняющими на судьбину фаду, с теневыми мафиями, с непомерной безработицей, чудовищным госдолгом и сладостной сиестой.

Список литературы

1. Borgmann W. S. E. 210 Caravelle. — Schiffer Publishing, 2023. — 144 p.
2. Brunet R. Structures et dynamiques du territoire français: schéma d'un système // L'Espace géographique. — 1973. — Vol. 2, № 4. — P. 249–254.
3. Brunet R. Lignes de force de l'espace européen // Mappemonde. — 2002. — № 2. — P. 14–19.
4. Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. — Paris: Larousse, 1951. — 626 p.
5. David M. Le Peuple, les droits de l'homme et la république démocratique. — Paris: L'Harmattan, 2002. — 275 p.
6. Duchêne R., Contrucci J. Marseille: 2600 ans d'histoire. — Paris: Fayard, 1998. — 862 p.
7. Dufourg F. La Marseillaise. — Paris: Éditions du Félin, 2003. — 367 p.
8. Laronze G. Le baron Haussmann. — Paris: Librairie Félix Alcan, 1932. — 268 p.
9. Les Saisons d'Alsace. Les grandes dynasties industrielles (№ 56). — Strasbourg: La Nuée bleue-DNA, 2013 — 112 p.
10. Sarmant T. Histoire de Paris: Politique, urbanisme, civilisation. — Paris: Editions Jean-Paul Gisserot, 2012. — 386 p.
11. Smets J. Le Rhin, frontière naturelle de la France // Annales historiques de la Révolution française. — 1998. — № 314. — P. 675–698.
12. Vey F. La Tour Eiffel, vérités et légendes. — Paris: Place des éditeurs, 2018. — 168 p.
13. Wiktionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.wiktionary.org/wiki/-aud> (дата обращения 13.12.2024).

Зомия: общественно-географический и страноведческий концепт

Lamskoy K. V.

Zomia: a human-geographical and area studies concept

Аннотация

Зомия — концепция, разработанная нидерландским историком Виллемом ван Схенделом и развиваемая американским антропологом Джеймсом Скоттом, представляющая Юго-Восточный Азиатский массив и позже также Гималайский (или Гиндукуш-Гималайский) массив как пространство, для сообществ которого характерно неприятие институтов государственной власти и сознательный отказ от построения общностей с развитой иерархической системой. В статье предлагается рассмотреть устоявшийся региональный феномен Зомии с позиций общественной географии и страноведения как типологический и приобщить его к бассейновой концепции. Такая оптика создаёт трансдисциплинарное поле для исследований пространственных особенностей развития горных регионов. Бассейновая концепция позволяет поставить Зомию в общий ряд с её географическими аналогами, сделать индивидуальное понятие типологическим, находить другие «Зомии» и сравнивать их между собой. Проработанный антропологический и исторический аппарат изучения Зомии позволяет взаимно обогатить географический инструментарий работы с гладкими пространствами, вводя последние в привычный оборот общественно-географических и страноведческих исследований. Посвящается памяти Дж. Скотта (1936–2024).

Ключевые слова: Зомия, страна-затылок, гладкое пространство

Abstract

Zómia is a concept that was created by the Dutch historian Willem van Schendel and further developed by the American anthropologist James Scott. The concept includes the idea of the Southeast Asian Massif, and later also the Himalayan or Hindu Kush-Himalayan massif, as a region where communities reject state institutions and consciously refuse to establish hierarchical social systems. The article proposes to approach the well-documented regional phenomenon of Zomia from the perspective of social geography and regional studies, treating it as a typological entity and linking it to the concept of the basin. This approach creates a transdisciplinary framework for studying spatial processes in mountainous regions. By applying the basin concept, Zomia can be placed in a broader context alongside other geographical analogues, facilitating the identification of other “Zomias” for comparison. The well-developed anthropological and historical foundation of geography makes it possible to enhance the geographical tools for working with smooth spaces by introducing them into the regular cycle of socio-geographical and

regional research. Dedicated to the memory of J. Scott (1936–2024).

Key words: Zomia, a neck country, smooth space

Что такое Зомия?

При изучении горных районов Индокитая и Юго-Восточной Азии в целом исследователи сталкивались с неопределённостью их описания и скудностью информации о горно-холмистых регионах. Зачастую эти районы представляли собой горные части равнинных держав, на первых этапах развития организованные в города-государства, известные как *мандалы*. Стыки между равнинными державами речных долин были фактически полунезависимыми, платя при этом дань двум или даже трём равнинным мандалам [32].

Чем выше относительно уровня моря были расположены мандалы, тем эфемернее была власть над ними государственных инструментов контроля. Это придавало развитию общества в холмистых и горных областях специфический характер, чертами которого были:

- этническая и культурная мозаика;
- наличие народов-«амфибий», меняющих свою этническую принадлежность и даже уклад повседневной жизни, приспосабливаясь к бюрократическому учёту, рекрутству и т. д.;
- полуофициальный статус автономии и/или даже частично независимого политического образования;
- примитивность хозяйства — охота и собирательство; выращивание корнеплодов, в том числе, потому что по ним нельзя заранее отмерять налоговые выплаты в казну равнинных государств, в отличие от злаковых культур;
- отсутствие сложных государственных институтов, летописной культуры или вообще письменности [25].

Эти особенности нашли отражение в названии ареала проживания подобных горских, а позднее и не только, сообществ, термином «Зомия». Изучение Зомии стало оформляться в самостоятельное научное направление, в некоторой степени противопоставляя себя классическому рассмотрению региона как Юго-Восточной Азии [30].

Классическая интерпретация Зомии

Ареал Зомии, впервые описанный в 2002 г. в работе историка и антрополога Виллема ван Схендела [28, 29] географически совпадал с Массивом Юго-Восточной Азии Жана Мишо, выделенным им в работе 1997 года [17]. Мишо разрабатывал концепт, описывающий социальное пространство²⁹ горцев Юго-Восточной Азии. К горцам он отнёс «группу национальных меньшинств», проживающую выше 1000 футов (300 м) над уровнем моря. Несмотря на формальный количественный критерий выделения, автор старался подчеркнуть отличие местных сообществ от более крупных и развитых сообществ, занимающих разрозненные равнины Индокитая и прилегающих к ним

²⁹ Пространство, в рамках которого возникают и воспроизводятся социальные отношения; термин Анри Лефевра [15].

территорий. Отличия, выделенные Мишо, во многом характерны для горных сообществ в целом: пестрота в этническом, лингвистическом, религиозном и культурном плане, что действительно контрастирует с преимущественно монокультурными равнинными ареалами, приуроченными к крупным речным долинам Юго-Восточной Азии [20].

Ван Схендел использовал слово «зоми/zomi» из куки-чинских языков, означающее «горец». Можно увидеть в этом аналогю с названием Дагестана: «даг» переводится как гора³⁰. Схендел сместил акцент исследования горских сообществ с ранее описанной пестроты в сторону обобщений их «непохожести», объяснив её через институт «отказа», или «избегания», власти народов равнин, которые и конструируют общую, или государственную, идентичность. Позднее, в 2007 г., Схендел расширил границы Зомии на северо-запад — горные и холмистые области Гималаев, Тибетского нагорья, Гиндукуша и Памира [18].

В 2009 г. политолог Джеймс Скотт использовал концепт Зомии в качестве контраргумента основного закона развития истории, по которому осуществляется «естественный переход» от более простых форм организации к более сложным и совершенным, подчёркивая добровольный отказ зомийцев от «усложнения» их образа жизни и равнинной культуры, вплоть до отказа от письменности как инструмента власти [25]. Скотт, таким образом, развивал идею географического детерминизма в плоскости центр-периферийных отношений народов равнин и горцев, высказанную ещё Ф. Ратцелем [23].

Современная трактовка Зомии представляет её как специфический региональный феномен, характеризующийся анархическим поведением горных национальных меньшинств на стыке трёх крупных географических регионов: Южной, Восточной и Центральной Азии³¹. Орографическая изолированность выступает в качестве фактора, усиливающего изначальные предпосылки сообществ к самобытному и автономному общинному строю. Следовательно, центр-периферийные отношения таких сообществ с государствами равнин имеют выраженный колониальный характер.

Несмотря на широкое распространение концепта Зомии в политическом контексте (например, понимания под Зомией неподконтрольных центральной власти территорий [1]), его научное обоснование слабо проработано. О недоработанности с антропологической точки зрения пишет Мишо, который первым обобщил знания о культурной мозаике региона. Он отмечает, что определение Зомии как пространства национальных меньшинств вряд ли релевантно, так как рассмотренные им горные сообщества транснациональны, а также преобладают в регионе, где их общая численность превышает 100 млн человек [18]. Иными словами, это далеко не меньшинства,

³⁰ С тюркских языков. Но существует и смежная гипотеза кальки с кипчакских языков (в частности, кумыского) названия государства савиров Тавьяки, где «тав» также переводится как гора.

³¹ Юго-Восточная Азия в данной статье понимается как переходный регион между Южной и Восточной Азией, а не как рядоположенный с ними.

а специфические трансгосударственные культурные сообщества. Введённый Схенделом аппарат «зомийскости» частично решает трудности Мишо, но вряд ли аргументирует внутреннюю сплочённость народов Зомии, так как, собственно, Зомией они никогда не именовались, что говорит о постмодерновой природе термина [9]. Тем не менее закономерно, что если рассматривать эти сообщества только с позиции центра, равнинного государства, имеющей привилегию к подобному рода выделению категорий населения, то ожидать, что позиции разных центров будут идентичны между собой не стоит, это даже было бы парадоксально. Таким образом, возникают лакуны на стыке позиций.

Зомия в этом дискурсе выступает пусть и сконструированным понятием, но задающим оптику, отличную от главенствующих государственных, где сообщества на периферии картины мира центра/государства остаются в уязвимом и безмолвном положении. Принимая во внимание высказанные рассуждения, можно счесть критику антропологами работы Схендела незначительной и выходящей за рамки антропологической/этнографической научной дисциплины. Намного большую критику испытали последующие работы Дж. Скотта, который отчасти сделал термин Зомия нарицательным [25]. Причём критика строится не вокруг характеристик самой Зомии, а вокруг целенаправленности тезисов Дж. Скотта о неподчинении равнинному государственному аппарату. Виктор Либерман смягчает географический детерминизм Дж. Скотта до вполне здравого possibiliзма, при котором топология высокогорных речных долин действительно служит фактором изоляции и самостоятельного развития сообществ, на что влияют как природные факторы, так и политические — описанный Скоттом «отказ от государства». При этом Либерман отмечает выборочное представление фактов³² Скотта и упущение ряда важных факторов становления политических структур в Юго-Восточной Азии в целом, таких как морская торговля и удалённость этих территорий, делающая экономически неоправданным овладение ими и удержание под контролем. Он же отмечает, что аналогичные процессы развиваются и в горных сообществах Борнео/Калимантана, которые в отличие от Зомии не испытывали жёсткой конфронтации с народами равнин [10, 16].

Эдвард Стрингем замечает, что образование Зомии не обязательно следует за отторжением государственности. Сообщества горцев старше государственных образований равнин, следовательно, сама анархическая стратегия сообществ, вероятно, сначала законсервировалась, а затем за счёт изолированности и труднодоступности они смогли успешно противостоять более развитым, но при этом и более мобильным политическим образованиям равнин [27].

С момента введения концепта Зомии в научный аппарат, прежде всего антропологический и политологический, последующие исследования по сути лишь ограничивали и конкретизировали его применение в предметном, пространственном и временном отношении [12, 14, 21 22, 26, 31]. Основополага-

³² Также черри-пикинг (от англ. cherry picking, досл. «сбор вишенки»).

ющие принципы остались без изменений: 1) специфические сообщества, живущие гипсометрически выше равнинных; 2) неформализованные и/или неразвитые политические институты, по большей части сообщества организованы как общинно-племенные; 3) лаконичные или атрофированные культурные институты, такие как этническое самоопределение и письменность. Именно в таком контексте Зомия фигурирует и в новостном поле как объяснительный механизм периодически возникающей напряжённости между сепаратистскими движениями и центральными властями в регионе. Некоторые исследователи, напротив, расширяют применение концепта Зомии на горные пространства Малайского архипелага или даже на степные пространства Внутренней Азии [8, 10, 13]. Скорее это говорит о типологической схожести удалённых пространств как таковых, особенно в регионах с повышенным культурным разнообразием, куда включается не только этническая дефиниция, но и особенности быта.

Проблематизируя и обобщая современное положение горных пространств, можно высказать предположение, что их типологическая схожесть отражает свойства «гладких пространств» в онтологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари [3]. Гладкие пространства авторы вводят в терминологический аппарат не с помощью дефиниции³³, то есть прямого определения, а с помощью дистинкции³⁴, при которой образно задаётся линия, концы которой представлены двумя полюсами-понятиями. Антиподом гладким пространствам выступают рифлёные. Сама дихотомия — обобщение кочевого и осёдлого пространств, где кочевое — предтеча гладкого, а оседлое — рифлёного [2]. Задаваемые виды пространств корректней будет назвать разными тенденциями к режимам познания, восприятия и существования, никогда не существующих в чистом виде. В рамках поднимаемых в статье вопросов соотношения вида пространства с властными структурами в контексте Зомии ключевыми различиями будет следующее.

А. Рифлёные пространства замкнуты, с фиксированными элементами, метрическими и оптическими, то есть каждый элемент может быть прочитан через некоторую машину кодирования, в данном случае машину государства. Линия в таком пространстве — это чёткая граница, ограничивающая само рифлёное пространство, и следующая изначально заданному направлению. Процессы в рифлёных пространствах глобальны в том значении, что носят всеобщий характер. Каждое из рифлёных пространств относительно, так как соотносится к определённому положению единого вектора развития, заданного центром.

Б. Гладкие пространства открыты, не имеют чётких границ; они гаптические, то есть чувственное восприятие в них играет большее значение, чем материально-рациональное; составляющие этого пространства не имеют центра, кодирующего и сравнивающего их между собой. Линия в таком

³³ От лат. definitio «предел, граница»

³⁴ От лат. distinctio «различение»

пространстве — это вектор, сам задающий себе направление движения. Процессы в гладком пространстве носят локальный характер. Каждое из гладких пространств абсолютно, так как соотносится к разным безусловным и неограниченным в формах реализации типам общественных взаимодействий.

Такой дискурс создаёт общие темы для дискуссии, например, с иным видением или сравнением с другими гладкими пространствами, но не приносит ничего нового в понимание Зомии как концепта. Из него полезно отметить наблюдающиеся тенденции к детерриториализации Зомии (*отрыве концепта от родового ареала*) и его ретерриториализации (*переносе*) на удалённые области, что свидетельствует о метафоризации концепта. В частности, Зомия стала использоваться как модель «незападного» политического сопротивления [1, 7]. С географической точки зрения в подобных ретерриторализованных сборках занята тенденция раскрытия в Зомии свойств удалённости (англ. *remoteness*), лишь частично охваченных в статье в силу другого акцента проблематики. Вырисовывающиеся теоретические заделы потенциально расширяют и укрепляют исследовательские представления о свойствах гладких пространств и использование их в реальных стратегиях взаимоотношений между агентами в удалённых и периферийных регионах.

Для раскрытия же потенциала Зомии как особой категории горных пространств в контексте прикладного использования в общественно-географических и страноведческих исследованиях следует обратиться к бассейновой концепции как скрепляющей взаимоотношения между разными гипсометрическими уровнями речного бассейна.

Зомия как полимасштабный стык затылков

Несмотря на чёткую региональную привязку, Зомия редко фигурирует в географических исследованиях, так как её специфика отражает прежде всего особенности сообщества горцев и их проявления в институциональном поле. С общественно-географической точки зрения Зомия — это полимасштабный стык крупнейших цивилизаций: китайской, индийской и кочевой культуры Великой Степи и культур долин Ганга, Брахмапутры, Инда, Амударьи, Сырдарьи, Иравади, Салуина, Чаупхраи, Меконга, Хонгха, Чжуцзян, Янцзы, Хуанхэ, Тарима. В рамках бассейновой концепции можно предположить, что наибольшее проявление контрастов взаимодействий между верхними и нижними гипсометрическими уровнями будет наблюдаться в крупнейших бассейнах, стыком которых как раз и является Зомия. Географическая специфика общественных процессов в горной местности вполне закономерна и полимасштабна [33, 11], поэтому на такого рода множественном стыке ожидается усиление эффектов, связанных с гипсометрической дифференциацией общественных процессов. Долины крупных рек разделены орографически (горными хребтами), что обуславливает вынос политических и хозяйственных связей между ними вовне — через море. Это сближает пространственную структуру подобных обществ с островной, где островными пространствами выступают (полу)замкнутые речные долины. В таких условиях создание протяжён-

ных трансграничных историко-культурных регионов сильно осложняется, зато обеспечивается «вечная пограничность» и развитие социокультурного обмена между отдельными культурами долин. Соседствующие цивилизации синкретизируются в неоднородную мозаику культур и народов, бахромой горного шва сценделовской Зомии между великими речными странами.

Все высокогорные области, входящие в состав Зомии, можно описать как «страны-затылки»³⁵, а народы их населяющие, как «народности-затылки» [6]³⁶. Подобные типологические черты, отмеченные С. В. Рогачёвым, применимы и для каждого из страновых проявлений зомийского регионального феномена. Понимание Зомии как полимасштабного стыка затылков таким образом даёт нам картину перераспределённой агентности, где необязательно все типологические свойства Зомии, или «затылка», в частности, будут проявлены. Но они дают предпосылки к более масштабным эффектам непринятия институтов государственной власти или существенную их модификацию в условиях горного пространства. Проявляется это в трёх основных аспектах.

1. Сепаратистские движения по перифериям речных бассейнов. Далее перечислены наиболее яркие примеры такого сепаратизма.

А) Индия (штаты, именуемые «семь сестёр»): ассамцы (Ассам), раджбанши (страна Камтапур), кашмирские народности (Кашмир), мейтей, пангал и нага (Манипур), сиккимцы (Сикким), хаси и пнар (Мегхалая), димаса (Димасаленд), тива (страна Тива), рабха (автономия Рабха-Хасонг), горкхи (Горкхиленд), ладакхцы (автономия Ладакх), гаро (район гор Гаро), бодо (автономия Бодоленда).

Б) Мьянма: чин (страна Чин), карены (страна Кавтулей), каренни (штат Кая), шан (они же горные северные тайцы, провинция Шан), пао (автономия Пао), падаунг (район Падаунг), ва (самоуправляемая область Ва), качины (область Качин).

В) Бангладеш: горные районы Чаттаграма³⁷ — народность джумма.

Г) Приграничье Бангладеш, Индии и Мьянмы: куки (область Зейл'н-гам), зоми (область Зогама), нага (Нагаленд).

Д) Лаос: хмонги (автономия Чаофа-Хмонг).

Е) Непал: кираты (область Кират), сюда же можно отнести бывшее государство Мустанг.

Ж) Китай: тибетские народы (Тибет), уйгуры (Синьцзян-Уйгурский автономный район), монголы, при более широком прочтении Зомии (Внутренняя Монголия).

2. Дискриминация сельских общин, проживающих в холмистой и горной местности, — исанцев в Таиланде, хмонгов во Вьетнаме, адиваси³⁸

³⁵ Затылок — глубинная внутриконтинентальная часть речного бассейна, примыкающая к водоразделу.

³⁶ Термин С. В. Рогачёва [6].

³⁷ Официальное название Читтагонга с 2018.

³⁸ Адиваси (хинди (транслит.) *Ādivāsīs* — «старые, или первые жители») — термин, обозначающий культурные (этнические и/или религиозные) группы или племена, которые считаются

в Индии и Непале и др. В случае Индии это проявляется в виде создания автономных районов проживания адиваси в высокогорной области, которую можно отнести к Зомии. Эти образования сопоставимы с индейскими резервациями.

3. Осуществление незаконной экономической деятельности (контрабанда, производство наркотиков, работоторговля и т. п.). Зомия — центр «Золотого треугольника» наркоторговли. С включением афганских территорий Зомия также становится мировым лидером по производству опиума. К производству опиума в настоящее время добавляется и производство синтетического амфетамина.

Отмеченную пестроту культурного разнообразия также можно проанализировать через географическую оптику, а именно рассмотреть горные пространства как миноритарные ландшафты разнообразных меньшинств [4, 5]. Такие пространства обычно не образуют однородные районы, в том смысле что в них нет преобладающего (мажоритарного) компонента, при этом горы агентны как таковые и трансформируют сообщества вертикальностью ландшафта. Подобные ландшафты миноритарных групп и сред, по В. Л. Каганскому, существуют в городах и в горной местности. Если применять аналогию с городами, то в случае Зомии мы имеем дело с крупной *горной агломерацией*, вбирающей в себя множество миноритарных сред, консолидирующих их пестроту как «*однородную неоднородность*» горного пространства. Вместе с несколькими волнами заселения (австроазиатскими, австронезийскими, трансгималайскими и другими народами) уже осмысленные как целые горные области они переизобретаются в нечто новое. Переизобретения с последующим переописанием происходят в рамках структурного политико-административного равнинного колониализма, таким образом внешние акторы изобретают привычный для них историзм устройства территорий, тогда как зомийские народы добровольно отказываются от собственного прошлого, не документируя его с помощью привычных равнинным жителям письменных источников.

Процесс образования Зомии, и зомий как нарицательного понятия, в общем виде также можно описать через ранее описанную типологию пространства Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которая, помимо специфичных географических описаний и коллекций различных фактов, преобразовывает и связывает центр-периферийную модель, бассейновую концепцию и Зомию единым терминологическим аппаратом. Согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, государства не является ни геометрией, ни аксиоматикой, они представляют собой лишь сборку ретерриториализации посредством машины свёрхкодирования в данных границах и при данных условиях. В контексте горной местности границы и условия их оптимальной делимитации (с последующей демаркацией)

аборигенными жителями Индийского субконтинента и сохраняют этническую обособленность, традиционную социальную организацию (клановость), мифологические и религиозные воззрения и обрядность.

остаются незыблемы, сковывая воздействие государства на процессы территориализации. От меры вовлечения пространства во властные отношения, то есть относительности пространству, а, следовательно, и причастности его к глобальному пространству и зависит его характеристика: более вовлечённое — рифлёное, менее вовлечённое — гладкое (рисунок 1).

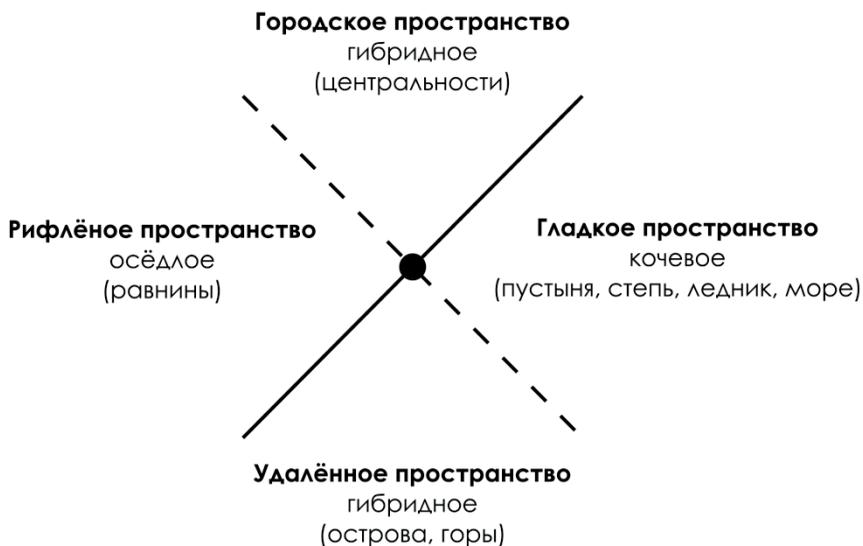

Рисунок 1 — Принципиальная типология видов пространств. Составлено автором

Горные речные долины выступают гибридом обоих видов, так как естественная топология таковых — рифлёная, но их изолированность и удалённость — свойства гладкого. Причём трудности освоения непосредственно горной местности и придают им черты гладкого пространства по преимуществу. Ключевые масштабные свойства гладкого пространства — локальность общественных процессов, а также манифестация этой локальности [3]. Зомийскую пестроту культурного разнообразия и плохую координацию с органами государственного управления можно счесть за региональную вариацию проявления этой локальности. Пёстрая культурная мозаика отражает парциальную сущность миноритарного культурного ландшафта, а анархичные взаимоотношения с органами государственной/центральной власти — необходимое условие сохранения локальности, не дающей трансформировать сложившийся ландшафт в глобальный, а, следовательно, относительный, что, уже в свою очередь, маркер рифлёного пространства по преимуществу.

«Затылочная» точка зрения «приземляет» столь общие выводы, например, культурную мозаику можно трактовать как консервацию архаики вследствие многовековой защиты собственных рефугиумов обитания [6].

Небольшие горные долины, изолированность и дистанцированность народностей относительно друг друга не даёт им сплавиться в более сложноорганизованные общности. Ровно эти же факторы осложняют взаимоотношения с гипсометрически нижележащими более развитыми народами, так как они естественным образом воспринимаются как вражеские посягатели на сложившийся общественный уклад. Кажущуюся развитость в этом случае можно «поделезиански» оценивать как степень вовлечённости в глобальные потоки.

Выводы и дискуссия об эволюции Зомии

Бассейновая концепция позволяет поставить Зомию в общий ряд с другими стыковыми горными регионами, сделать индивидуальное понятие типологическим, находить другие зомии и сравнивать их между собой. Такое цельное пространственное понимание Зомии придаёт фундаментальный характер осмысления общественных механизмов внутри неё, а главное — возможность сравнивать и сопоставлять их в регионах схожей пространственной конфигурации.

Вместе с тем, Зомия качественно обогащает этот тип гладкого пространства, формализовывает его свойства. Центр-периферийные отношения через зомийскую оптику приобретают трёхмерную рельефную интерпретацию. Многие свойства регионального феномена объясняются через географический сложившийся аппарат, но качественные обобщения без применения геофилософского инструментария типологии пространств Ж. Делёза и Ф. Гваттари вряд ли возможны. В свою очередь, предложенный вариант синтеза базовых теоретических концепций в единый терминологический аппарат позволяет выйти на более широкий дискурс с другими смежными общественными дисциплинами.

В перспективе такая геофилософская позиция пересобирает эклектические подходы общественных дисциплин в области страноведения горных регионов в целостную методологию с основополагающими позициями общественной географии и страноведения в ней. Автором предлагается вариант синтеза географического аппарата, страноведческого зомийского и философского для наиболее целостного и глубокого анализа проблем развития горных сообществ, моделирования и прогнозирования общественных процессов в них.

Отдельным вопросом выносятся эволюция Зомии. С точки зрения общественной географии и страноведения развитие горных стран-затылков в сторону интеграции трансграничных областей ведёт к преобразованию Зомии в огромную страну-перевал. С онтологической точки зрения это саморазрушение зомийскости, так как утрачиваются фундаментальные свойства разрозненности и анархического уклада. С противоположной точки зрения вряд ли отдельные политические образования на затылках отдельных крупных речных бассейнов будут устойчивы и смогут выступать рядоположенными агентами политических процессов в Азии наравне с уже сложившимися государствами. К тому же Зомия — пространство миноритарных сред, располо-

женных на стыке крупнейших азиатских цивилизаций, рост напряжённости между которыми может привести к угасанию зомийских сообществ. В противном случае, то есть при минимальном вторжении государства и глобального капитализма в Зомию, ничто не мешает развитию типичной траектории консервации архаики и замыкания регионального развития на локальных общинах.

С позиции же нижележащих равнинных стран можно наметить два сценария развития: ороцентричный³⁹ и талассоцентричный⁴⁰. Ороцентричный подразумевает консолидацию усилий по укреплению связей по суше и, в частности, развитию трансграничных горных областей. Учитывая специфику зомийских народов, мягкая поддержка их автономии в виде самоуправляемых (но не независимых) областей выглядит более резилентным сценарием. Этому способствует региональная интеграция, так как она по мере развития замыкает взаимодействия в пределах региона, повышая плотность потоков между соседями. Это создаёт общую заинтересованность в открытом соседстве, что сложно обеспечить, имея неподконтрольные границы, пусть и далеко на периферии влияния центральной власти.

Талассоцентричный сценарий подразумевает развитие акцента взаимоотношений по морю, оставляя горные пространства в целом более уязвимыми, создавая во многом бесконтрольные щели между государственными границами. Этому косвенно способствует современная глобализация, использующая морскую интеграцию как предпочтительную. Общая топология в таком сценарии развития выглядит островной, то есть мы получаем архипелаг стран, чья общая резилентность зависит от мировой инфраструктуры поставок и обмена не только товарами и услуг, но и культуры и иных институтов общественной интеграции. Горные пространства в таком случае просто выпадают из глобальной сети, что характерно для гладких пространств. Снижение контроля над затылками в общем виде чревато нарастанием противоречий между постоянно регенерирующей архаикой в горных сообществах и постоянно растущей глобализацией в равнинных. Критическое накопление таких противоречий в купе с консолидацией Зомии в единую функциональную страну-перевал может привести к необратимым мировым последствиям [6]⁴¹.

Список литературы

1. Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Зомиа на Амуре, или государственный порядок против порядка вне государства // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». — 2018. — Т. 88, № 1. — С. 148–171.
2. Делёз Ж. Различие и повторение. — СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. — 2010. — 895 с.

³⁹ От греч. ὄρος — «гора»

⁴⁰ От др.-греч. θάλασσα — «море»

⁴¹ У Рогачёва — «страны-перевалы» [6].

4. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: НЛЮ, 2001. — 576 с.
5. Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2006. — № 2. — С. 6–12.
6. Рогачев С. В. Каскадная стратификация стран мира: гипсометрический базис общественных надстроек // Региональные исследования. — 2015. — Т. 48, № 2. — С. 73–85.
7. Харкевич М. В. «Зомия» как модель незападного политического сопротивления // Сравнительная политика. — 2019. — Т. 10, № 4. — С. 108–119.
8. Ballard C. The centre cannot hold. Trade networks and sacred geography in the Papua New Guinea Highlands // Archaeology in Oceania. — 1994. — Vol. 29, № 3. — P. 130–148.
9. Brass T. Scott's "Zomia", or a Populist Post-modern History of Nowhere // Journal of Contemporary Asia. — 2012. — Vol. 42, № 1. — P. 123–133.
10. Clayre A. The sa'ban of borneo and zomia // Journal of Borneo-Kalimantan. — 2020. — Vol. 6, № 2. — P. 53–68.
11. Fleetwood L. Mountains matter // Dialogues in Human Geography. — 2024. — Vol. 14, № 1. — P. 155–158.
12. Huang J., Wang C. Responses and Reflections on Scott's Study of Zomia in Recent Years in Domestic Academia // International Journal of Education and Humanities. — 2023. — Vol. 10, № 3. — P. 92–96.
13. Humphrey C. Is Zomia a useful idea for Inner Asia? (The Lattimore Lecture (2014), Ulaanbaatar, Mongolia) // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. — 2015. — Vol. 8, № 1 (403). — P. 92–107.
14. Lambracht M. Spatial development in the European Alps: Topographic Potential Area as a basic indicator for policy debates // Papers in Applied Geography. — 2024. — Vol. 10, № 1. — P. 81–88.
15. Lefebvre H. La production de l'espace // L'Homme et la société. — 1974. — Vol. 31, № 1. — P. 15–32.
16. Lieberman V. A zone of refuge in Southeast Asia? Reconceptualizing interior spaces // Journal of Global History. — 2010. — Vol. 5, № 2. — P. 333–346.
17. Michaud J. Economic transformation in a Hmong village of Thailand // Human Organization. — 1997. — Vol. 56, № 2. — P. 222–232.
18. Michaud J. Editorial-Zomia and beyond // Journal of Global History. — 2010. — Vol. 5, № 2. — P. 187–214.
19. Michaud J., Swain M. B., Barkataki-Ruscheweyh M. Historical dictionary of the peoples of the Southeast Asian massif. — Rowman & Littlefield, 2016. — 594 p.
20. Paik C., Shawa T. W. Altitude and adaptation: A study of geography and ethnic division // Applied geography. — 2013. — Vol. 40. — P. 212–221.
21. Paül V., Trillo-Santamaría J. M. The Emerging Mountain Imaginary of the Galician Highlands: A New National Landscape in an Era of Globalization? // Geographical Review. — 2022. — Vol. 112, № 3. — P. 466–492.
22. Post M. W. Rethinking "Zomia" from an Eastern Himalayan Perspective //

- Ethnolinguistic Prehistory of the Eastern Himalaya / M. W. Post, S. Morey, T. Huber (eds.). — Brill, 2022. — P. 25–64.
23. Ratzel F. Politische Geographie. — R. Oldenbourg, 1897. — 748 p.
 24. Samuel G. Zomia: new constructions of the Southeast Asian Highlands and their Tibetan implications // *Asian Highlands Perspectives*. — 2015. — Vol. 37, № 1. — P. 221–249.
 25. Scott J. C. The art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia. — Yale University Press, 2009. — 464 p.
 26. Shneiderman S. Are the Central Himalayas in Zomia? Some scholarly and political considerations across time and space // *Journal of Global History*. — 2010. — Vol. 5, № 2. — P. 289–312.
 27. Stringham E. P., Miles C. J. Repelling states: evidence from upland Southeast Asia // *The Review of Austrian Economics*. — 2012. — Vol. 25. — P. 17–33.
 28. Van Schendel W. Geographies of knowing, geographies of ignorance: jumping scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*. — 2002. — Vol. 20. — P. 647–668.
 29. Van Schendel W. Geographies of knowing, geographies of ignorance: jumping scale in Southeast Asia // *Locating Southeast Asia* / H. G. C. Schulte Nordholt, R. Raben (eds). — Brill, 2005. — P. 275–307.
 30. Van Schendel W. Southeast Asia: An idea whose time is past? // *Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde* // *Journal of the Humanities and Social Sciences of Southeast Asia*. — 2012. — Vol. 168, № 4. — P. 497–510.
 31. Vargyas G. “Up” and “Down”. “Zomia” and the Bru of the Central Vietnamese Highlands: Part I.: Are the Bru natives in “Zomia”? // *Acta Ethnographica Hungarica*. — 2016. — Vol. 61, № 1. — P. 243–260.
 32. Wolters O. W. *History, Culture and Region in Southeast Asian Perspectives*. — Institute of Southeast Asian Studies, Revised Edition, 1999. — 275 p.
 33. Ye V. Y., Becker C. M. Moving mountains: Geography, neighborhood sorting, and spatial income segregation // *Journal of Regional Science*. — 2024. — Vol. 64, № 4. — P. 1205–1235.

Пространственная структура крупносетевой торговли в Бельгии

Elmanova D. S., Polyakov M. A.

Spatial structure of retail trade in Belgium

Аннотация

Статья посвящена анализу пространственной структуры розничной торговли в Бельгии с учётом влияния региональных и законодательных факторов. В исследовании используется гравитационная модель Рейли для оценки распределения магазинов шести крупнейших розничных сетей страны. Также рассматриваются такие ключевые аспекты, как плотность населения, транспортная доступность и законодательные ограничения, которые формируют конкурентную среду для крупных торговых сетей. В статье акцентируется внимание на различиях в развитии розничной торговли между регионами Бельгии — Фландрией, Валлонией и Брюсселем. Полученные результаты позволяют выделить основные детерминанты пространственной организации розничной торговли в Бельгии.

Ключевые слова: розничная торговля, торговые сети, Бельгия

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the spatial structure of retail trade in Belgium, taking into account regional and legislative factors. The Reilly's gravity model is used to evaluate the distribution of stores of the six largest retail chains in the country. Key aspects such as population density, transport accessibility, and legislative restrictions that shape the competitive environment for large retail chains are also considered. The article focuses on the differences in the development of retail trade between the regions of Belgium — Flanders, Wallonia, and the Brussels-Capital Region. The results highlight the main determinants of the spatial organization of retail trade in Belgium.

Key words: retail trade, retail distributing, Belgium

Введение

Трансформация розничной торговли во второй половине XX в. тесно связана с бурным развитием сетевых структур. Стремительное распространение крупных розничных сетей, объединяющих под единым брендом множество магазинов, обусловлено не только экономией на издержках благодаря консолидированным закупкам, централизованной маркетинговой стратегии и оптимизированной логистике, но и потребностью в более гибких и адаптивных формах управления в условиях растущей конкуренции. Бельгия представляет собой уникальный пример для изучения пространственной организации розничной торговли. Высокий уровень экономического развития страны сочета-

ется со сложной региональной структурой. Фландрия, Валлония, и Брюссельский столичный регион, демонстрируют существенные различия в уровне урбанизации, плотности населения, покупательной способности и структуре потребительского спроса. Эти региональные особенности, в свою очередь, накладываются на специфику бельгийского торгового законодательства, отличающегося жёсткими антимонопольными мерами и строгим регулированием размещения торговых объектов. В то время как общие вопросы пространственного развития розничной торговли нашли отражение в многочисленных исследованиях, влияние региональной специфики Бельгии на формирование пространственной структуры крупных торговых сетей изучено недостаточно. Анализ размещения крупнейших игроков рынка с учётом исторического контекста, демографических факторов и изменений в законодательстве позволит выявить ключевые детерминанты развития отрасли.

Изученность явления

Вопрос о размещении предприятий розничной торговли в Бельгии привлекает внимание исследователей на протяжении десятилетий. В фокусе научного интереса находятся как общие закономерности развития отрасли, так и региональная специфика, обусловленная сложным взаимодействием экономических, демографических, социальных и законодательных факторов. Особое значение приобретают исследования, посвящённые динамичному характеру розничной торговли, которая подвержена постоянным трансформациям под влиянием изменяющихся потребительских предпочтений, технологических инноваций, глобализации и государственного регулирования.

Важный вклад в изучение пространственной структуры торговли Бельгии внесли Де Бёль, Ван ден Пёль и Ван де Веге [11]. В своей работе авторы анализируют пространственную динамику розничных агломераций и их влияние на выбор магазинов потребителями, а также затрагивают вопрос конкуренции магазинов внутри одной торговой сети. Исследование основывается на данных шести различных розничных сетей Бельгии и подчёркивает важность оптимизации расположения магазинов для снижения конкуренции и повышения эффективности торговли. В современных условиях, отмечают авторы, розничная торговля всё больше адаптируется к пространственным вызовам, связанным с изменением потребительского поведения. Детальный анализ расположения розничных точек в городских районах Бельгии был проведён Верхетселом и коллегами [21]. В своей работе авторы показали, что успешность развития торговых сетей в городских районах Бельгии во многом зависит от географического положения, доступности транспортной инфраструктуры и социально-экономических характеристик района. Исследователи выявляют определённые типы районов, которые представляют наибольший интерес для развития крупносетевой торговли: деловые центры, районы с высоким уровнем дохода и районы с быстро растущей численностью населения. Эти выводы подтверждают результаты исследования Ронсе и коллег [18], где отмечается, что крупные торговые сети предпочитают размещать свои рознич-

ные точки в более доступных и экономически активных районах с высокой плотностью населения.

Одним из важнейших исследований для понимания современных тенденций развития торговых сетей является работа Пейффер-Смаджа и Торре [16] о децентрализации розничной торговли и политике регулирования землепользования. Авторы провели детальный анализ пространственных характеристик развития розничной торговли во Франции и её влияния на урбанизацию и сельские территории. Исследование показало, что крупные розничные сети предпочитают развиваться в крупных городах и их пригородах, где происходит более быстрое экономическое развитие. В то же время, авторы отмечают негативное воздействие децентрализованной розничной торговли на малые сельские населённые пункты, что может проявляться в сокращении числа местных магазинов и снижении уровня занятости.

В стремлении найти более точные инструменты для анализа пространственной структуры розничной торговли, исследователи обратились к гравитационным моделям. Верхетсел и Беккерс [20], анализируя пространственную структуру торговли в Бельгии, продемонстрировали эффективность применения гравитационных моделей для выявления торговых коридоров и узлов, формирующихся вдоль основных транспортных артерий. Они выявили ключевые транспортные артерии, такие как автомагистрали и железнодорожные линии, которые соединяют крупные города, образуя иерархию центров торговли.

Другим важным теоретическим подходом к изучению розничной торговли является модель Рейли (Reilly's Law of Retail Gravitation) [17], которая позволяет определить зоны влияния торговых центров и прогнозировать распределение покупательских потоков. Модель учитывает не только расстояние между торговыми точками, но и численность населения, что делает её особенно актуальной для анализа рынков со сложной демографической структурой. Наряду с гравитационными моделями, важное значение для понимания пространственной организации розничной торговли имеет теория розничной агломерации [12] и теории «центральных мест» Кристаллера [9]. Концентрация торговых объектов в определённых районах объясняется стремлением компаний получить преимущества за счёт экономии на масштабе, совместного использования инфраструктуры и синергетического эффекта от близости конкурентов.

Ван Метерен и Портхёйс [19] применили концепцию центральных мест, предложенную Вальтером Кристаллером [9], с использованием методов ГИС для анализа пространственных паттернов розничной торговли в Бельгии. Их исследование позволило наглядно представить распределение торговых точек по территории страны и выявить основные закономерности их расположения, учитывая влияние транспортной доступности и размера населённых пунктов. Вместе с тем, рост конкуренции, характерный для крупных городов и торговых кластеров, заставляет компании постоянно искать новые стратегии привлечения покупателей и дифференциации предложения. Модель Хаффа [15] позволяет количественно оценить уровень конкуренции между торговыми точками с учётом их местоположения, размера и ассортимента, что делает её особенно

актуальной для анализа рынков с высокой плотностью торговых сетей.

Несмотря на значительное число исследований, посвящённых различным аспектам данной темы, остаётся ряд недостаточно изученных вопросов. В частности, требует дальнейшего изучения влияние специфики бельгийского торгового законодательства, отличающегося жёсткими антимонопольными мерами и строгим регулированием размещения торговых объектов, на пространственную структуру крупносетевой торговли. Также необходимо уделить большее внимание анализу региональных различий между Фландрией, Валлонией и Брюссельским столичным округом, которые демонстрируют существенные диспропорции в уровне развития розничной торговли.

К сожалению, в России направление исследований пространственной структуры торговых сетей не получило должного внимания и есть не так много авторов, которые изучали вопрос сетевой торговли [3] при ещё меньшем количестве исследований, проводившихся с учётом пространственных факторов [1, 2]. Таким образом, существует явная необходимость в проведении комплексного исследования, которое позволило бы выделить закономерности пространственной структуры крупносетевой торговли Бельгии. В этом контексте, цель данной работы — выявить ключевые факторы, определяющие пространственную структуру крупносетевой торговли в Бельгии, с учётом региональной специфики и законодательного регулирования.

Материалы и методы

В данной работе анализировалось пространственное распределение магазинов шести крупнейших торговых сетей Бельгии, доля рынка каждой из которых превышает 5 % [24]: Colruyt (31,8 %), Delhaize (15,9 %), Carrefour (19,2 %), Aldi (8,5 %), Lidl (7,7 %), Spar (2,0 %, часть Colruyt Group). Информация о местоположении магазинов компаний была получена путём ручного геокодирования расположения торговых точек на территории страны, доступных на официальных веб-сайтах каждой сети, и верифицирована путём перекрёстной сверки местоположений каждой точки с картографическими сервисами Google Maps и Open Street Map. Для определения территории влияния городов Бельгии как центров торговли и определения торгового баланса между двумя конкурирующими городами была построена гравитационная модель Рейли. Для её построения использовались матрицы численности населения городов и расстояния между ними, созданные на основе данных с официального статистического сайта Бельгии [25]. Чтобы получить более достоверное представление о пространственном распределении точек крупносетевой торговли, можно перейти от дискретного представления явления (отдельные точки) к континуальному представлению (полю плотности), для этого было решено воспользоваться ядерной оценкой плотности распределения магазинов, которая была проведена в ГИС-пакете QGIS с использованием радиуса поиска 2 км, соответствующего шаговой доступности. Кроме того, отходя от дискретного представления распределения торговых объектов, в рамках страны необходимо проводить анализ и на уровне единиц АТД, с этой целью для каждой

коммуны был рассчитан индекс Херфиндаля — Хиршмана на основе доли рынка, контролируемой каждой из шести крупнейших торговых сетей, а также показатель обеспеченности магазинами, представляющий собой отношение общего количества магазинов к численности населения коммуны. Далее на основе полученных показателей и модели Рейли была проведена типологизация округов Бельгии по особенностям развития крупносетевой торговли.

Обсуждение результатов

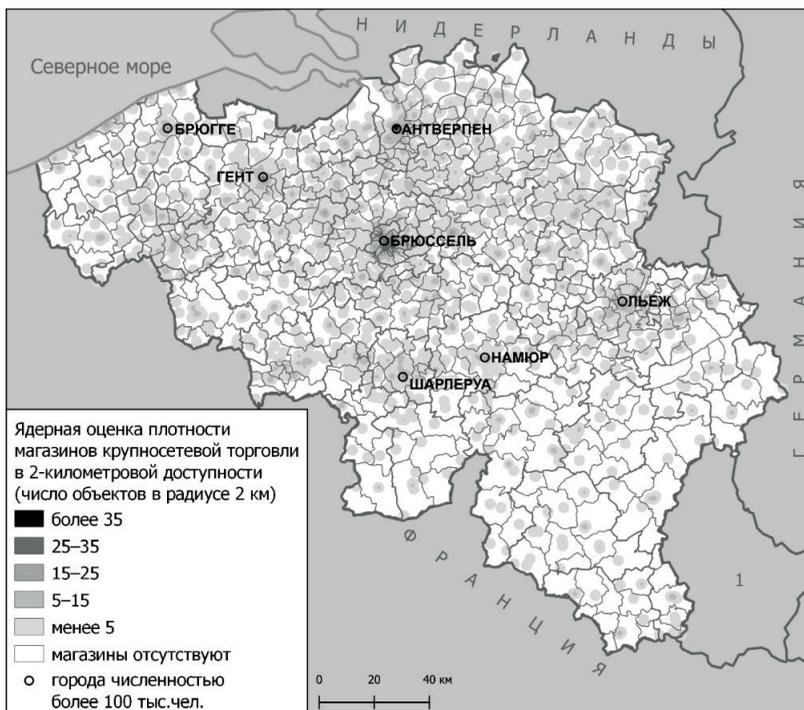
Послевоенный экономический рост и урбанизация способствовали развитию сетевой розничной торговли. Появление супермаркетов (Delhaize) и гипермаркетов (Carrefour) с широким ассортиментом и доступными ценами привело к формированию крупных торговых зон и росту конкуренции.

Глобализация и появление международных игроков, таких как Aldi и Lidl, усилили концентрацию рынка и развитие торговых кластеров. В XXI в. стремительное развитие электронной коммерции стало ключевым фактором трансформации отрасли. Розничные сети начали активно внедрять многоканальные модели продаж, объединяя традиционные магазины с онлайн-платформами. Параллельно с цифровизацией, наблюдается тенденция к устойчивому развитию и росту значения корпоративной социальной ответственности. Всё больше розничных сетей уделяют внимание экологичности, локальному производству и этическим аспектам ведения бизнеса.

Формирование и развитие пространственной структуры крупносетевой торговли в Бельгии происходило не только под влиянием рыночных сил, но и в условиях активного государственного регулирования. Законодательство страны, последовательно эволюционируя, стремилось обеспечить баланс между интересами потребителей, бизнеса и сохранением городской среды. Ограничения на размер земельных участков для строительства крупных магазинов, введённые Законом о городском планировании и развитии 1962 г., способствовали перемещению крупноформатной торговли на окраины городов, где стали доступны более обширные земельные ресурсы и развитая транспортная сеть. В то же время, Закон о защите конкуренции 1991 г. заложил основы для предотвращения монополизации рынка и обеспечения справедливой конкуренции между сетями. Закон о защите прав потребителей (1991 г.) регламентировал ключевые аспекты взаимоотношений между покупателями и продавцами, включая информирование о товарах и услугах, гарантийные обязательства и процедуры возврата. Это побудило крупные сети уделять больше внимания качеству продукции, прозрачности ценообразования и уровню обслуживания. Последующие законодательные акты, такие как Закон о формировании торговых зон (2004 г.) и Закон об электронной торговле (2016 г.), уточнили правила размещения торговых объектов и стимулировали развитие гибридных моделей продаж [21].

Анализ пространственного распределения крупносетевой торговли в Бельгии, проведённый с использованием данных о местоположении магазинов, демографических показателей (численность населения) и гравитационной

модели Рейли, выявил ряд ключевых особенностей. Как и предполагалось, плотность населения является ключевым фактором, определяющим привлекательность территории для размещения магазинов крупных торговых сетей. Наибольшая концентрация торговых объектов наблюдается в крупных городах, таких как Брюссель, Антверпен, Гент, Льеж и Брюгге, и их агломерациях, где сосредоточена значительная часть покупательской аудитории. Это подтверждается и картой ядерной оценки плотности магазинов крупносетевой торговли (рисунок 1), наглядно демонстрирующей, что наибольшие значения показателя, характеризующие наиболее плотную концентрацию магазинов, приурочены к основным городским агломерациям Бельгии.

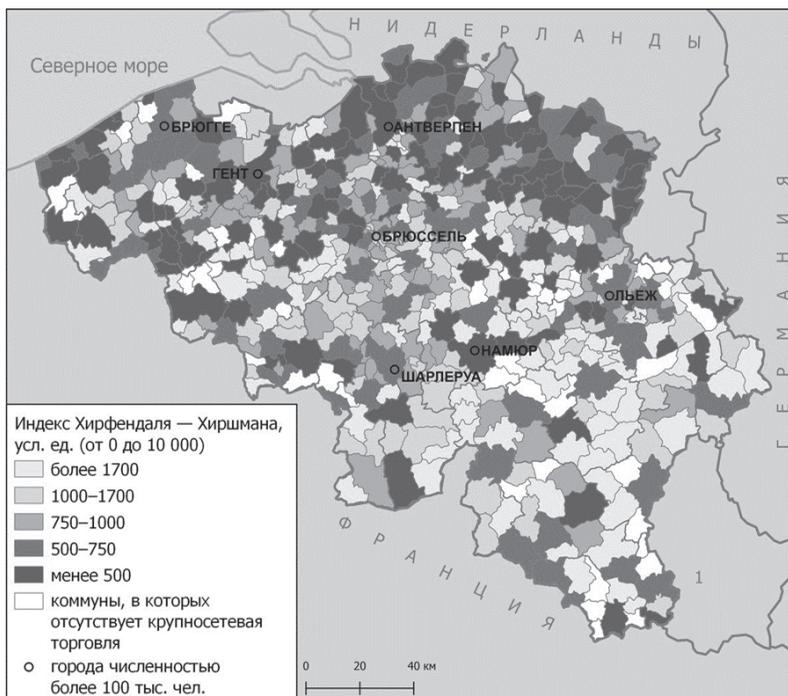

Цифрами на карте обозначены:
1 Люксембург

Рисунок 1 — Ядерная оценка плотности магазинов крупносетевой торговли в Бельгии.
Составлено авторами по собственной базе данных, созданной на основе материалов, собранных с сайтов розничных компаний

Высокий уровень транспортной и логистической доступности также играет важную роль, облегчая доставку товаров, снижая логистические издержки и обеспечивая доступ к широкой покупательской аудитории из соседних районов. Крупные транспортные артерии, такие как автомагистрали и европейские маршруты (E17, E42, E19, E311, E313), становятся точками

притяжения для торговых сетей. Помимо крупных городов, повышенная концентрация магазинов наблюдается в приграничных с Францией и Нидерландами коммунах. Это обусловлено их логистической важностью и развитой дорожной сетью, которая объединяет крупные центры стран-соседей (Лилль, Бреда, Тилбург) с местными (Кортрейк, Монс, Антверпен, Тюрнхаут). Привлекательными для крупных торговых сетей являются и коммуны с развитым туризмом, расположенные на севере провинции Западная Фландрия, на берегу Северного моря. Туристический поток обеспечивает дополнительный спрос и делает эти территории привлекательными для размещения магазинов, несмотря на относительно невысокую плотность местного населения.

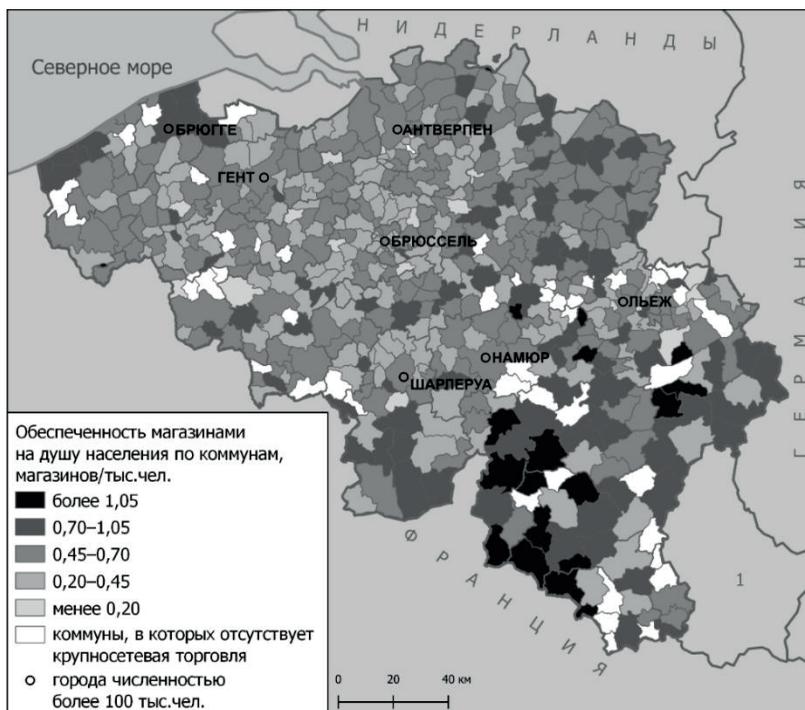

Цифрами на карте обозначены:
1 Люксембург

Рисунок 2 — Распределение индекса Херфиндаля — Хиршмана по коммунам Бельгии.
Составлено авторами по собственной базе данных

В то же время, анализ индекса Херфиндаля — Хиршмана (рисунок 2), который позволяет оценить степень концентрации рынка и уровень конкуренции между торговыми сетями, выявляет существенные региональные различия. Наименьшие значения индекса Херфиндаля — Хиршмана, свидетельствующие о наиболее конкурентной среде, характерны для коммун Фламандского региона, где наблюдается более высокая плотность населения, развитая транспортная инфраструктура и большее разнообразие торговых сетей.

В свою очередь, для значительной части коммун Валлонского региона характерны более высокие значения индекса Херфиндаля — Хиршмана, что указывает на меньшую степень конкуренции и большую концентрацию рынка. Это связано с более низкой плотностью населения в Валлонии, меньшим числом крупных городов и менее развитой транспортной инфраструктурой. В результате, многим торговым сетям невыгодно размещать свои магазины в этом регионе, что приводит к меньшему разнообразию предложения и более высокой концентрации рынка.

Цифрами на карте обозначены:
1 Люксембург

Рисунок 3 — Обеспеченность магазинами на душу населения по коммунам Бельгии.
Составлено авторами по собственной базе данных

Анализ обеспеченности магазинами на душу населения (рисунок 3) также подтверждает наличие региональных различий. Наибольшие значения показателя, характеризующие наилучшую доступность магазинов для жителей, отмечаются во многих коммунах Валлонии. Это может показаться парадоксальным, учитывая более низкую конкуренцию и концентрацию рынка в этом регионе. Однако, это объясняется тем, что при меньшем числе магазинов в Валлонии, они обслуживают меньшую покупательскую аудиторию, что приводит к более высокому показателю обеспеченности на душу населения.

Детальный анализ пространственной стратегии крупнейших торговых сетей Бельгии демонстрирует, что помимо общих факторов, таких как плотность населения и транспортная доступность, на размещение магазинов влияют специфические конкурентные стратегии и региональные особенности. Так, Ahold Delhaize, Colruyt, Carrefour, Aldi и Lidl, ориентируясь на максимальный охват потенциальных покупателей, концентрируют свои магазины в крупных городах и городских агломерациях (Брюссель, Антверпен, Гент и Льеж). Однако Ahold Delhaize и Carrefour дополнительно активно развиваются в приграничных регионах Эно и Льежа, привлекая покупателей из соседних стран и оптимизируя логистические цепочки учитывая приграничное соседство. Аналогичную стратегию, но с фокусом на Нидерланды, использует Albert Heijn, сосредоточиваясь в приграничных районах Фландрии. В отличие от них, Spar (Colruyt Group) делает ставку на диверсификацию форматов магазинов, используя гипермаркеты, супермаркеты и магазины у дома для охвата разных групп населения. Дискаунтеры Aldi и Lidl, хотя и тяготеют к крупным городам, демонстрируют более выборочный подход к размещению магазинов, часто предпочитая менее престижные районы с более низкой арендной платой [14]. Это позволяет им снижать издержки и поддерживать низкие цены, что соответствует их общей стратегии дискаунтера. Наконец, все сети учитывают объемы туристических потоков, особенно в прибрежных районах Северного моря.

Проведённая в рамках исследования типологизация округов Бельгии по особенностям развития в них крупносетевой торговли подтвердила наличие значительных региональных различий (рисунок 4). Типология проводилась на основании изученных количественных показателей: индексе Херфиндала — Хиршмана, обеспеченности магазинами и структуре выявленных на основе расчётов гравитационной модели Рейли центров торговли. Она позволяет систематизировать принципы современного развития крупносетевой торговли в Бельгии.

Выделены четыре основные группы округов, характеризующиеся различным уровнем концентрации рынка, обеспеченности магазинами и структурой торговых центров. К первой группе относятся моноцентричные округа с первостепенным центром торговли, сосредоточенным в крупном городе и его агломерации. Эти округа характеризуются высокой плотностью населения, развитой транспортной инфраструктурой и наиболее конкурентной средой среди торговых сетей. Вторая группа включает полицентричные округа с первостепенным и второстепенным центрами торговли. Здесь наряду с крупным городом-центром существует и субцентр, который также является значимым торговым узлом и обеспечивает дополнительные возможности для развития крупносетевой торговли. Третья и четвертая группы представлены округами с второстепенными центрами торговли, характеризующимися более низкой плотностью населения, меньшей конкуренцией и более высоким уровнем обеспеченности магазинами на душу населения. Таким образом, пространственная структура крупносетевой торговли в Бельгии демонстрирует сложную картину, отражающую взаимодействие множества факторов, включая

плотность населения, транспортную доступность, уровень конкуренции и региональную специфику.

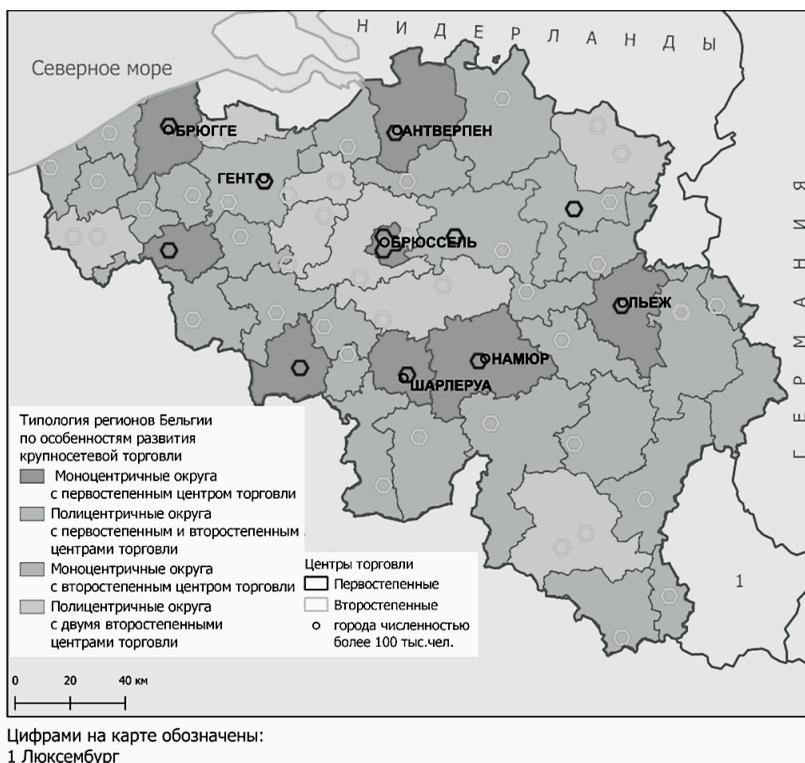

Рисунок 4 — Группировка округов Бельгии. Составлено авторами

Выводы

Проведённое исследование пространственной структуры крупных торговых сетей Бельгии позволило сделать следующие выводы. Плотность населения напрямую влияет на размер покупательской базы и обуславливает концентрацию крупносетевой торговли, при этом компании стремятся реализовывать отличающиеся торговые стратегии, ориентируясь на различные группы населения. Высокий уровень транспортной и логистической доступности является важным фактором, определяющим местоположение магазинов крупных торговых сетей. Развитая транспортная сеть привлекает сети благодаря возможности снижения издержек на доставку товаров, а также увеличению количества потенциальных покупателей. Туристическая привлекательность территорий является значимым фактором, влияющим на развитие крупносетевой торговли в коммунах с невысокой плотностью населения. Приморские округа Бельгии характеризуются высокой обеспеченностью магазинами благодаря притоку туристов. Бельгийское законодательство играет важную

роль в формировании пространственной структуры крупносетевой торговли. Значительно ограничивая концентрацию магазинов в крупных городах, законодательство стимулирует развитие второстепенных центров торговли и способствует более равномерному распределению магазинов по территории страны. Фландрия демонстрирует более высокий уровень развития и полицентризма в размещении магазинов крупносетевой торговли. Для Валлонии же более характерна централизованная структура с доминированием одного крупного центра торговли. Брюссельский столичный округ, благодаря своему центральному положению и роли важнейшего экономического и логистического центра страны, привлекает наибольшее разнообразие и концентрацию предприятий крупносетевой торговли. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что пространственная структура крупносетевой торговли в Бельгии представляет собой сложную динамично развивающуюся систему. На её формирование оказывают влияние как экономические, так и законодательные факторы, а также особенности регионального развития и специфика потребительского поведения.

Список литературы

1. Баранов К. В., Сафронов С. Г. Развитие территориальной структуры крупносетевой торговли продовольственными товарами в России // Вестник Московского университета. — 2019. — № 4. — С. 100–109.
2. Кузнецова О. В. Сетевая торговля: межрегиональные различия и роль иностранных компаний в их формировании // Региональные исследования. — 2015. — № 4. — С. 13–23.
3. Радаев В. В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. — Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — 220 с.
4. Berry B. J. L., Barnum H. G., Tennant R. J. Retail location and consumer behavior // Papers of the Regional Science Association. — NY: Springer-Verlag, 1962. — Vol. 9, № 1. — P. 65–106.
5. Borchert J. G. Spatial dynamics of retail structure and the venerable retail hierarchy // GeoJournal. — 1998. — Vol. 45, № 4. — P. 327–336.
6. Brown S. Micro-scale retail location: Cinderella or ugly sister? // International Journal of Retail & Distribution Management. — 1993. — Vol. 21, № 7. — P. 10–19.
7. Brown S. Retail location: a micro-scale perspective. — Beatty: Avebury, 1992. — 315 p.
8. Burger M. J., Meijers E. J., Van Oort F. G. Regional spatial structure and retail amenities in the Netherlands // Regional Studies. — 2014. — Vol. 48, № 12. — P. 1972–1992.
9. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland — 1933 // Translated by C. W. Baskin. Central Places in Southern Germany. — New Jersey, 1966. — 230 p.
10. Davies R. L. Structural models of retail distribution: Analogies with settlement and urban land-use theories // Transactions of the Institute of British

- Geographers. — 1972. — P. 59–82.
11. De Beule M., Van den Poel D., Van de Weghe N. Assessing the principles of spatial competition between stores within a retail network // *Applied Geography*. — 2015. — Vol. 60. — P. 98–108.
 12. Fujita M., Thisse J-F. *Economics of agglomeration: cities, industrial location, and regional growth*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 466 p.
 13. Goederenvervoer steeds vaker via logistieke knooppunten, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2018/51/goederenvervoer-steeds-vaker-via-logistieke-knoop-punten> (дата обращения 30.07.2024).
 14. How Aldi and Lidl are doing in the competitive discount grocery space [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.placer.ai/blog/aldi-lidl-making-the-cut> (дата обращения 30.07.2024).
 15. Huff D. L. A probabilistic analysis of shopping center location // *Journal of Marketing*. — 1963. — Vol. 27, № 3. — P. 97–107.
 16. Peiffer-Smadja O., Torre A. Retail decentralization and land use regulation policies in suburban and rural communities: The case of the Île-de-France region // *Habitat International*. — 2018. — Vol. 71. — P. 12–23.
 17. Reilly W. J. et al. *The Law of Retail Gravitation*. — Knickerbocker Press, 1931. — 94 p.
 18. Ronse W., Boussauw K., Lauwers D. Shopping centre siting and modal choice in Belgium: A destination-based analysis // *European Planning Studies*. — 2015. — Vol. 23, № 8. — P. 1605–1625.
 19. Van Meeteren M., Poorthuis A. Christaller and “big data”: recalibrating central place theory via the geoweb // *Urban Geography*. — 2018. — Vol. 39, № 8. — P. 1203–1234.
 20. Verhetsel A., Beckers J. Gravity models to explain retail location patterns: A case study of the Belgian province of Luxembourg // *Regional Studies*. — 2022. — Vol. 56, № 1. — P. 130–145.
 21. Verhetsel A., Beckers J., Cant J. Regional retail landscapes emerging from spatial network analysis // *Regional Studies*. — 2022. — Vol. 56, № 1. — P. 100–120.
 22. Willems K. *Retailing in Belgium: A Managerial Perspective* // *European Retail Research*. — Heidelberg, Berlin: Springer-Verlag, 2012. — Vol. 26, № 1. — P. 155–183.
 23. Wrigley N. *Store choice, store location and market analysis*. — London: Routledge, 1988. — 378 p.
 24. Доли рынка розничных компаний Бельгии, 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.retaildetail.be/> (дата обращения 27.05.2022).
 25. Национальный статистический сайт Бельгии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://statbel.fgov.be/en> (обращения 27.05.2022).

Чернокожие викинги: сомалийцы в Скандинавском регионе

Demidova E. E., Popov A. I.

Black Vikings: Somalis in the Scandinavian Region

Аннотация

Тема сомалийской миграции чрезвычайно актуальна для стран Северной Европы. В статье рассмотрены особенности расселения сомалийцев в Швеции, Норвегии, Финляндии, оценены обуславливающие их факторы. В силу исторических причин относительно равномерное расселение сомалийских мигрантов наблюдается в Норвегии. В Швеции сомалийцы расселяются вдоль оси Стокгольм — Гётеборг, имеющей особую инфраструктурную привлекательность для мигрантов, а также на северных территориях, заселение которых стало результатом успехов государственной политики рассредоточения мигрантов. В Финляндии сомалийцы максимально сконцентрированы в Столичном регионе Хельсинки. Пространственная дифференциация в заселении Скандинавского региона сомалийцами и восприятие этого феномена титульными нациями выступают важными индикаторами внутристрановых социально-экономических и политических процессов.

Ключевые слова: миграции, сомалийцы, диаспора, Скандинавский регион, Швеция, Норвегия, Финляндия

Abstract

The Somali migration is extremely relevant for Northern European countries (Sweden, Norway, Finland). The article examines the features of Somalis settlement and evaluates the factors that determine them. Due to historical reasons, a relatively even distribution of Somali migrants is observed in Norway. In Sweden, Somalis are localized in the regions of the Stockholm–Gothenburg axis, which have a special infrastructural attractiveness for migrants, as well as in the northern territories, which is the result of the successful state policy of migrant dispersal. Finland is the country with the highest concentration of Somalis (in the Helsinki mononucleus). Spatial differentiation in the Somalis settlement within Scandinavian region and the perception of this process by the titular nations is an important indicator of intra-country socio-economic and political processes.

Key words: migration, Somalis, diaspora, Northern countries, Sweden, Norway, Finland

Введение

Образ типичного представителя стран Скандинавского региона⁴² — высокого, светловолосого и голубоглазого викинга — за последние 15–20 лет

⁴² В данной статье под странами Скандинавии/Скандинавского региона понимается триада Швеция, Норвегия, Финляндия.

претерпел колоссальные изменения. Интенсивные потоки внешних миграций превратили страны, ещё недавно бывшие мононациями, в свои противоположности: каждый пятый житель Швеции, Норвегии и Финляндии рождён за рубежом, население этих государств говорит на двух сотнях языков мира.

Наибольший социальный резонанс вызывают самые непохожие на титульные скандинавские нации «новые викинги» — иммигранты из африканских стран. Доминирующую роль в этой группе, как по численности диаспоры, так и по степени культурной «отчуждённости» занимают выходцы из страны Африканского Рога — сомалийцы.

Исторические предпосылки массовой миграции сомалийцев в Северную Европу

В колониальный период территория современного Сомали оказалась разделённой между двумя державами — Италией и Великобританией⁴³. Поэтому едва ли не единственным легальным способом для сомалийца попасть в Европу была работа на судах британского или итальянского торгового флота. Немногочисленные представители сомалийских протекторатов оседали в крупных портовых городах Италии и Британской империи, периодически перебираясь вглубь стран [9]. С момента обретения Сомалийской республикой независимости в 1960 г. география миграций сомалийцев постепенно расширилась. Наиболее популярными направлениями в Европе остались бывшие метрополии (Великобритания и Италия). Именно туда переселялись представители Лиги Молодых сомалийцев — общественной организации, действовавшей в Сомалиленде⁴⁴ в первой половине XX в. и выступавшей за создание на территории Британского протектората независимого государства. После образования единой Сомалийской республики многие участники движения, опасаясь преследования за сепаратистские взгляды, покинули регион Африканского Рога. К этому периоду относится появление первых сомалийцев в Скандинавском регионе: сомалийские трудовые мигранты достигли Швеции на рубеже 1950–1960-х гг., а несколькими годами позже в шведских университетах появились первые сомалийские студенты [12]. Таким образом, Швеция стала воротами Скандинавии для сомалийских иммигрантов.

В 1969 г. в Сомали произошёл военный переворот⁴⁵, ознаменовавшийся новым витком кризиса. Часть жителей портовых городов Сомалиленда, опасаясь преследований по политическим и этническим причинам, мигрировала в Европу. Некоторые из них осели в Норвегии, став первыми представителями Сомали в этой стране. В начале 1980-х гг. в Сомалиленде вспыхнули

⁴³ Не учитывая территорию современного государства Джибути, которая была колонией Франции.

⁴⁴ Сомалиленд (Британское Сомали) — культурно-исторический район северо-западных территорий Сомали, бывшая колония Британской империи.

⁴⁵ В результате переворота к власти пришёл Мохаммед Сиад Барре — сомалийский государственный и военный деятель, президент Сомали (Сомалийской Демократической Республики) в 1969–1991 гг. Пропагандируя борьбу с трайбализмом, фактически давал политические привилегии представителям клана дарод. С падением диктатуры С. Барре Сомали фактически прекратило существовать как единое государство.

столкновения между сторонниками его отделения от Сомали и силовыми структурами. Периодом современной социальной бифуркации принято считать вторую половину 1980-х гг., связанную с потерей контроля действующим правительством над северно-западными провинциями страны. Обстрелы городов, репрессии в отношении представителей одного из самых многочисленных сомалийских кланов (*исаак*) обусловили массовый исход беженцев из северных районов Сомали [5]. Большинство из них переселялись в соседние страны: Эфиопию, Джибути, Йемен. Лишь некоторые, наиболее обеспеченные, отправлялись в Европу и Северную Америку, однако, даже прибыв в развитые страны и получив статус беженца, сомалийцы зачастую продолжали свою миграционную траекторию, оказываясь вовлечёнными в транснациональную миграцию без длительного «закрепления»⁴⁶.

Другим способом перебраться в развитые европейские страны стало воссоединение с семьёй, как легальным, так и нелегальным способом. В первом случае перемещённые лица, оказавшиеся в лагерях беженцев на приграничных с Сомали территориях Эфиопии, Кении и Джибути, при помощи представителей миссии ООН разыскивали своих родственников в европейских и североамериканских странах и подавали запросы на воссоединение с ними. Такой способ иммиграции активно использовался сомалийцами до 2010-х гг. В случае нелегальной миграции наиболее вероятными были два сценария. При первом из них предпринималась попытка воссоединения с мнимыми родственниками, при втором — незаконная транспортировка сомалийцев в европейские страны. На деньги сомалийской диаспоры создавались нелегальные компании-«перевозчики» (*carriers*), которые занимались не только перемещением сомалийцев из лагерей беженцев, но и подготовкой необходимых для свободного перемещения по Европе документов (поскольку для сомалийцев как для представителей кочевой культуры важно поддержание собственной мобильности и возможностей для оперативной смены места проживания).

Важный миграционный вектор сформировался на волне выезда сомалийских студентов из СССР в Финляндию. Разрыв дипломатических отношений в конце 1970-х гг. между Советским Союзом и Сомали стал триггером оттока сомалийцев из некогда дружественной страны. Логистические сложности, связанные с прекращением авиасообщения между Москвой и Могадишо в сочетании с резким обострением политической ситуации и началом гражданской войны на родине, заставили молодых сомалийцев искать «пути отхода». Таким образом бывшие студенты советских вузов стали первыми сомалийцами, прибывшими на территорию Суоми. Однако финское правительство не имело на тот момент достаточного опыта в приёме переселенцев. Кроме того, разразившийся в начале 1990-х гг. экономический кризис не позволил государству оказать сомалийским иммигрантам значимую социальную поддержку. Именно поэтому на начальных этапах массовой иммиграции сомалийцев

⁴⁶ Так, Дания стала главным перевалочным пунктом на пути сомалийцев в Норвегию [20], где они рассчитывали получить достойное социальное обеспечение на правах беженцев.

в Скандинавский регион Финляндия чаще являлась не конечным, а транзитным пунктом, откуда происходили дальнейшие перемещения в Швецию и Норвегию [5].

Отличительной особенностью расселения сомалийцев стала территориальная «материализация» внутренних сомалийских этнических (клановых) конфликтов. Выдавленные репрессиями представители народа *исаак* враждебно воспринимали представителей новой волны сомалийских иммигрантов — выходцев из группы племён *дарод*, из которой происходил диктатор Сиад Барре. После падения его режима племена дарод в свою очередь подверглись гонениям на родине, однако и в эмиграции они попадали во враждебную среду, встречая неприятие со стороны ранее прибывших сомалийцев.

Швеция, предоставлявшая, помимо политического убежища, социальные пособия, жильё, а также обеспечивавшая свободу сохранения и развития собственной культуры (в частности, право получать образование на своём родном языке), становилась всё более популярной локацией для сомалийской иммиграции. Дополнительными факторами миграционной привлекательности для перемещения в столь чуждую для сомалийцев, на первый взгляд, страну, стали позитивный опыт в принятии страной большого числа мигрантов и их успешное приобщение к шведскому социуму. За 1990-е гг. в Швецию прибыло около 10 тыс. беженцев [1]. Большинство из них сразу оказывалось под влиянием лидеров своих кланов, уже основавших сообщества сомалийцев в эмиграции, а потому селилось именно в тех городских районах, где проживали представители родственных им групп племён. Так начинали складываться центры резидентной концентрации мигрантов. Чаще всего это были кварталы многоквартирных домов, выстроенных в 1960-е гг. по программе «Миллион», направленной на реализацию доступного по цене жилья для работников промышленных предприятий крупнейших шведских городов: Стокгольма, Гётеборга, Мальмё, Упсалы и др. В начале 1990-х гг., незадолго до начала притока сомалийцев в страну, на Швецию обрушился экономический кризис, в течение которого бóльшая часть жителей покинула эти кварталы. Их место быстро заняли представители этнических меньшинств (сначала из Восточной Европы, позже — из стран Ближнего Востока и Африки, в частности сомалийцы). Столь компактное расположение групп мигрантов значительно осложнило их интеграцию в шведский социум. Возможность поддерживать общение с соотечественниками на родном языке привела к отсутствию стимула к освоению шведского языка, а это, в свою очередь, серьёзно ограничило возможности трудоустройства. Наиболее ярким примером такой территории является Ринкебю — район Стокгольма, почти полностью населённый мигрантами, многие из которых — сомалийцы (шведские СМИ называют его «маленьким Могадишо» [8]). В 1990-е гг. шведское правительство переориентировалось на формирование в районе иммигрантоориентированной инфраструктуры (главным образом, дешёвого социального жилья). Это способствовало быстрому превращению Ринкебю в сегрегированный этнический квартал, над которым ослаблен контроль органов власти, и где сформировано

обособленное культурное пространство [7]. В этой части Стокгольма даже появился особый диалект шведского языка, включающий множество заимствований из арабского и сомалийского — так называемый «ринкебюшведский» (*Rinkebysvenska*). При этом Ринкебю — не единственный пример районов, где концентрируются сомалийцы. Районы со схожим генезисом существуют в Гётеборге (Бископсгорден и Хаммаркулен), в Мальмё (Русенгорд) и других городах.

Финляндия, несмотря на меньшее количество сомалийских иммигрантов по сравнению со Швецией и Норвегией и функцию «перевалочного пункта» в первые годы притока беженцев, оказалась не готова к их принятию. Страна, только начинавшая проводить политику открытых границ в рамках евроинтеграции и не имевшая чётко отлаженной системы приёма мигрантов, испытала «сомалийский шок» [4]. Тем не менее, опираясь на неудачный опыт и ошибки, допущенные правительством Швеции при интеграции иммигрантов, руководство Финляндии начало разработку политики, направленной на недопущение создания этнических кварталов через «смешение» мигрантов и коренного населения в пределах одного района и предупреждение ксенофобских настроений по отношению ко второму поколению мигрантов через совместное образование и досуг.

В первой половине 2000-х гг. обстановка в Сомали благодаря вмешательству сил ООН и Африканского союза несколько стабилизировалась, исход населения из страны замедлился. Однако в 2008 г. на юге Сомали была сформирована террористическая группировка «Аш-Шабаб»⁴⁷, пользовавшаяся поддержкой «Аль-Каиды»⁴⁸ [2]. Боевики быстро захватили не только южную часть территории, но и многие центральные провинции, в частности, оккупировав столицу страны, Могадишо. Это спровоцировало новую волну сомалийских миграций. Перемещённые лица концентрировались в лагерях беженцев, расположенных в Кении и Эфиопии, откуда, при финансовой поддержке диаспоры, мигрировали в страны Скандинавского региона. Бедствия в Сомали, между тем, продолжались: череда засух на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. на фоне продолжавшихся военных действий поставил Сомали на грань гуманитарной катастрофы, что привело к новой волне бегства сомалийцев в сопредельные государства. В 2011 г. число беженцев, размещённых в специализированных лагерях, превысило 900 тыс. человек [2]. Часть из них попыталась проникнуть в страны Скандинавского региона, главным образом, в Швецию.

Показательно, что характер миграций сомалийцев в 2010–2020 гг. в страны Скандинавского региона в сравнении с 1990–2000 гг. практически не изменился. Несмотря на сложности в адаптации к новой среде, ужесточение миграционной политики и неприятие со стороны местных жителей, перемещение сомалийцев в Швецию, Финляндию и Норвегию продолжало носить

⁴⁷ Запрещённая в России террористическая организация.

⁴⁸ Запрещённая в России террористическая организация.

массовый характер. Основные отличия коснулись лишь регионов исхода сомалийских мигрантов: если в первую волну прибывали преимущественно выходцы из северных кланов *исаак* и *дарод*, то вторая волна состояла преимущественно из беженцев с юга страны, а также представителей субэтнического меньшинства сомалийцев банту. Кроме того, удлинился (как в пространстве, так и во времени) «маршрут» сомалийцев в европейские страны: волна иммиграции, спровоцированная событиями 2010 г., ощущалась в вплоть до 2015 г. и, таким образом, наложилась на события миграционного сирийского кризиса.

Сомалийская иммиграция по-разному повлияла на миграционную политику стран Скандинавского региона. Если Швеция и Норвегия, желая сократить приток трудно адаптируемых мигрантов, ужесточили законодательство в этой сфере и, как следствие, подорвали свои позиции в рейтинге стран, успешных в интеграции [11], то Финляндия, напротив, оправилась от «сомалийского шока» и продолжила проведение относительно успешной политики взаимной адаптации сомалийского и финского населения.

Динамика численности сомалийских иммигрантов в Скандинавском регионе в 2005–2021 гг.

В социально-политическом ландшафте, сложившемся в первой четверти XXI в. в Сомали как стране-доноре мигрантов и в странах Скандинавского региона как реципиентах, можно выделить ряд крупных событий, определявших интенсивность и социальные особенности сомалийского миграционного потока (таблица 1).

Таблица 1 — Социально-политическая конъюнктура системы Сомали — Скандинавские страны в 2005–2021 гг.

Дата	Ключевые события
2005	Гражданская война в Сомали, иммиграция населения в соседние страны, в Европу и Северную Америку
2009	Мировой экономический кризис 2008–2009 гг.; временная стабилизация ситуации в Сомали в 2006–2007 гг.
2012	Гуманитарная катастрофа в Сомали, новый виток гражданской войны, волна иммиграции в Европу
2016	Европейский миграционный (сирийский) кризис
2021	Ужесточение миграционной политики в Норвегии и Швеции во второй половине 2010-х гг., возвратные миграции в Сомали

Составлено авторами

В целом, несмотря на распространение в конце 2010-х — начале 2020-х гг. возвратных миграций, численность сомалийцев в Скандинавском регионе продолжала увеличиваться. К началу периода, связанного с закрытием границ в результате пандемии Covid-19, Швеция устойчиво удерживала второе место в Европе по численности сомалийских мигрантов после Великобритании, а суммарное количество сомалийцев в Швеции, Норвегии и Финляндии (не менее 130 тыс. человек [13, 14, 15]), было сопоставимо с численностью сомалийской диаспоры в главной стране-реципиенте сомалийцев — США. «Баланс» сомалийцев в Скандинавии определялся собственно

иммиграцией, а также высоким естественным приростом местного сомалийского населения, характерным для незавершивших демографический переход этнических групп. «Расходная» часть была представлена преимущественно возвратными миграциями и депортациями, явившимися следствием ужесточения миграционной политики в Швеции и Норвегии.

Динамика численности сомалийцев в странах Скандинавского региона значительно варьируется (рисунок 1). Для Швеции характерно значительное увеличение числа сомалийцев (более, чем в четыре раза, с 16 до 70 тыс. чел. в 2021 г.), особенно усилившееся на фоне гуманитарной катастрофы 2011 г. на Африканском Роге. Отложенный эффект этого события (миграционное эхо 2013–2015 гг.) объясняется тем, что основная часть беженцев не имела финансовой и логистической возможности попасть напрямую в Европу, поэтому многие из них длительное время концентрировались в лагерях беженцев в Кении и Эфиопии, откуда впоследствии, воссоединяясь с более обеспеченными родственниками, переселялись в Швецию, реже — в Финляндию и Норвегию. В последней в 2009–2012 гг. численность сомалийцев снижалась из-за возвратных миграций и депортаций, восстановившись впоследствии за счёт естественного прироста и достигнув в 2021 г. показатель в 21 тыс. чел. Параллельно в Финляндии происходил незначительный, но устойчивый рост численности сомалийского населения, слабо коррелирующий с интенсивностью внутрисомалийских событий. Однако даже при такой слабовыраженном росте темпы увеличения сомалийского населения в Финляндии превысили норвежские.

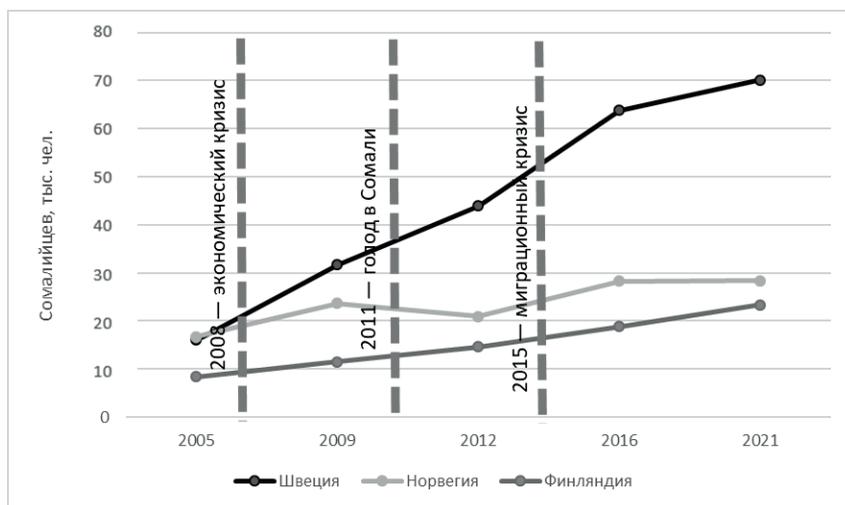

Рисунок 1 — Динамика численности сомалийцев в трех странах Скандинавского региона в 2005–2021 гг. Составлено авторами по [13,16]

Традиционными «магнитами», притягивающими мигрантов, являются административные центры принимающих стран. Не стали исключением

и скандинавские столицы: именно они приняли на себя главный «миграционный удар». В Стокгольме на 2005 г. концентрировалось чуть менее 40 % всех шведских сомалийцев, в Осло — 31 % сомалийцев Норвегии. Лидером же стала финская столица — в Хельсинки было локализовано свыше половины (52 %) всех сомалийцев Финляндии (рисунок 2). Дальнейшая «сомализация» Большого Стокгольма протекала значительно медленнее, чем происходил аналогичный процесс в Швеции в целом, что свидетельствует об успехах шведской политики деконцентрации мигрантов. Принципиально иная ситуация наблюдалась в Норвегии: в отличие от страны в целом, в Осло не только не наблюдалось снижения численности сомалийцев, а, напротив, происходил устойчивый рост сомалийского населения.

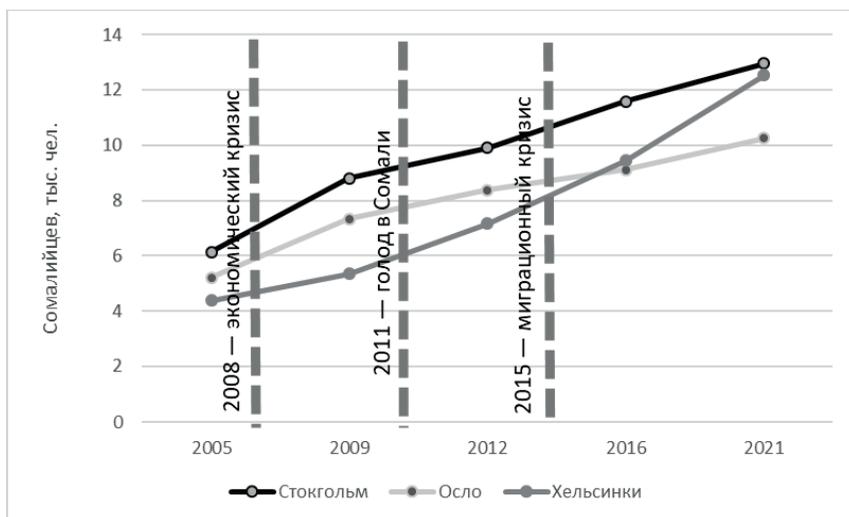

Рисунок 2 — Динамика численности сомалийцев в столицах трёх стран Скандинавского региона в 2005–2021 гг. Составлено авторами по [13, 16]

Абсолютная численность сомалийцев в Финляндии в 2021 г. была сопоставима с численностью сомалийцев в Норвегии (23,5 тыс. чел. и 28,5 тыс. чел. соответственно), но оставалась значительно ниже (почти в три раза), чем в Швеции (рисунок 1). Однако интенсивный рост сомалийского населения в Хельсинки (основной скачок произошёл в 2012–2016 гг.) обусловил тот факт, что численность сомалийцев в столице Финляндии практически сравнялась с главным «сомали-центром» Скандинавского региона — Стокгольмом. И, в отличие от Швеции, в Финляндии сохранилась тенденция высокой концентрации сомалийцев в столичном регионе (53 % всех сомалийцев).

Особенности расселения сомалийцев в Швеции, Норвегии и Финляндии

Государственная политика сбалансированного развития регионов

Скандинавских стран подразумевает действия, направленные на равномерное расселение иммигрантов, в том числе сомалийцев [13]. Однако реальное распределение сомалийского населения, выражаемое как в абсолютных, так и относительных показателях, демонстрирует значительную степень территориальной дифференциации.

Основной зоной расселения сомалийцев в Швеции стала ось Стокгольм–Гётеборг (рисунок 3). При этом, несмотря на наличие крупного «ядра сомалийской концентрации» в виде Ринкебю, Стокгольм уступает лену Вестра-Гёталанд по численности сомалийцев. Показательно, что на периферии остался лен Сконе, административным центром которого является Мальмё — третья по численности шведская агломерация, получившая статус «столицы мигрантов», и, очевидно, не полностью ему соответствующая.

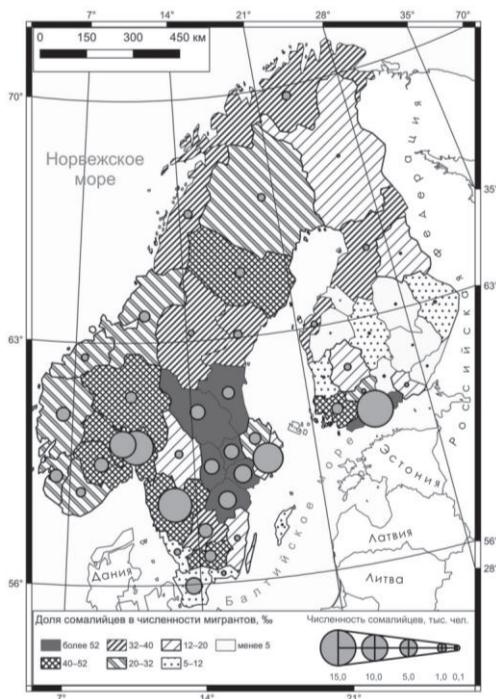

Рисунок 3 — Численность сомалийцев и их доля в общем числе мигрантов по единицам АТД трёх стран Скандинавского региона в 2005–2021 гг. Составлено авторами по [14, 15, 16, 19, 20]

Из регионов, лежащих севернее треугольника роста «Гётеборг — Стокгольм — Мальмё», выделяется лен Даларна, в котором сомалийцы представлены весьма значительно несмотря на отсутствие крупных городов как плацдармов для образования этнических анклавов. Это косвенно указывает на действенность политики «рассеивания» мигрантов по территории страны. Дополнительным подтверждением тому служит пример лена Вестерботтен:

несмотря на периферийное положение в Заполярье и малую населённость, доля сомалийцев здесь составляет почти 1 % от общей численности населения. Административный центр лена, Умео, фактически является университетским городом: более 30 % населения города составляют студенты, а местный университет является крупнейшим в Северной Швеции [16]. Эффективный подход органов исполнительной власти к обучению молодого поколения местных сомалийцев способствует формированию локальной группы сомалийской интеллектуальной элиты на севере страны, что становится важным шагом на пути к последующей интеграции представителей диаспоры. Оценка доли сомалийцев среди мигрантов по ленам подтверждает тезис об успехах политики рассредоточения прибывших в северных регионах: наиболее «выпукло» здесь выглядят те же Даларна и Вестерботтен, а также лены Емтланд и Вестерноррланд.

Таким образом, в Швеции формируются два типа регионов сомалийской миграции: «естественные» регионы, к которым можно отнести лены с центрами в крупных городах, поскольку в них сомалийцы селились по собственному усмотрению (Стокгольм, Вестра-Гёталанд, Даларна, Сёдерманланд, Эребру), а также «вторичные» регионы, в которых сомалийцы появились в рамках мер региональной политики, направленной на деконцентрацию лиц с мигрантским прошлым и снижению социальной напряжённости за счёт более равномерного распределения мигрантов по стране (Вестерботтен, Вестерноррланд, Емтланд).

Норвегия — страна с наиболее равномерным расселением сомалийцев (рисунок 3). По общей их численности выделяются лишь Осло и граничащее с ним фюльке Викин, где находятся значительные урбанизированные территории, примыкающие к столице и фактически входящие в её агломерацию⁴⁹.

Одним из факторов равномерного распределения сомалийцев по территории Норвегии принято считать постепенность их иммиграции. Первая волна беженцев из Сомали — представители клана *исаак*, жертвы политических диктатуры Сиада Барре. Поскольку сомалийцы первой волны попадали в Норвегию через Финляндию и СССР, то пограничные северные фюльке и становились их первой, а иногда и единственной локацией. Вторая волна иммигрантов пришла на 1990-е гг., когда после распада Сомалийской республики гонениям стали подвергаться уже родственные бывшему диктатору Барре племена *дарод*. На тот момент создание этнических социальных сетей, характерная для представителей сомалийской диаспоры, была затруднена ввиду непримиримой вражды двух кланов, оказавшихся в оппозиции друг другу. Ситуация стала меняться в лучшую сторону, когда сомалийские беженцы начали сосредотачиваться в специальных лагерях в Эфиопии и Кении [5], а впоследствии и перебираться в Северную Европу. К регионам «второй волны» относятся юго-западные и южные фюльке, куда переселялись

⁴⁹ Из 28 тыс. сомалийцев, проживавших в Норвегии в 2021 г., более 17 тыс. приходилось на фюльке Осло и Викин [63].

сомалийцы «первой волны» из северных частей страны, а также новые иммигранты, прибывшие из Швеции и Дании. Третья волна иммигрантов, пришедшая на первую половину 2000-х гг., состояла из родственников беженцев первой и второй волн, воссоединяющихся с семьёй и заселяющих Центральный Норвегию, а также регион Осло (Викен).

Принципиально иной характер расселения сомалийцев просматривается в **Финляндии**. Главное «сомалийское ядро», по численности не имеющее аналогов не только в Суоми, но и в Скандинавии в целом, сформировалось в Столичном регионе Хельсинки — Уусимаа: здесь проживает 3/4 из 26 тыс. финских сомалийцев. Сомалийские мигранты, прибывшие в первую волну и относительно легко получившие политическое убежище не были «развезаны» по территории страны, а компактно осели в Хельсинки. Этими иммигрантами были, в основном, сомалийские студенты, обучавшиеся в советских вузах и не имевшие возможности вернуться на родину, охваченную гражданской войной. Впоследствии к ним по программам воссоединения семей постепенно начали прибывать родственники, бежавшие из раздираемого междуусобицами Сомали. Таким образом, сформировалось мощное ядро сомалийцев в Столичном регионе, что делало конурбацию Хельсинки — Тампере — Эспоо ещё более привлекательной для их соотечественников вследствие чрезвычайно активной диаспоральной поддержки [3, 10, 17].

Как незначительное отступление от южной моноцентричности можно рассматривать «заполярные» области: Северную Остроботнию и Кайнуу. С одной стороны, данные районы — полигон действия политики регионального (в т. ч. миграционного) выравнивания. Таким образом, их «сомализация» имеет административно-силовую природу. Вместе с тем, важным стимулирующим фактором появления сомалийцев в этих областях является наличие «точки роста» — города Оулу, входящего в десятку крупнейших городов Финляндии и формирующего одну из наиболее динамично развивающихся финских агломераций. Разрастающиеся пригороды Оулу с дешёвым жильём привлекают иммигрантов, в числе которых оказываются и сомалийцы.

В последнее время власти Финляндии отказались от искусственной деконцентрации мигрантов, в том числе, сомалийцев, социальные издержки от массового притока которых ощущаются особенно остро. Инструментом финской миграционной политики стал комплекс реформ и государственных программ, направленных на снижение общественной напряжённости и обеспечение постепенной интеграции второго и третьего поколений сомалийцев в финский социум.

Заключение

Тема сомалийских миграций чрезвычайно актуальна для стран Глобального Севера, и особенно — для малых высокоразвитых североευропейских стран (Швеции, Норвегии, Финляндии). С конца прошлого века, миграционные потоки из Сомали стали серьёзным вызовом для стран Скандинавского региона и во многом определили современные изменения в их соци-

ально-политическом пространстве. Труднопреодолимые препятствия на пути адаптации сомалийцев к чуждому для них социуму и новым социально-экономическим условиям привели к смене господствующей парадигмы развития в странах, на протяжении последних 30 лет декларировавших политику открытых границ.

Несмотря на интеграционные процессы, характерные для стран Скандинавии, многие ключевые вопросы по-прежнему решаются индивидуально на уровне каждой из них. Одним из ярких примеров такой национальной специфики являются страновые и внутристрановые различия «сомалийского кейса». Относительно равномерное расселение сомалийских мигрантов наблюдается лишь в Норвегии, являясь следствием многоэтапности сомалийской иммиграции. В Швеции расселение сомалийцев носит куда более сложный и мозаичный характер, однако здесь уже выделяется главная ось его концентрации: Стокгольм — Гётеборг. Наконец, Финляндия является страной с самой высокой степенью концентрации сомалийцев в моноядре столичной агломерации.

Существенные различия прослеживаются и в специфике восприятия сомалийской диаспоры: от неприятия и ксенофобных настроений в Норвегии до попыток ассимиляции в общество «всеобщего благоденствия» в Швеции и Финляндии. Таким образом, на расселение сомалийцев в каждой из стран Скандинавского региона влияют различные по своей природе факторы, а центры притяжения мигрантов, в свою очередь, сформированы как результат территориальной неоднородности их действия. В целом, пространственная дифференциация как в заселении региона сомалийцами, так и в восприятии этого процесса коренным населением становится важной составляющей социально-экономического ландшафта стран Скандинавского региона.

Список литературы

1. Горохов С. А., Агафощин М. М., Дмитриев Р. В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа — 2020. — № 7. — С. 132–143.
2. Дунаев А. Л. Сомали-2011: гуманитарная катастрофа на фоне гражданской войны // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2011. — № 4. — С. 126–146.
3. Alitolppa-Niitamo A. Somali refugees in Helsinki. Focus on social networks and the meaning of clan membership. — Helsinki, Sosiaali-ja terveystieteiden ministeriö, 1994. — 60 p.
4. Al-Sharmani M., Cindy H. Marginal Actors? Diaspora Somalis Negotiate their Citizenship // Dislocations of Civic Cultural Borderlines: Methodological Nationalism, Transnational Reality and Cosmopolitan Dreams / P. Ahponen, P. Harinen, V.-S. Haverinen (ed.). — London: Springer, 2016. — P. 107–122.
5. Assal M. A. Somalis and Sudanese in Norway—Religion, ethnicity/clan and politics in the diaspora // Diasporas within and without Africa: dynamism, heterogeneity, variation / L. O. Manger, M. A. Assal. — Uppsala Nordiska

- afrikainstitutet, 2006. — P. 165–194.
6. Bjork S. R. Somalis abroad: Clan and everyday life in Finland. — Champaign: University of Illinois Press, 2017. — 220 p.
 7. Boccagni P., Massa A. The Neighbourhood as Home Away from Home? Potentials and Dilemmas of Homemaking in the Public Among the Somali Swedes in Rinkeby, Stockholm // *Anthropological Journal of European Cultures* — 2021. — Vol. 30, № 1. — P. 1–26.
 8. Egorova T. D., Ivanova N. S., Varshaver E. A. Formation of immigrant neighbourhoods in Sweden: a case-study of Rinkeby, Stockholm // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* — 2020. — Vol. 13, № 7. — P. 1112–1125.
 9. Fagioli-Ndlovu M. Somalis in Europe. — Fiesole: European University Institute, 2015. — 33 p.
 10. Farah A. O. Diaspora involvement in the development of Somalia. — Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg University, 2009. — 28 p.
 11. International Key Findings // *Migrant Integration Policy Index*. — 2020. — 9 p.
 12. Kleist N. Somali Diaspora Groups in Sweden // *Engagement in Development and Relief Work in the Horn of Africa*, 2018. — 118 p.
 13. Policy areas // North Sweden European office [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.northsweden.eu/english/policy-areas/regional-policy/> (дата обращения 19.03.2023).
 14. Statistics Finland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.fi/> (дата обращения 20.05.2024).
 15. Statistics Norway. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ssb.no/> (дата обращения 20.03.2024).
 16. Statistics Sweden. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scb.se/> (дата обращения 20.05.2024).
 17. Tiilikainen M. Somalis in Helsinki: At Home in Europe // *Open Society Foundations* — 2013. — 149 p.
 18. Zoppi M. The Role of the Safety Net in the Integration Process: Evidence from the Somali Diaspora in Scandinavia // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. — 2019. — Vol. 17, № 4. — P. 476–491.
 19. Asylsökande under året efter medborgarskapsland och kön. Månad, kvartal, halvår, helår. År 2002–2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/sv/ssd/START_BE_BE0101_BE0101P/AsylsokandeN/ (дата обращения 04.12.2023).
 20. EU, Norrbotten och Västerbotten i Migration och Integration — En inspirationsrapport med exempel från regionen // North Sweden European office. — 2017. — 20 p.
 21. Folkmängden efter region, födelseland och kön. År 2000–2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/sv/ssd/START_BE_BE0101_BE0101E/FolkmRegFlandK/ (дата обращения 04.12.2023).

Города будущего в Японии

Tikhotskaya I. S.

Future cities in Japan

Аннотация

Первые десятилетия XXI в. ознаменовались рождением в Японии ряда проектов городов будущего: городов-экомоделей, смарттаунов, городов зелёного будущего, городов, отвечающих целям устойчивого развития, супергородов. Все они представляют примеры экологичных городов, опирающихся на местные ресурсы, и в них прослеживается эволюционная связь с проектом «Экотаун», запущенным в 1997 г. силами министерств внешней торговли и промышленности и здравоохранения и социального обеспечения. Создание экотаунов сыграло большую роль в изменении тупиковой политики управления отходами, основу которой составляло сжигание и захоронение, и в развитии рециклирования ресурсов. Это способствовало принятию и реализации в Японии трёх планов по претворению в жизнь разработанной в 2000 г. в результате многолетних изысканий инновационной концепции общества с устойчивым материальным циклом. Целью проектов последних десятилетий является решение проблем быстро стареющего японского общества, оживление местных сообществ, возрождение регионов. Все они призваны прокладывать путь к низкоуглеродному развитию одновременно с повышением качества жизни населения. В феврале 2021 г. число японских органов местного самоуправления, заявивших о принятии планов достижения к 2050 г. нулевых выбросов углерода, составило 281, а на 29 марта 2024 г. — 1078. Анализ проектов городов будущего в данной статье представлен на конкретных примерах, отражающих их разнообразие.

Ключевые слова: Япония, экотауны, города-экомодели, города зелёного будущего

Abstract

The first decades of the 21st century saw the emergence of a number of different future city projects in Japan: Eco Model Cities, Smart Cities, Green Future Cities, Sustainability Cities and Supercities. They are all prime examples of sustainable cities based on local resources, showing an evolutionary link to the Ecotown project launched in 1997 by Japanese ministries. It was the creation of ecotowns that played a major role in promoting resource recycling and moving away from the dead-end waste management policy based on incineration and land-filling. This contributed to the adoption and implementation of the three plans aimed at realizing the concept of the Sustainable Material Cycle Society developed in 2000. The projects of recent decades have been designed to address Japan's rapidly aging society and revitalize local communities and regions, all of which are

intended to pave the way for low-carbon development throughout the country while improving the quality of life. In February 2021 the number of Japanese local authorities that had announced plans to achieve zero-carbon emissions by 2050 was 281, and as of March 29, 2024 — 1078. The article examines future city designs through case studies that reflect their diversity.

Key words: Japan, Eco-towns, Eco Model cities, FutureCity

Введение

В настоящее время более половины мирового населения сосредоточено в городах, и ожидается, что к 2050 г. этот показатель увеличится почти до 70 %. В этой связи растёт беспокойство обострением сопровождающих урбанизацию проблем, в первую очередь ухудшением состояния окружающей среды, и в особенности изменениями климата, следствием которых стали участвовавшие стихийные бедствия самого разного характера. Превалирует мнение о том, что главным фактором наблюдающихся негативных явлений является использование невозобновляемых источников энергии, широкомасштабное развитие транспорта, и прежде всего активное пользование авиационным транспортом. В этой связи развернулось глобальное движение за достижение нулевых выбросов углекислого газа.

К концу 2022 г. подобные обязательства взяли на себя 137 стран, включая Японию. На них приходится 83 % мировых выбросов такого рода, 80 % населения и 91 % мирового ВВП. Это существенный прогресс по сравнению с 2019 г., когда такие цели были поставлены странами, вклад которых в мировой ВВП составлял около 16 %. В 2023 г. обязательства по достижению нулевого уровня выбросов углекислого газа, под которым понимают сокращение объёма выбросов парниковых газов до уровня, максимально приближенного к нулю, взяли на себя 145 стран, на которые приходится около 90 % мировых выбросов такого рода. В то же время по данным Climate Action Tracker — исследовательской группы, осуществляющей мониторинг действий по сокращению выбросов парниковых газов, приемлемые или средние показатели по достижению «чистого нуля» имеют страны, ответственные только за 28 % глобальных выбросов парниковых газов [5].

Очевидно, что для достижения этой цели в первую очередь необходимо изменить подход к проектированию и строительству городов. В этой связи, как и в других странах мира, в Японии возводят города нового типа — автономные и компактные, в которых активно используются возобновляемые энергетические источники и экологичный транспорт. Уровень урбанизации в Японии, по нашим расчётам, превышает 90 %, поэтому инновационному преобразованию городов уделяют особое внимание.

При этом в Японии, где быстро прогрессирует старение населения и уже сейчас доля лиц старше 65 лет составляет 30,1 % (выше только в Монако, 36 %) [11], особенно важно увязывать решение экологических проблем и достижение низкоуглеродного развития с предоставлением комфортного проживания людей с учётом потребностей лиц старших возрастов. Япония является

первопроходцем в области проведения политики в стареющем обществе [3], а старение нации здесь похоже на цунами — аналогичный показатель в странах Европейского союза в целом составляет 21,3 % [3, 8]. И в следующих за Японией Болгарии и Португалии он ниже японского на 5 %, а в Италии и Франции — на 8 % [9]. Вследствие этого для Японии образ города будущего, как это явствует из японских официальных документов и государственных программ, представляет образцовый экологичный город, в целях достижения низкоуглеродного развития опирающийся на местные ресурсы и имеющий устойчивые экономические и социальные системы для комфортного проживания стареющего населения. При этом обычно учитывается и тот факт, что на Японию часто обрушиваются стихийные бедствия.

С чего всё начиналось

По мере роста экономики в Японии обострялась и проблема отходов. Широкое распространение крупной бытовой техники и увеличение разнообразия сложно утилизируемых отходов наряду с повсеместным использованием различных контейнеров и упаковки привели к увеличению объёма образующихся отходов. В результате оставшийся срок эксплуатации большинства полигонов захоронения отходов составил менее 10 лет, и остро встала необходимость сократить объём и наладить надлежащую утилизацию отходов.

После краха экономики «мыльного пузыря» в начале 1990-х гг. в Японии разразился структурный кризис, и в конце последнего десятилетия XX в. с целью ревитализации регионов при широкой государственной поддержке началась реализация проекта «Экотаун», в основе которого лежала концепция «нулевых отходов», основанная на принципе «3R» (reduce, reuse, recycle — сокращение, повторное использование, рециклирование) и нацеленная на продвижение к обществу рециклирования. Большую роль как в финансировании экотаунов, так и в реализации продуктов вторичной переработки, поддержке компаний и увеличении заинтересованности жителей в развитии таких проектов играли муниципалитеты.

Таблица 1 — Законы в области утилизации отходов в Японии

Закон	Год принятия
Закон об управлении отходами	1970
Закон о форсировании использования вторичного сырья	1992
Закон о рециклировании упаковочной тары	1997
Закон о рециклировании электробытовой техники	1998
Закон о специальных мерах по борьбе с диоксинами	1999
Закон о создании общества с устойчивым материальным циклом	2000
Закон о зелёных закупках	2000
Закон о переработке строительных материалов	2000
Закон о переработке пищевых отходов	2000
Закон о специальных мерах в отношении полихлорированных бифенилов	2001
Закон об утилизации автомобилей	2002
Закон о переработке мелкой бытовой техники	2012

Источник: составлено автором по данным сайтов японских министерств

Одновременно с созданием в стране экотаунов вводилось всё больше законов, направленных на переработку разных видов отходов (таблица 1), а с целью распространения в обществе установки на повторное использование сырья был принят и Закон о зелёных закупках. А в рамках политики энерго-сбережения в дополнение к находящимся в «экотаунах» экспериментальным сооружениям строительные компании стали возводить «энергоэффективные» и «солнечные» дома [4].

В проекте «Экотаун» заложена интеграция «промышленного симбиоза» с «городским симбиозом» с целью получения максимальных экономических и экологических выгод от близкого географического соседства промышленных и городских районов за счёт использования разного вида отходов в промышленных целях.

В процессе отбора кандидатов на создание экотаунов руководствовались тем, чтобы потенциальные предложения содержали оригинальные творческие идеи и не дублировали деятельность друг друга, а в случае успеха их опыт мог бы быть применим и в других местах. Первыми разрешение на создание экотаунов в 1997 г. получили города Китакуюсю, Иида и Кавасаки, а также префектура Гифу, а к 2005 г. в качестве таковых в общей сложности было утверждено 26 районов (рисунок 1).

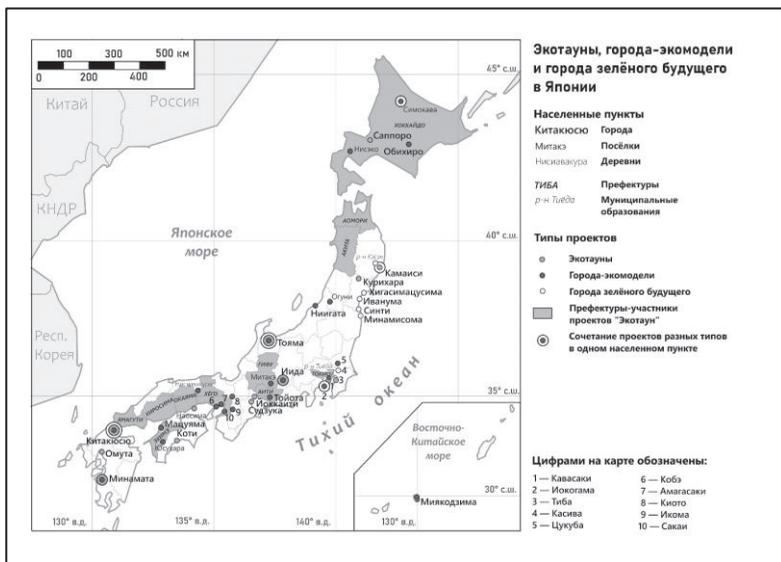

Рисунок 1 — Экотауны, города-экомодели и города зелёного будущего в Японии
 Выполнила Лупета Д. А. по материалам автора статьи

Первоначально экотауны в Японии в основном создавались в отдельных кварталах городов, постепенно расширяясь. Естественно, что первые экотауны начали возводить в оказавшихся в сложном положении центрах тяжёлой промышленности, которые сейчас представляют собой передовые

экотауны, привлекающие внимание и за рубежом, — Китакюсю и Кавасаки. Город Китакюсю с момента основания в 1901 г. государственного сталелитейного завода Явата в районе Хигасида развивался как важный промышленный центр и сыграл ведущую роль в модернизации и быстром экономическом развитии страны. Именно тяжёлая промышленность была движущей силой экономического роста города, и в 1960-х гг. загрязнение воздуха там было самым сильным в Японии. Залив Докай из-за заводских сточных вод называли «морем смерти».

После включения Китакюсю, крупного центра тяжёлой промышленности, сыгравшего большую роль в послевоенном экономическом развитии Японии, в проект экотаунов на базе сложившейся промышленной базы, развитых технологий в области защиты окружающей среды там началась работа по созданию общества рециклирования. С этой целью были открыты небольшие опытные центры по вторичному использованию ресурсов, которые должны были способствовать разработке уникальной для того времени региональной политики, нацеленной одновременно на сохранение окружающей среды и оживление промышленности.

При нашем посещении экотауна Китакюсю в 2004 г. одним из главных был центр утилизации автомобилей и небольшой промоутерский центр, а в расположенном неподалёку экологическом центре Хибикинада был представлен крошечный прообраз экологичного дома, функционирующего за счёт возобновляемой энергии, где осуществляется тщательная сортировка отходов, отправляемых на переработку в экспериментальные цеха. Помимо рециклирования макулатуры, бутылок и банок, в этом центре развивался бизнес по сбору и переработке использованного кулинарного масла, что в Японии имеет принципиальное значение вследствие популярности блюд, готовящихся во фритюре, в первую очередь *тэмпура*⁵⁰. Постепенно производственные мощности расширялись, вводились новые. В частности, сейчас там рециклируют и городские электросамокаты, причём ввозимые не только из региона Кюсю, но и из США и стран Восточной Азии [10].

Некоторые результаты и развитие концепции «Экотаун»

Создание экотаунов сыграло большую роль в отходе от тупиковой политики управления отходами, основу которой составляло сжигание и захоронение, и в развитии рециклирования ресурсов. Это способствовало принятию и реализации в Японии трёх планов по претворению в жизнь разработанной там в 2000 г. в результате многолетних научных и практических изысканий инновационной концепции общества с устойчивым материальным циклом. По оценкам Министерства охраны окружающей среды Японии, общий эффект снижения воздействия на окружающую среду 26 экотаунов в 2011/2012 финансовом году был весьма заметным: конечный объём отходов сократился примерно на 960 тыс. тонн, потребление природных ресурсов на 930 тыс. тонн,

⁵⁰ Покрытые тонким тестом и обжаренные во фритюре морепродукты, рыба, овощи.

а выбросов углекислого газа — на 460 тыс. тонн [15]. Уровень переработки ресурсов в экотаунах превысил средний по стране, что сыграло решающую роль в сокращении негативного воздействия на окружающую среду.

Экотауны Японии имеют выраженные региональные различия не только по таким параметрам, как промышленная структура и особенности образования и переработки отходов, но и по расположению разработанных в рамках этого проекта объектов. Например, к регионам с большим количеством отходов (преобладание предложения) относятся Токио, префектуры Осака и Айти, а к районам с большим числом предприятий по переработке отходов (преобладание спроса) относятся префектура Акита, города Тояма и Омута. Большое количество и того, и другого (расширенный спрос и предложение) отличает города Китакою, Кавасаки, префектуры Тиба и Хёго. В префектурах Аомори, Токио, Осака и Кагава, а также в городах Кавасаки и Китакою объекты, построенные в рамках проекта экотаун, сконцентрированы в той или иной степени близости, тогда как в префектурах Хоккайдо, Акита, Айти, Хёго и Хиросима они, напротив, рассредоточены [14].

В июле 2008 г. на острове Хоккайдо прошёл 34-й саммит «Большой восьмёрки», сразу после которого в развитие концепции экотауна был запущен новый проект — «Города-экомодели». Его целью было создание образцовых экологических городов, способствующих продвижению Японии к низкоуглеродному обществу, в рамках которого финансовая поддержка стала оказываться городам, стремившимся значительно сократить потребление энергии и выбросы углекислого газа. Эти города были призваны стать образцовыми экологическими городами, которые «могут указать путь к низкоуглеродному развитию всей Японии» [6]. Таким образом, по сути, была представлена национальная программа низкоуглеродного развития, адаптированная к местным условиям и нацеленная на стимулирование разработки местными органами самоуправления планов действий по декарбонизации и обмену знаниями между городами [2]. Из 82 заявок в конечном итоге было отобрано 13 муниципалитетов разного ранга: от городов-миллионников Йокогама и Китакою до сельского поселения Симокава. Произошедшее в марте 2011 г. Большое землетрясение в Восточной Японии привело к росту озабоченности энергетическими проблемами, соответственно возросло и значение экомодельных городов с их стремлением к низкоуглеродности, что привело к дополнительному отбору городов-экомоделей. В результате их число было увеличено до 23.

Китакою, с населением около 1 млн человек⁵¹, пожалуй, представляет наиболее наглядный пример эволюции экотауна. Уже спустя пять лет после признания его в этом статусе, в 2002 г. первоначальный план был пересмотрен,

⁵¹ В 1979 г. население города составляло 1 млн человек. Но вследствие структурной перестройки экономики в стране и перемещения предприятий отраслей тяжёлой промышленности за рубеж, а также связанной с этим миграцией жителей в близлежащие районы оно сократилось.

и зона экотауна распространилась на всю территорию города. В 2011 г. он был признан «низкоуглеродным обществом» и выбран в качестве «Города экобудущего», который вносит свой вклад в построение «низкоуглеродного общества». Как город, экономика которого основана на рециклировании и экологических отраслях, Китакоюсу завоевал высокую международную репутацию: ещё в 1990 г. Программой ООН по окружающей среде он был внесён в список «Global 500»; в 2011 г. ОЭСР признала его в качестве города зелёного роста, а в 2018 г. — «Глобального модельного города для продвижения ЦУР», и он стал первым таким городом в Азии. Этот экотаун принимает большое количество посетителей как из разных регионов страны, так и из-за рубежа, способствуя улучшению бренда города и расширению деятельности японских компаний за рубежом. Число посетителей только его административных объектов, которое является одним из показателей уровня интереса со стороны местных и зарубежных жителей, превышает 30 тыс. человек в год [15].

Экотауны сохраняют своё значение в деле преобразования экономики и общества. Например, перед входившей в проект «Экотаун» префектурой Айти (с населением 7,5 млн человек), которая с 1977 г. занимает второе место по ВРП после Токио, лидирует по производству и экспорту в стране промышленной продукции и без преувеличения является индустриальной столицей Японии, поставлена задача создания «умного» устойчивого города. В 2020 г. кабинет министров выбрал её (наряду с соседним регионом Хамамацу) «глобальным центром стартап-экосистем», задача которого — формирование глобальной экосистемы стартапов мирового класса.

На современном этапе экотауны призваны играть ведущую роль в достижении нулевых выбросов углекислого газа, круг их задач многократно расширился и, прежде всего, во главу угла поставлена задача по предотвращению глобального потепления. Например, в том же Китакоюсу в целях расширения использования возобновляемых источников энергии Фонд развития промышленности и науки совместно с компаниями города разрабатывает систему фотоэлектрических источников энергии [14]. Заботясь о будущей проблеме утилизации вышедшего из строя оборудования солнечных электростанций, в городе разрабатывается технология переработки фотоэлектрических панелей. Это передовой в мире метод, который помимо высокой степени переработки (95 %) позволяет использовать стекло повторно. Акцент сделан на максимальном использовании местных ресурсов и повышении их эффективности, на развитии спроса и каналов сбыта продукции из вторсырья и формирования надлежащей системы переработки сырья и утилизации отходов на обширной территории, включая применение зарубежных рециклированных ресурсов. Большое внимание уделяют и повышению осведомлённости населения о важности участия в решении подобных задач.

Стремление к низкоуглеродному развитию и проекты городов будущего

Первой префектурой, объявившей в 2009 г. о планах снижения выбро-

сов углерода, стала префектура Яманаси, а спустя десять лет, после выступления министра охраны окружающей среды Синдзиро Коидзуми на Рамочной конференции ООН по изменению климата об этом заявили и мэры ряда крупнейших японских городов: Токио, Иокогамы и Киото. В феврале 2021 г. число японских органов местного самоуправления, заявивших о принятии планов достижения к 2050 г. нулевых выбросов углерода, составило 281 (это 80 % населения страны, и более 4 трлн долларов вклада в национальный ВВП). По состоянию на 29 сентября 2023 г. их было уже 991, а на 29 марта 2024 г. — 1078 (в том числе 46 из 47 префектур, 603 из 769 городов, 22 из 23 специальных районов Токио, 352 из 736 поселков и 55 из 180 деревень) [7, 12]. Единственной префектурой-исключением является Ибараки, в которой проживает 2,9 млн человек, т. е. примерно 98 % населения Японии охвачено этими обязательствами.

Уже в городах-экомоделях, в которых предполагалось энергосбережение и широкое использование возобновляемых источников энергии, по сути, была заложена идея низкоуглеродного развития. В целом во втором десятилетии XXI в. в Японии был разработан целый ряд национальных программ и проектов городов будущего, которые должны прокладывать путь к низкоуглеродному развитию всей страны: «города зелёного будущего» (её японское название *канкё мирай тоси*, а официальный английский эквивалент — FutureCity), смарттауны, «города, отвечающие целям устойчивого развития», супергорода. По замыслу все они — образцовые экологичные города, опирающиеся на местные ресурсы и способствующие оживлению местных сообществ, возрождению регионов и решению проблем быстро стареющего японского общества.

Проект «FutureCity» представляет собой один из национальных проектов японской «Стратегии нового роста», принятой в июне 2010 г. Цель этого запущенного в 2011 г. проекта, заключается в том, чтобы бросить вызов общим проблемам человечества. Было отобрано 11 городов (в том числе шесть из пострадавших в том же году от Большого землетрясения в Восточной Японии) для создания успешных примеров городов мирового уровня с точки зрения решения глобальных проблем XXI в., связанных с проблемами экологии и старения населения, и распространить данный опыт как в самой Японии, так и за её пределами. В 2013 г. в этот проект включили и города-экомодели, и всего их стало 34. В результате размещение городов будущего стало более равномерным, распространившись с крайнего севера (Хоккайдо) до самого юга Окинавы (остров Мияко в префектуре Окинава): если города экомодели в основном были сконцентрированы в южной части страны, то FutureCities — в северной (рисунок 1). При этом, однако, ещё более характерным стало тяготение к Тихоокеанскому побережью.

Одновременно началось и создание в Японии смарттаунов — устойчивых городов (или городских районов), в которых используются возобновляемые источники энергии и экологичный транспорт, и управление города осуществляется с помощью новых технологий. В 2019 г. эволюция экотаунов получила продолжение и в программе создания городов, отвечающих ЦУР,

а в 2020 г. — супергородов. В целом всё ярче просматривается то, что целью создания новых японских городов является увеличение комфортности и улучшения жизни жителей. Причём в условиях «серебряного цунами» (старения населения) и депопуляции, особый акцент сделан на такое свойство городского пространства, как компактность городов. Как отмечают архитекторы, компактные города-окружности представляют самую раннюю форму пространственной организации города и постоянно присутствуют в градостроительной практике с древнейших времён и до настоящего времени [1]. В Японии тем местным органам власти, которые стремятся к созданию компактных энергоэффективных городов, правительство оказывает финансовую поддержку. При том что во многом новые города имеют схожие цели, они весьма многообразны, поскольку в первую очередь ориентируются на местные ресурсы, на свой потенциал развития и выгоды географического положения. Рассмотрим примеры «FutureCity»⁵².

Разрабатываемый в сельском районе Кэсэн проект предполагает создание регионального города зелёного будущего под одноименным названием, способного предотвращать стихийные бедствия, который призван стать не только моделью для восстановления разрушенных землетрясением 2011 г. населённых пунктов в регионе Тохоку, но и примером для малых городов во всём мире. Проект включает расположенные в южной приморской части префектуры Иватэ города Офунато (один из важных портов), Рикудзэнтака (имеет живописное побережье) и посёлок Сумита (центр заготовки, переработки и экспорта древесины). Два города объединяются в компактный город с аккумулярованием в его центральной части городских функций, особенно востребованных у людей преклонного возраста. В связанном с ними экологичным транспортом (электробусы) посёлке Сумита на возвышенности возводятся жилые дома, медицинские учреждения, торговые и коммунальные объекты. Уникальной чертой данного проекта является установка мегасолнечных электростанций с первой в мире регионально распределённой системой аккумуляторных батарей. Согласно замыслу, реализация этого проекта будет способствовать региональному развитию, основанному на полицентрических идеях. Население района Кэсэн составляет около 60 тыс. человек.

Интересен пример города Иванума на востоке префектуры Мияги, также одном из пострадавших во время цунами 2011 г. Этот исторический транспортный узел с населением более 40 тыс. человек задуман как компактный город; там расположен медицинский кластер, включающий научные, производственные и практические организации, и солнечная электростанция. Для закрепления в культурном ландшафте памяти о событиях 2011 г. создан новый центр притяжения из обломков разрушенной инфраструктуры — «Пятнадцать холмов тысячеклетней надежды», с Музеем землетрясений и цунами. Предполагается, что благодаря дамбам, поднятию дорожного полотна и совершенствованию систем оповещения это место будет надёжно защищено

⁵² По данным из государственных программ и материалам официальных сайтов городов.

от будущих катастроф. Посаженный на холмах лес сможет служить временным пристанищем в случае эвакуации. В этой же префектуре создаётся и город будущего Хигасимацусима, более узкоспециализированный и ориентированный на независимое энергопотребление за счёт солнечной и биоэнергетики. Он интересен как пример строительства безуглеродных домов взаимопомощи и обеспечения стареющего населения медицинскими услугами [13].

В вошедшем в проект посёлке Синти формируется новая модель региональной мобильности, получившая название Mobility Sharing (совместное использование средств передвижения), отвечающая потребностям «суперстареющего» общества. Она позволяет жителям выбирать средства передвижения в соответствии со своими потребностями, включая совместное пользование такси. С целью повышения качества жизни престарелых расширено предоставление различных региональных информационных услуг. Путём полного использования региональных особенностей там формируется «умная» гибридная система энергоснабжения, состоящая из разного вида источников возобновляемой энергии, и создаются новые отрасли.

В городе Камаиси, одном из лидеров промышленной революции в Японии, родине современной японской металлургии (1857 год), проект «Futurecity» прежде всего нацелен на создание общества рециклирования (концептуально это означает низкоуглеродность, энергосбережение и экономию ресурсов) и версии «умного сообщества», предлагающего универсальные услуги в области здравоохранения. В городе разработан план предоставления комплексных услуг государственными службами помощи на дому и создан контактный центр для лечения пациентов на дому при сотрудничестве с врачами, фармацевтами, медсёстрами, менеджерами по уходу и т. д. Иными словами, Камаиси стремится стать городом, в котором люди преклонного возраста могут вести полноценную жизнь в привычной обстановке.

Заключение

Анализ эволюции концепции современного экологичного города, отвечающего требованиям сегодняшнего дня в Японии, показывает, что основной целью городского развития является создание низкоуглеродных городов, способных предоставить комфортное пребывание людям XXI в., предъявляющим высокие требования к качеству жизни и одновременно нуждающимся в особых условиях на фоне быстро стареющего японского общества, на которое часто обрушиваются стихийные бедствия.

Создание экотаунов сыграло большую роль в отходе от тупиковой политики управления отходами, основанной на их сжигании и захоронении, и особенно в развитии рециклирования ресурсов. Оно способствовало и рождению в стране инновационной концепции общества с устойчивым материальным циклом и продвижению экологического бизнеса, и прежде всего связанного с «3R». Наблюдающуюся трансформацию наглядно иллюстрирует город Китакою. Один из главных центров тяжёлой промышленности, первый в проекте «Экотаун», изначально нацеленный на утилизацию отходов и

рециклирование ресурсов, теперь являет пример создания интеллектуальной электрической сети. Это региональная система управления получаемой за счёт возобновляемых источников энергией с использованием цифровых технологий, датчиков и программного обеспечения для более точного соответствия спроса и предложения электроэнергии в режиме реального времени при минимизации затрат и поддержании стабильности и надёжности сети. Китакою позиционируется как ключевой проект новой стратегии развития города в целом. В рамках проектов такого рода предполагается содействовать низкоуглеродному развитию всего региона за счёт более широкого применения солнечных батарей и морской ветроэнергетики. И Экотаун Китакою призван внести дальнейший вклад в создание низкоуглеродного, устойчивого города как способа поддержки перспективных производств.

Японские экологические инициативы находят признание и применение и за рубежом, и Япония вносит свой вклад в улучшение экологической среды в мире путём демонстрации экогородов как модели устойчивого потребления и производства. Создание экотаунов по всему миру позволило улучшить состояние окружающей среды на местном и глобальном уровнях посредством совершенствования управления отходами, решения проблем утилизации мусора в целом и опасных отходов в частности, а также сокращения выбросов углекислого газа. Как было показано, во многих городах Японии реализуются различные программы по созданию городов, гармоничных с окружающей средой, отвечающих целям устойчивого развития. Экотауны позволяют городам, в которых они размещены, быстрее улавливать необходимые преобразования и легче реализовывать свой потенциал в продвижении к низкоуглеродному обществу. Кроме того, они обеспечивают улучшение имиджа городов, что особенно важно в условиях происходящей в Японии депопуляции.

Список литературы

1. Мазаев Г. В. Компактные города в истории градостроительства // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2023. — № 1. — С. 9–15.
2. Тихоцкая И. С. От экотаунов к супергородам: низкоуглеродные города в Японии // Азия и Африка сегодня. — 2024. — № 2. — С. 32–40.
3. Тихоцкая И. С. Политика в отношении «старееющего общества» // Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. — М., 1998. — С. 215–243.
4. Тихоцкая И. С. Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов и создание общества с устойчивым материальным циклом // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2010. — № 4. — С. 61–66.
5. CAT net zero target evaluations [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://climateactiontracker.org/global/cat-net-zero-target-evaluations/#:~:text=As%20of%20November%202023%2C%20around,of%20global%20greenhouse%20gas%20emissions> (дата обращения 15.08.2024).
6. Guangfu L., Jingmei R. Research on the Eco-towns in Japan based on recycling

- perspective and the apocalypse to China // Proceedings of 2013 IEEE International Conference on Service Operations and Logistics, and Informatics, Dongguan, China. — 2013. — P. 205–210.
7. 2050 Zero Carbon Cities in Japan [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://www.env.go.jp/en/earth/cc/2050_zero_carbon_cities_in_japan.html#:~:text=1078%20local%20governments%20including%20Tokyo,zero%20carbon%20emissions%20by%202050 (дата обращения 15.02.2024).
 8. Population structure and ageing — Statistics Explained [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing#:~:text=Highlights&text=On%201%20January%202023%2C%20the,aged%2065%20years%20and%20over.&text=On%201%20January%202023%2C%20the%20median%20age%20of,EU's%20population%20reached%2044.5%20years (дата обращения 15.06.2024).
 9. The countries with the largest percentage of total population over 65 years in 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/264729/countries-with-the-largest-percentage-of-total-population-over-65-years/> (дата обращения 15.06.2024).
 10. City of Kitakyushu. Promoting a Circular Economy, 20.11.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2020-11/UNCRD_10th%203R%20Forum%202020_Webinar%20I-Presentation%203-%20Yuichi%20Arita_0.pdf (дата обращения 15.06.2024).
 11. Гуро-бару но-то — кокусай токэй • кунибэцу токэй сэммон сайто [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.globalnote.jp/post-3770.html> (на японском языке) (дата обращения 15.08.2024).
 12. Зэро кабонсити итиран-дзу (хёмэй тодофукэн тидзу, хёмэй дзититай-су хока) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.env.go.jp/content/000216995.pdf> (на японском языке) (дата обращения 15.06.2024).
 13. «Канкё мирай тоси» косо. <https://future-city.go.jp/kankyo/> (на японском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: (дата обращения 15.06.2024).
 14. Экотаун-но аюми то хаттэн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.env.go.jp/content/900533362.pdf> (на японском языке) (дата обращения 15.06.2024).
 15. Экотаун сэйсаку. 20 нэнкан-но фукаэри [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.env.go.jp/content/900510988.pdf> (на японском языке) (дата обращения 15.06.2024).

Особенности развития технологии искусственного интеллекта в странах мира

Achkasova T. A.

Features of artificial intelligence technology development in the countries of the world

Аннотация

Автором предпринята проверка гипотезы, что пространственные модели инновационного процесса со временем изменяются. Исследование проведено на примере переживающей активное развитие технологии искусственного интеллекта. Удалось выяснить, что для данной технологии характерна особая модель распространения среди потребителей. После распространения среди населения стран-генераторов инноваций — США и Китая — основным её пользователем становится население развивающихся стран: Индии, Индонезии, Филиппин.

Ключевые слова: искусственный интеллект, инновационный процесс, диффузия инноваций, США, Китай

Abstract

The author has attempted to test the hypothesis that spatial models of the innovation process change over time. The study was conducted on the example of an actively developing artificial intelligence technology. It was found out that this technology is characterized by a special distribution model. After spreading within countries that generate innovation — the United States and China — the population of developing countries (India, Indonesia, the Philippines) becomes its main user.

Key words: artificial intelligence, innovation process, diffusion of innovation, USA, China

Введение

Новые технологии и пространственные аспекты стадий их развития уже изучаются в социально-экономической географии. Так, отечественные экономико-географы проводили исследования, посвящённые процессу распространения сотовой связи [3], Интернета и других отраслей ИКТ [4], высоких технологий в промышленности [1, 2].

На протяжении последних пяти лет взрывной рост переживает технология искусственного интеллекта (ИИ). Она проникает во все сферы жизни общества и отрасли хозяйства. Во многом от развития ИИ зависит конкурентоспособность экономики стран.

В исследовательском сообществе идёт активный поиск показателей и методик оценки ИИ. Стэнфордский университет уже несколько лет публикует аналитический отчёт «Индекс ИИ» (AI Index Report), постоянно

совершенствуя подходы к анализу распространения этого явления в мире [7]. Оксфордский университет рассчитывает индекс готовности правительств к внедрению ИИ (Government AI Readiness Index) [8]. Существуют и другие подобные работы.

На настоящем этапе, когда имеется уже достаточно большой объём данных и определенные методические наработки, нам представляется важным рассмотреть пространственные аспекты стадий развития технологии ИИ. Сами по себе и, особенно, при сравнении с выводами предыдущих работ, которые упоминались выше, эти результаты позволят выявить специфику современной географии инновационного процесса на уровне стран мира. Понимая всю сложность и амбициозность поставленной задачи, в данной статье мы ограничимся анализом развития технологии ИИ в странах мира на протяжении последнего, наиболее динамичного этапа её роста (примерно с 2010 г.).

Уже очевидно, что ИИ находится в большой зависимости от геополитического фактора. Во многих аналитических статьях отмечается, что данное технологическое направление становится ареной жёсткой конкурентной борьбы между США и Китаем [6]. Имея это в виду, особое внимание в нашем анализе уделено именно этим двум странам.

Методы

Целью нашего исследования является проверка гипотезы, что пространственные модели инновационного процесса со временем изменяются. Раньше при распространении сотовой связи и Интернета новые технологии передавались от центра к периферии в соответствии с моделью диффузии инноваций [3, 4]. Есть основания предполагать, что технология ИИ будет охватывать пространство по несколько иному сценарию.

Хронологическая схема инновационного процесса, ранее использовавшаяся для географизации стадий, включала в себя четыре стадии: информация — знание — инновации — потребление [1, 2]. Однако нам представляется целесообразным рассматривать первые три стадии вместе как «производство инноваций», отдельно от стадии «потребление инноваций». Общее потребление технологии складывается, таким образом, из двух частей — потребление производством и населением.

В нашей работе анализируется потребление технологии ИИ населением, так как в этом случае возможно сравнение с распространением других технологий (например, Интернета, сотовой связи и прочих, по которым информация об использовании в производстве отсутствует).

История развития технологии искусственного интеллекта

Прежде, чем давать характеристику современного этапа развития ИИ, приведём краткое описание истории его развития, обратив при этом особое внимание на пространственные аспекты.

Идеи о создании электронного мозга, способного принимать решения, активно начинают продвигаться в 1940-е гг. Предпосылками этого стали

развитие во время и после второй мировой войны теории информации, кибернетики, цифровых вычислений, а также все возрастающие возможности компьютерной техники. В основе лежала нейронная модель мозга, созданная ещё в начале XX в.

Одним из первых к теме ИИ обратился англичанин Алан Тьюринг в своей работе «Вычислительные машины и разум» в 1950 г. Моментом же рождения данного научного направления считается 1956 г., когда в Дартмутском колледже (г. ГанOVER, шт. Нью-Гэмпшир, США) состоялся первый, посвящённый этим вопросам семинар. Участниками семинара были такие известные американские учёные, как Норберт Винер, Клод Шеннон, Натаниэль Рочестер, Марвин Мински, Джон Маккарти (именно он предложил термин «искусственный интеллект»). На первых этапах учёные были очень оптимистичны, ожидалось, что за достаточно короткий срок удастся создать полноценный ИИ. Правительство США активно финансировало эти программы. Однако, несмотря на множество публикаций, на появление ряда важных теоретических и прикладных разработок (программа для обработки естественного языка ELIZA, ориентирующийся в пространстве робот и других), до решения основной задачи было далеко. Учёные оказались в тупике. Основными ограничениями стали неэффективность применявшихся пошаговых алгоритмов (комбинаторный взрыв) и недостаточные мощности вычислительной техники.

Следствием стало разочарование инвесторов в новой технологии. Финансирование практически прекратилось, исследования были заморожены. Период с 1974 по 1980 гг. поэтому принято называть «первой зимой ИИ».

В 1981 г. интерес к ИИ возрождается. Исследования в данной области начинает активно финансировать правительство Японии. В этой стране идёт создание компьютеров пятого поколения, которые были нацелены на ИИ. Предполагалось, что такие компьютеры смогут общаться между собой, переводить тексты на разные языки, распознавать картинки. В университете Васэда был разработан робот Wabot-2, который обладал подобными функциями. Успех японцев заставил правительства других стран и частный бизнес снова обратить свой взгляд в сторону ИИ. В США помимо других важных разработок появились имевшие коммерческий успех «экспертные системы» (экспертная система XCON в Университете Карнеги — Меллона/CMU), в которые были заложены знания экспертов в различных областях знания.

В конце 1980-х гг. успешный рост отрасли ИИ остановила «компьютерная революция». Настольные компьютеры, выпускаемые IBM и Apple, оказались дешевле и мощнее, чем машины на базе ИИ. Стало сложно развивать и экспертные системы. Они часто ошибались и не могли обучаться сами, их требовалось все время доучивать. Программы финансирования ИИ как в США, так и в Японии были свёрнуты. Таким образом, после периода «первой волны коммерческого использования ИИ» в 1981–1987 гг. наступила «вторая зима ИИ», которая закончилась в 1993 г.

Однако и в последующем учёные избегали напрямую использовать термин «искусственный интеллект», хотя соответствующая технология

развивалась в рамках других систем: интеллектуального анализа данных; промышленной робототехники; логистики; распознавания речи; поисковой системы Google. Были достигнуты успехи в ранее поставленных задачах: шахматный суперкомпьютер Deep Blue в 1997 г. обыграл действующего чемпиона мира Гарри Каспарова; разработана система навигации в сложных условиях, которая заняла первое место в ралли DARPA Urban Challenge. В этот период происходит рост мощности компьютеров и внедрение других инженерных усовершенствований, идёт формирование баз данных Big Data, появляется концепция «интеллектуальный агент», внедряются новые математические инструменты. Эти и другие предпосылки стали основой все беспрецедентного развития ИИ после 2011 г.

Машинное обучение, а затем так называемое «глубокое обучение» стали теми технологиями, которые способствовали все большему совершенствованию и распространению ИИ. Активным разработчиком ИИ становится Китай, превратившийся в основного технологического конкурента США.

В начале второго десятилетия XXI в. пропульсивным направлением становится развитие генеративного ИИ, способного генерировать текст, изображения и другие медиаданные в ответ на подсказки. Большое внимание общества привлёк чат-бот с генеративным ИИ ChatGPT, представленный в ноябре 2022 г. американской компанией OpenAI. Он стал катализатором взрывного роста технологии и активной её коммерциализации.

Несмотря на впечатляющую динамику, аналитики задаются вопросом, не произошла ли оценка ожиданий, и не наступит ли через какое-то время новая «зима ИИ». Убедительно выглядит предположение эксперта Forbes, что это уже не произойдёт: «со времени последней “зимы ИИ” произошли фундаментальные изменения: технология стала неотъемлемой частью нашей жизни и не уйдёт из неё в ближайшее время. Это глобальное потепление. ... Даже если “сильный” ИИ из научной фантастики останется недостижим, ИИ будет развиваться и менять нашу жизнь, пусть и не столь революционно» [5].

Производство инноваций

Одним из первых шагов по созданию инноваций является подготовка *публикаций*, в которых закрепляются результаты научных исследований. За период с 2010 по 2022 г. количество англоязычных публикаций, посвящённых ИИ, увеличилось почти в три раза: с 88 тыс. до 242 тыс. Наиболее активный рост публикационной активности наблюдался начиная с 2017 г. Самый высокий прирост был зафиксирован в 2019 г., он составил 23 %. Прирост в 2022 г. был равен всего 1,1 %. Является ли это краткосрочным явлением или началом нового периода развития ИИ, покажет время.

Почти треть публикаций (72 тыс.) относится к такой области ИИ, как машинное обучение. Именно в рамках этой тематики количество публикаций в течение последних 10 лет возросло самыми высокими темпами, свидетельствуя о большой востребованности данной технологии. С 2015 г. оно увеличилось почти в семь раз.

Подавляющая часть публикаций по ИИ в мире создаётся представителями образовательной сферы (81 % в 2022 г.), на промышленность и государственные исследовательские учреждения приходится, соответственно, около 8 и 7 %. При сохранении общего соотношения, в США несколько выше доля промышленности (14 %), а в Китае — государственного сектора (10 %) [7].

Патенты. В 2022 г. в мире было выдано 62 тыс. патентов, связанных с ИИ. По сравнению с публикациями, количество зарегистрированных патентов за рассматриваемый период увеличилось ещё значительно — более чем в 30 раз (!). Наиболее активный прирост, как и в случае с публикациями, начался с 2017 г. Максимум прироста был достигнут также в 2019 г. и составил почти 94 %. В последующие два года высокий прирост — более 60 % сохранился.

В 2022 г. 61,1 % выданных в мире патентов в сфере ИИ (38 тыс.) приходилось на Китай, на США — в три раза меньше — 20,9 % (13 тыс.). Доля Европейского союза вместе с Великобританией составляла 2 %, Индии — 0,2 %. Эти показатели иллюстрируют неоспоримое лидерство Китая и США. Причём, что касается патентов, Китай на данный момент заметно опережает конкурента.

Ещё в 2010 г. доля Китая в количестве выданных в мире патентов составляла всего около 17 %, а США — 54 % (картина практически зеркальная нынешней). К 2013 г. доля Китая увеличилась до 39 %, и он смог выйти по этому показателю на первое место. Далее разрыв между США и Китаем практически всё время возрастал. Исключения составляют 2016 г. и пандемийный 2020 г., когда доля Китая заметно сокращалась (примерно на 5 п. п.). Однако за спадами в обоих случаях следовал активный рост, наиболее сильный после 2016 г., что отразилось и в большом приросте общего количества патентов и публикаций в 2017 г.

В настоящее время в целом по миру утверждается лишь треть поданных патентных заявок, относящихся к сфере ИИ. Ещё в 2016 г. соотношение между утверждёнными и неутверждёнными заявками составляло 1:1. Затем разрыв между ними начинает увеличиваться. Любопытно, что в Китае и Европейском союзе (вместе с Великобританией) доля утверждённых патентов в общем количестве патентных заявок примерно такая же, как и в среднем по миру (30 %), а в США она гораздо выше (44 %). То есть результативность патентных заявок США более высокая.

Если соотносить количество зарегистрированных патентов в сфере ИИ и численность населения стран, то мировыми лидерами здесь станут Республика Корея (10,3 зарегистрированных патентов на 100 тыс. жителей), Люксембург (8,7), США (4,2). Китай находится на пятом месте (2,51), незначительно уступая Японии (2,53). В первой десятке также находятся представляющие разные континенты Сингапур, Австралия, Канада, Германия. За десять лет с 2012 по 2022 г. наибольший прирост этого показателя был зафиксирован в Сингапуре (5,4 %), Южной Корее (3,8 %) и Китае (3,6 %) [7].

Как можно предположить, с 2016 г. года начался новый этап в исследе-

дованиях ИИ. Он характеризуется активным ростом числа публикаций и патентной активности. При этом разрыв между числом отклонённых и одобренных патентных заявок всё время увеличивался.

Драйверами развития ИИ-технологий выступают *крупные ИТ-компании* (таблица 1). Они могут иметь различную специализацию (поиск в Интернете, электронная торговля и проч.). Но общее между компаниями то, что все они являются мощными облачными провайдерами. ИИ требует огромных объёмов хранилищ данных и вычислительных мощностей. Облачные лидеры предлагают клиентам все более широкий ассортимент решений для ИИ, что даёт им огромное конкурентное преимущество в борьбе за долю на рынке. Также эти компании имеют солидные доходы, что является ключом к их успеху, поскольку разработка ИИ обходится исключительно дорого.

Таблица 1 — Компании лидеры в области ИИ в 2024 г. (гиганты)

Название компании	Штаб-квартира	Фокус в области ИИ
Microsoft	Редмонд, Вашингтон, США	Облачные вычисления, платформа ИИ Microsoft Azure, интеллектуальный помощник Cortana
Amazon	Сиэтл, Вашингтон, США	Сервисы для облачных вычислений и ИИ Amazon Web Services (AWS), интеллект. помощник Alexa, беспилотные магазины Amazon Go Store
Google (Alphabet)	Маунтин-Вью, Калифорния, США	Поиск в Интернете, нейросеть Gemini, чат-бот с ИИ Google Assistant
IBM	Армонк, Нью-Йорк, США	Корпоративный разговорный ИИ, внедрение ИИ на предприятиях, платформа ИИ Watson
Nvidia	Санта-Клара, Калифорния, США	Производство графических процессоров
Meta ⁵³	Менло-Парк, Калифорния, США	Социальные сети, генеративн. ИИ, языковая модель Llama 3, интеллект. помощник Meta AI
Baidu	Пекин, КНР	Поиск в Интернете, квантовые вычисления, платформа ИИ Baidu Brain, чат-бота с ИИ Ernie Bot
Oracle	Остин, Техас, США	Облачная платформа, внедрение ИИ на предприятиях
Alibaba	Ханчжоу, Чжэцзян, КНР	Электронная торговля, облачные вычисления, разработка чат-бота с ИИ

Источник: составлено автором по [10]

Большинство компаний из списка — американские. Конкуренцию им составляют ИТ-лидеры Китая: Baidu (поиск в Интернете) и Alibaba (электронная торговля) [6].

Очень важную роль в генерировании новых идей, инноваций играют *стартапы*. С 2013 г. частные инвестиции в ИИ-стартапы в целом по миру постоянно возрастали, достигнув максимума 132 млрд долл. США, в 2021 г. В 2022 и 2023 гг. зафиксировано сокращение инвестиций, соответственно, на 22 и 7 %. Вызвано это временными колебаниями или является свидетельством наметившейся новой тенденции, покажет время.

Однако при общем снижении частных инвестиций в стартапы

⁵³ Признана экстремистской организацией в России.

инвестиции в новые компании, разрабатывающие генеративный ИИ, в 2023 г. продемонстрировали колоссальный рост (почти в девять раз). Они составили 25 млрд долл., т. е. почти четверть всех частных инвестиций в ИИ-стартапы. Данные цифры иллюстрируют резко возросший интерес к данной технологии.

На США в 2023 г. приходилось 70 % мировых частных инвестиций в ИИ-стартапы (67,2 млрд долл.), на Китай — 8% (7,8 млрд долл.). Однако здесь надо иметь в виду, что в Китае данная отрасль в большой степени финансируется из государственных средств. Показатели следующих по рейтингу стран ещё меньше: Великобритания (3,8 млрд долл.; 4 %), Германия (1,9; 2 %), Швеция (1,9; 2 %). Примерно такое же соотношение между странами по объёму накопленных с 2013 по 2023 гг. частных инвестиций.

По количеству ежегодно возникающих ИИ-стартапов США также в разы опережает все остальные страны. В 2023 г. здесь появилось 897 таких компаний, за 2013–2023 гг. — 5 509. Отрыв США особенно велик в 2023 г.: разница в семь раз со следующим за ними Китаем. Вероятно, это явилось отражением начавшегося бума в развитии генеративного ИИ [7].

Потребление инноваций

Потребление инноваций в сфере ИИ рассмотрим на примере активности пользователей в разных странах. Конечно, ИИ играет огромную роль и в производственных процессах, но её оценить сложнее. И самое главное, для того чтобы сравнить модель распространения ИИ с другими технологиями (сотовой связью и Интернетом), нам нужна будет, прежде всего, информация о потребителях.

Как уже было сказано выше, интерес к ИИ резко возрос в 2022 г., когда компания OpenAI выпустила программу ChatGPT. С этого момента в поисковых системах в сети Интернет резко увеличилось количество запросов, связанных с ИИ. Наибольшую заинтересованность проявили жители Филиппин (5 288 запросов на 100 тыс. чел.), Сингапура (3036) и Канады (2313). Статья о самой программе ChatGPT стала самой просматриваемой в англоязычной Википедии в 2023 г., набрав 49,5 млн просмотров.

Статистика, собранная по 50 самым популярным инструментам генеративного ИИ за август 2022 — сентябрь 2023 г., позволяет оценить интерес к нему населения разных стран (рисунок 1). Из 24 млрд посещений 5,5 млрд приходилось на жителей США. Далее шли такие страны, как Индия, Индонезия, Бразилия, Филиппины, Великобритания.

Среди программ лидером по посещаемости, закономерно, был ChatGPT — 14,6 млрд посещений (более половины). Другими популярными программами были чат-бот character.ai (3,8 млрд), текстовый генератор Quill-Bot (1,1 млрд), генератор изображений Midjourney (0,5 млрд) [9].

Программа ChatGPT стала самым быстрорастущим потребительским приложением в истории. За первые пять дней работы собрала миллион пользователей, а к январю пользовательская база выросла до 100 миллионов. К июлю 2024 г. распределение пользователей по странам выглядит

следующим образом: США — 12,7 %; Индия — 10,8 %; Индонезия — 9,0 %; Бразилия — 8,5 %; Япония — 4,3 %; Колумбия — 3,1 %; Великобритания — 3,0 %.

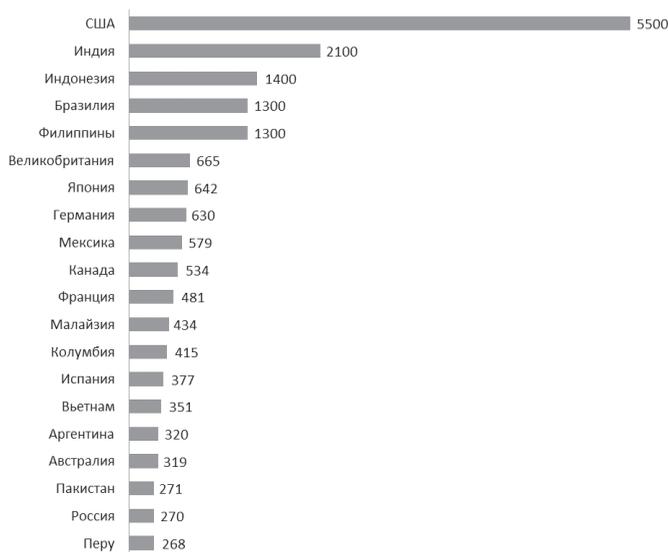

Рисунок 1 — Страны с наибольшим количеством пользователей ИИ, млн посещений (сентябрь 2022 — август 2023 гг.). Источник: [9]

Согласно отчёту «Global Public Opinion on Artificial Intelligence» (GPO-AI), в котором содержатся результаты опросов, проведённых в октябре и ноябре 2023 г. в 21 стране мира, 63 % респондентов знают о ChatGPT, а 17 % пользуются им ежедневно. Любопытны результаты по отдельным странам. К странам, население которых наиболее осведомлено о существовании ChatGPT и ежедневно активно им пользуется, относятся Индия (соответственно, 82 % и 36 %), Кения (81 % и 27 %) и Пакистан (76 % и 28 %). Осведомлённость в Китае составляет 60 %, а в США — всего 55 %. Ежедневно чат-ботом пользуются 24 % респондентов из Китая и 18 % — из США. Из стран, в которых проводилось исследование, самая низкая осведомлённость в Польше (43 %), а доля ежедневных пользователей — в Японии (6 %) [7]. Для объяснения столь неожиданных результатов ещё требуются дополнительные исследования. Одним из таких объяснений может быть то, что в упомянутых странах по схеме аутсорсинга производится работа с данными, которые лежат в основе функционирования ИИ. Так журналом «Time» (США) было проведено расследование, посвящённое условиям работы кенийских фрилансеров. С помощью компании-посредника Sama работников нанимали для OpenAI, и они отмечали и отфильтровывали контент с описаниями насилия, пыток, убийств и самоубийств из набора обучающих данных ChatGPT.

Выяснилось, что маркировкой данных для других крупных высокотехнологичных компаний (например, Google, Meta, Microsoft), занимались также наёмные работники в Индии и Уганде, труд которых оплачивался очень низко.

Выводы

Проведённый анализ подтвердил, что модель распространения технологии ИИ отличается от пространственных моделей распространения других технологий (например, Интернета, сотовой связи).

На этапе производства инноваций отличия не столь велики. Лидерами в соответствующих научных исследованиях и создании новых коммерческих продуктов также остаются развитые страны во главе с США. Одним из основных разработчиков ИИ и полноценным конкурентом США становится Китай, который ранее не участвовал в технологической гонке.

Потребление технологии ИИ населением меняется более кардинально. Во-первых, значительно ускоряется скорость вовлечения людей в пользование технологией. Во-вторых, после населения стран-центров инноваций — США и Китая — основным её потребителем становится население развивающихся стран (Индия, Индонезия, Филиппины), а не развитых, как это было раньше.

Можно предположить, что основными причинами этого является развитие сферы ИТ в этих странах (в т.ч. ИТ-аутсорсинг), отсутствие или малое число законодательно закреплённых ограничений, высокая доля молодого населения, низкий уровень образования, который компенсируется с помощью ИИ. Важным фактором является также то, что для индивидуального пользования этой технологией не нужна специальная техника, что очень ускоряет и упрощает её распространение.

При попытке провести анализ пространственных аспектов развития технологии ИИ возникает определенное ограничение, связанное с тем, что готовой базы статистических показателей не существует. Причиной этого является не только новизна явления, но и разобщённость ИИ-отраслей США и Китая. Отчёты, которые составляют американские (и другие западные) организации, заточены на то, чтобы наиболее ярко продемонстрировать их успехи. Например, в них анализируются только публикации на английском языке, делается акцент на частном инвестировании и количестве стартапов (которые в китайской модели развития ИИ менее значимы), как правило, отсутствуют показатели развития компаний из Китая. То же можно сказать и про китайские отчёты. Для того чтобы анализ давал как можно более объективные результаты, необходимо брать данные из разных источников и относиться к ним критически.

Список литературы

1. Ачкасова Т. А. Географизация стадий инновационного процесса (на примере обрабатывающей промышленности мира) // Региональные исследования. — 2010. — Т. 28, № 2. — С. 23–31.

2. Ачкасова Т. А. Географизация стадий инновационного процесса (на примере современной обрабатывающей промышленности): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2012. — 23 с.
3. Кашутин П. С. Глобализация сотовой связи и особенности её развития в макрорегионах мира: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2006. — 23 с.
4. Нагирная А. В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий (XX — начало XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2012. — 26 с.
5. Стельмах И. Зима искусственного интеллекта: стоит ли ждать падения инвестиций в AI. Forbes. 16.06.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/513484-zima-iskusstvennogo-intellekta-stoit-li-zdat-padenia-investicij-v-ai> (дата обращения 15.08.2024).
6. Струкова П. Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2020. — Т. 12, № 4. — С. 588–606.
7. Artificial Intelligence Index Report 2024. Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения 15.08.2024).
8. Government AI Readiness Index 2023. Oxford Insights [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/ai-readiness-index/> (дата обращения 15.08.2024).
9. Sarkar S. AI Industry Analysis: 50 Most Visited AI Tools and Their 24B + Traffic Behavior. Writerbuddy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://writerbuddy.ai/blog/ai-industry-analysis> (дата обращения 15.08.2024).
10. Shelby H. 150 Top AI Companies of 2024: Visionaries Driving the AI Revolution. eWeek [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eweek.com/artificial-intelligence/ai-companies/> (дата обращения 15.08.2024).

Пространственные и внепространственные факторы взаимодействия фирм (на примере индустрии видеоигр стран мира)

Korolev M. A., Zamyatina N. Yu.

Spatial and non-spatial factors of firms' interaction (using the example of the world's video game industry)

Аннотация

На основе методики Р. Бошмы исследуется влияние различных форм близости на вероятность взаимодействия фирм на примере индустрии видеоигр в разных странах мира. Охватывается весь период существования индустрии видеоигр с момента возникновения по настоящее время на базе данных сайта Mobygames и немецкого банка данных онлайн-видеоигр (OGDB). Для анализа динамики сетей межфирменного сотрудничества используется стохастическая акторно-ориентированная модель (SAOM). Показано, что ключевую роль в формировании межфирменных связей играют пространственная и когнитивная (отраслевая) формы близости. Организационная форма близости играет важную роль на раннем этапе развития отрасли, но после 2008 г. её значение убывает. Пространственная близость сохраняет свою значимость на протяжении всего периода исследования, что объясняется сложностью производства современных видеоигр и необходимостью тесного взаимодействия между компаниями. Таким образом на примере индустрии видеоигр подтверждается важность фактора расстояния в развитии отраслей экономики, связанных с инновационным знанием: не смотря на современные формы коммуникации обмен знанием между фирмами происходит преимущественно на близком расстоянии.

Ключевые слова: Концепция близости, пространственные факторы инновационной экономики, моделирование, индустрия видеоигр.

Abstract

On the example of the video game industry the study aims to assess the influence of various forms of proximity on the firms' interaction based on R. Boshma's methodology. This paper covers the entire period of the video game industry's existence from its inception to the present. A stochastic actor-oriented model (SAOM) is used to analyze the dynamics of inter-company cooperation networks. It is shown that spatial and cognitive (industry-specific) forms of proximity play a key role in the formation of inter-company relationships. The organizational form of proximity is vital at the early stage of the industry's development, but its significance has been decreasing since 2008. Spatial proximity remains important throughout the entire period of the study, which is explained by the complexity of the production of modern video games and the need for close cooperation between

companies. Thus, the example of the video game industry confirms the importance of the distance factor in the development of industries related to innovative knowledge: despite modern forms of communication, knowledge exchange between firms occurs mainly at a short distance.

Key words: concept of proximity, spatial factors of innovation economy, modeling, video game industry

Введение

В условиях постиндустриального развития пространство претерпевает специфические и разнонаправленные изменения. С одной стороны, ввиду дальнейшего совершенствования развития транспорта, пространство «сжимается», становится более проходимым. Развитие электронных коммуникаций делает доступным обмен информацией в режиме реального времени; формируются мощные базы электронных данных. С другой стороны, ключевым фактором экономического развития стал инновационный процесс, позволяющий выводить на рынок все новые товары и технологии. Для инновационного процесса важен не просто обмен знанием, но обмен так называемым неявным (или некодифицируемым) знанием, который происходит при личных коммуникациях. Именно важность интенсивных непосредственных коммуникаций в современную эпоху приводит к парадоксальной картине: хотя технически пронитаемость пространства сегодня высока как никогда, экономическая активность стягивается в ограниченное число ареалов, обладающих условиями для одновременного обмена неявным знанием многих людей (такими условиями, в частности, обладают мировые города). Именно поэтому внимание исследователей обратилось к факторам, влияющим на условия взаимодействия разнесённых в пространстве экономических акторов. По сути, речь идёт о возможностях обеспечения конкурентоспособности городов и регионов, не вошедших в число наиболее привилегированных ареалов экономического развития — «вершин» «шипастого мира» в известной метафоре размещения экономической деятельности, предложенной Р. Флоридой и получившей широкое распространение.

С учётом этих дополнительных факторов в пространственных исследованиях происходит переход от учёта собственно расстояния к многомерным анаморфированным моделям, где потенциал связности между двумя точками определяется уже не только и не столько физическим расстоянием, но его производной с учётом дополнительных переменных. Самое известное из таких анаморфированных пространств — экономическое пространство, в котором расстояние учитывается не физически, но с учётом транспортных издержек. Экономическое расстояние обычно способствует повышению результирующей удалённости периферии от центра — удалённости с учётом реальных возможностей преодоления физического расстояния с учётом наличных транспортных технологий и их доступности с учётом местной покупательной способности. Силы, напротив, способствующие преодолению расстояний — это, например, социальные сети. Их роль в географии инноваций широко изучается

как роль «проводника», или «канала», облегчающего перетоки знаний и инноваций на значительные расстояния посредством их передачи через социальные сети внутри диаспор. Данный феномен широко описан в работах А. Саксениан, показавшей большую роль перетоков знания внутри диаспор при формировании инновационных центров в Индии (Бангалор), Китае и др. В мировом масштабе введён специальный термин «глобальные каналы перетоков знаний», подразумевающий именно социальные сети. В европейской региональной науке наряду с фактором социальных сетей сложилась традиция исследования целого ряда других факторов (институциональных, организационных и др.), потенциально облегчающих обмен знаниями и идеями, способствующих инновациями. На базе систематизации этих факторов сложилась концепция близости (*proximity*), позволяющая оценить (в том числе количественно) роль разных факторов, облегчающих обмен инновационными знаниями и идеями на расстоянии. Данная работа представляет собой частный случай такого сравнительного количественного анализа разных факторов, способствующих взаимодействию фирм, на примере индустрии видеоигр.

Теория

Концепция близости (*proximity*) в целом рассматривает потенциал взаимодействия экономических акторов, формируемый двумя основными группами факторов — физического расстояния и общности по различным свойствам, не связанным с совместным размещением (А. Торре предложил для данных двух групп наименование, соответственно, географической и организованной, или «рукотворной») (*organized*) близости [13] (во избежание путаницы будем далее говорить, соответственно, о пространственном (физическое расстояние) и внепространственных (все остальные) факторах, облегчающих взаимодействие экономических акторов — и соответственно, о пространственной и внепространственных формах близости. Другой географ, голландец Р. Бошма пошёл дальше и предложил систематизацию разных форм внепространственной близости, а также методику количественного сопоставления их роли в обеспечении взаимодействия избранных акторов.

В общем случае Бошма предложил следующие виды внепространственной близости, потенциально облегчающей взаимодействие между экономическими акторами: социальная близость, когнитивная, институциональная и организационная [3]. Социальная близость обусловлена социальными связями между сотрудниками взаимодействующих фирм, когнитивная — общей сферой деятельности (и соответственно, сходством используемых отраслевых видов знания), институциональная — общностью норм и правил, актуальных для взаимодействующих акторов, организационная — их принадлежностью к общему холдингу или иной объединяющей их организационной структуре. Действенность каждого из названных видов близости, по Бошме, может быть сопоставлено с действенностью пространственной близости (при которой экономические факторы взаимодействуют, будучи расположены близко друг от друга).

В одной из работ Бошма с соавтором [4] предложили вариант сравнительного исследования «веса» разных видов близости в формировании межфирменных связей в индустрии видеоигр. Эта креативная индустрия представляет собой интересный пример для проверки того, влияет ли близость на формирование экономических связей.

В географическом сообществе уже существует опыт исследования отрасли разработки видеоигр в рамках изучения креативной индустрии. Межфирменные связи в контексте концепции близости в значительной степени зависят от взаимодействия множества независимых факторов [5]. В индустрии видеоигр, как и в целом в креативной отрасли, разработка конечного продукта основана на участии различных структур — от дизайнеров, музыкантов и программистов до издателей, маркетологов и других специалистов в данной области [14].

М. Фельдман не раз отмечала, что «идеи лучше пересекают коридоры и улицы, чем материки и океаны» [8]. Важная идея, о которой она говорит, заключается в том, что инновации играют значительную роль в формировании и развитии инновационной активности. Формируются кластеры, в которых происходит взаимодействие между организациями и специалистами, тем самым формируя новые связи [7].

Индустрия видеоигр особенно интересна, поскольку это креативная сфера, где создание каждой видеоигры можно рассматривать как временный проект. В рамках каждого проекта функциональные виды деятельности распределяются между участвующими фирмами [4]. Каждая видеоигра уникальна, потому что она вводит новый игровой процесс, новые перспективы, новые жанровые сочетания, новых персонажей, визуальную составляющую.

Производство видеоигр осуществляется как проект с участием компании-разработчика и издателя, хотя некоторые разработчики публикуют свои игры самостоятельно (инди-разработчики), а некоторые издатели создают собственные игровые студии [6].

Для исследования Бошма выбрал набор данных о видеоиграх (1972–2007 гг.), разработанных совместно несколькими фирмами. Тем самым, по умолчанию разработка таких игр включала межфирменные взаимодействия. Далее рассматривались следующие параметры, которые потенциально могли повлиять на возникновение межфирменных взаимодействий: взаимное расположение фирм, участвовавших в разработке совместных игр (расстояние между их штаб-квартирами — пространственная близость), принадлежность к одной стране (институциональная близость), когнитивная близость (деятельность в одной отрасли), принадлежность к одному холдингу (организационная близость). В качестве параметра социальной близости Бошма выбрал факт более ранней совместной разработки игр изучаемыми фирмами. На этом основании была построена модель, показавшая сравнительный вес разных видов близости в формировании межфирменного взаимодействия. По итогам исследования Бошмы оказалось, что взаимодействие «все в большей степени зависело от географической, когнитивной близости и опыта, но в меньшей степени —

от организационной, социальной и институциональной близости» [4, p. 19].

Настоящая статья представляет собой попытку провести исследование по предложенной Бошмой методике на гораздо большем объёме данных с учётом появления видеоигр новых поколений.

Методика

Исследование сетевой динамики связаны со сложными структурами, которые требуют специальных статистических моделей [12]. Для моделирования была использована стохастическая акторно-ориентированная модель (SAOM), которая позволяет сделать выводы о динамике сетей. Данную модель реализовали на языке R с помощью пакета SIENA. SAOM являются динамическими моделями, которые дают возможность включить различные эффекты, относящиеся к неоднородности факторов или их близости. Они применяются для анализа динамики глобальных и региональных сетей [4]. SAOM основаны на трех принципах, которые могут выглядеть более или менее реалистично в зависимости от природы анализируемой сети. Во-первых, эволюция сетевых структур моделируется как непрерывная временная цепь Маркова, то есть динамический процесс, в котором сеть в $t + 1$ генерируется стохастически из её конфигурации в t . Поскольку вероятность изменений зависит от текущего состояния сети, а не от её прошлых конфигураций, соответствующая информация о совместной истории или интенсивности сотрудничества может быть включена в качестве экзогенной переменной, чтобы сделать это предположение более реалистичным [12]. Во-вторых, время между наблюдениями течёт непрерывно, а значит, предполагается, что наблюдаемые изменения являются результатом ненаблюдаемой последовательности микрошагов. На каждом шаге акторы могут одновременно изменять только одну переменную связи, что приводит к тому, что группа акторов не может одновременно создать связи. В-третьих, что более важно, предполагается, что динамика сети является результатом выбора акторов, основанного на их предпочтениях и ограничениях, то есть модель «акторно-ориентированная». Сетевые структуры меняются, так как акторы создают новые связи с другими людьми, основываясь на своей осведомлённости о конфигурации сети. Это предположение правдоподобно в контексте индустрии видеоигр, в которой фирмы должны стратегически подходить к выбору партнёров, а информация о сотрудничестве других фирм доступна для целей защиты прав интеллектуальной собственности.

В SAOM акторы управляют динамикой сетей, поскольку в стохастически определенные моменты они могут менять свои отношения с другими акторами, принимая решение о создании, поддержании или разрыве связей. Более формально, эти возможности определяются функцией скорости, в которой возможности сотрудничества возникают в соответствии с пуассоновским процессом со скоростью λ_i для каждого актора i . Учитывая, что у актора i есть возможность изменить отношения, его выбор заключается в изменении одной из переменных связей x_{ij} , что приведёт к новому состоянию $x, x \in C(x^0)$. На этом этапе используется традиционная логистическая регрессия

для моделирования вероятности выбора (формула 1) [12].

$$P = p_i(x^0, x, v, w) = \frac{\exp(f_i(x^0, x, v, w))}{\sum_{x \in C(x^0)} \exp(f_i(x^0, x', v, w))}, \quad (1)$$

где x — новое состояние, x^0 — текущее состояние, v — атрибутивная переменная, отражающий особенности конкретной фирмы, и w — близость. $P\{X(t)$ меняется на $x \mid i$ может измениться в момент времени $t, X(t) = x^0\}$.

Когда у акторов есть возможность изменить свои отношения, они выбирают партнёров, пытаясь максимизировать свою объективную функцию при случайных возмущениях. Для анализа ненаправленных сетей в SIENA реализованы различные типы моделей. Мы моделируем создание связей с помощью модели односторонней инициативы и взаимного подтверждения, которая является наиболее реалистичной для анализа сетей сотрудничества. На первом этапе актер i может только попытаться максимизировать свою объективную функцию, пытаясь создать видеогру с актором j , но это сотрудничество реализуется только в том случае, если актер j соглашается на основе своей собственной объективной функции. Таким образом, изменения в связи моделируются в соответствии с функцией полезности на уровне узла, который является движущей силой сетевой динамики. Целевая функция описывает предпочтения и ограничения фирм: одним из них может быть желание быть связанным с другими, находящимися географически близко. Более формально, выбор сотрудничества определяется линейной комбинацией эффектов, зависящих от текущего состояния, потенциального нового состояния, индивидуальных характеристик и близости (формула 2).

$$f_i(x^0, x, v, w) = \sum_k \beta_k S_{ki}(x^0, x, v, w), \quad (2)$$

где β — параметр, демонстрирующий статистическую значимость эффекта, S_{ki} — эффект сети.

Таблица 1 — Характеристика переменных

Переменная	Параметры, использованные для расчётов значений соответствующих переменных
Плотность	Степень связанности
Переходность	Переходность связей
Привязанность	Квадратный корень степени связанности
Институциональная близость	Единая государственная принадлежность фирм
Пространственная близость	обратный натуральный логарифм физического расстояния между двумя фирмами
Организационная близость	Принадлежность фирм к одной организационной структуре (концерну и т. п.)
Социальная близость	Кол-во видеогр, разработанных двумя фирмами совместно
Когнитивная близость	Специализация двух фирм на производстве видеогр одного жанра
Сходство профиля	Принадлежность фирм к одной категории: разработчики/издатели
Размер	Количество выпущенных видеогр
Опыт работы	Количество лет в индустрии

Составлено авторами

Оценка различных параметров β_k объективной функции достигается с помощью итерационного алгоритма Марковской цепи Монте-Карло, основанного на методе моментов. Алгоритм стохастической аппроксимации моделирует эволюцию сети и оценивает параметры β_k , которые минимизируют отклонение между наблюдаемой и моделируемой сетями. В ходе итерационной процедуры предварительные параметры вероятностной модели постепенно корректируются таким образом, чтобы имитируемые сети были больше наблюдаемых. Затем параметр удерживается на постоянном значении, чтобы оценить качество модели и ошибки стандартов. Сильной стороной использованной модели является возможность включения большого количества разнообразных переменных для моделирования. Рассматривается три группы факторов, влияющих на формирование сети (таблица 1): структурные эффекты, близость, индивидуальные характеристики.

Структурные эффекты всегда должны включаться в моделирование SAOM для оценки ценности связей и показывать, почему не все узлы могут полностью быть связаны со остальными [12]. Плотность определяется степенью связанности компаний: $D_i = \sum_j x_{ij}$. Переходность показывает связность в замкнутой сети. Её можно измерить несколькими способами, но простой вариант основан на числе переходных тройных связей, количестве раз, когда наш актор i связан с двумя акторами, которые уже являются партнёрами: $T_i = \sum_{j < h} x_{ij} x_{ih} x_{jh}$. Привязанность предполагает, что актёры с большим количеством связей более привлекательны. Поэтому привязанность измеряется количеством связей актёров, с которым связан актор i . Для этого извлекаем квадратный корень степени связанности для уменьшения коллинеарности с другими структурными переменными: $PA_i = \sum_j x_{ij} \sqrt{\sum_h x_{jh}}$. Чтобы контролировать неоднородность фирм в их способности сотрудничать, мы учитываем размер и опыт актёров. Размер основан на натуральном логарифме количества игр, выпущенных фирмой за последние пять лет. Учитываются все выпущенные игры, независимо от количества партнёров. Опыт фирмы измеряется количеством лет, в течение которых она работает в индустрии видеоигр (т. е. возрастом фирмы). Сходство профилей объясняет, какие компании выполняют роль разработчика или издателя. Это получается путём деления каждого актёра i количества видеоигр, в которых i выступает издателем, на число видеоигр, в которых актор i принимал своё участие $PS_{ij} = 1 - \frac{v_i - v_j}{r_v}$.

Как говорилось выше в работе будут проанализированы пять видов близости, предложенных Р. Бошмой. Институциональная показывает, находятся ли две фирмы под влиянием одной и той же институциональной структуры. Совместное использование схожих формальных или неформальных институтов увеличивает вероятность, что актёры будут взаимодействовать. В случае индустрии видеоигр национальный уровень особенно важен, поскольку он связан с общими режимами прав интеллектуальной собственности, языком и жанром видеоигр. Институциональная близость измеряется как бинарная мера, если 1, то две компании принадлежат к одной стране, если 0,

то нет. Пространственная близость измеряется обратным натуральным логарифмом физического расстояния между двумя фирмами в километрах. В результате переменная варьируется от 0 для самых удалённых компаний-разработчиков до 10 для самых близких. Организационная близость определяется принадлежностью к крупной организации. Переменные 1 и 0 означают — если 1, то 2 актора, разрабатывающих видеоигру, находятся под одним юридическим лицом, в противном случае 0. Социальная близость показывает, что отношения между актёрами, которые сформировались в прошлом, дают информацию о потенциальных будущих партнёрах и тем самым повышают вероятность вступления в будущее сотрудничество. Социальная близость может быть измерена количеством предыдущих взаимодействий [1]. Было подсчитано количество видеоигр, над которыми два разработчика работали вместе в течение предыдущих пять лет. Когнитивная близость в данной работе показывает сходство знаний между актёрами. Каждая видеоигра классифицируется разными стилистическим элементом, как, например, жанры. Жанры представляют когнитивную базу фирмы. Чтобы рассчитать когнитивную близость между двумя компаниями, бралось количество жанров, которые разделяют актёр i и актёр j , разделив их на общее количество жанров, охватываемых актёром i и актёром j соответственно.

База данных

Для выбранной методики, использовались статистические данные сайтов: Mobygames и немецкого банка данных онлайн-видеоигр (OGDB). Было составлено два набора данных, используемых в анализе пространственной близости. Первые данные дают информацию о компаниях-разработчиках видеоигр. Из главного — дана информация о названии компании, стране основания компании, городе, где была основана компания, числе разработанных видеоигр и годе основания компании. Также была добавлена информация о числе изданных видеоигр для удаления из пула компаний-издателей, которые не разрабатывают видеоигровой продукт. В итоге было собраны данные на примерно 30 тыс. компаний-разработчиков видеоигр из 103 стран мира (таблица 2) Была проделана работа по исправлтаблицанию даты основания компаний-разработчиков, исходя из даты выпуска первой игры, поскольку в видеоигровой отрасли существуют компании, которые первоначально специализировались в другой сфере. Как, например, японская компания Nintendo, основанная в 1881 г. и первоначально выпускавшая детские игрушки, а первую видеоигру выпустившая только в 1980 г. Для исправления данной проблемы с датами у компаний, сменивших специализацию, но появившихся на рынке видеоигр позднее (1980–2020-х гг.), использовался второй набор данных о выпуске видеоигр. Вторая база данных даёт следующую информацию: название видеоигры; дата релиза продукта на первой игровой платформе (видеоигра могла выйти на консоли, но позже, через несколько лет, перенесена, например, на ПК или другую консоль); число компаний-разработчиков, разрабатывавших данную видеоигру; название компании-разработчика,

которой принадлежит видеоигра, список названий других компаний, участвовавших в разработке; страна, где было разработано ПО.

Таблица 2 — Описательная статистика структуры сети

Год	Количество фирм	Количество связей	Ср	Плотность связей	Количество связей по регионам					
					Северная Америка	Европа	Латинская Америка	Азия	Австралия и Океания	Африка
1987	23	48	2,087	0,091	7	22	0	17	0	0
1988	18	40	2,222	0,123	4	13	0	18	0	0
1989	29	57	1,966	0,068	8	27	0	17	0	0
1990	26	81	3,115	0,120	12	25	0	42	0	0
1991	37	99	2,676	0,072	25	18	0	42	0	0
1992	37	115	3,108	0,084	28	30	0	43	1	1
1993	50	153	3,060	0,061	44	36	0	53	5	0
1994	69	178	2,580	0,037	54	48	0	61	3	0
1995	101	223	2,208	0,022	67	55	0	78	5	0
1996	85	191	2,247	0,026	49	46	0	81	2	0
1997	74	181	2,446	0,033	41	55	0	67	1	0
1998	89	189	2,124	0,024	51	55	1	68	1	0
1999	99	223	2,253	0,023	51	61	0	95	3	0
2000	113	286	2,531	0,022	51	92	0	110	5	0
2001	100	270	2,700	0,027	51	80	1	102	5	0
2002	77	234	3,039	0,039	41	74	0	96	1	0
2003	74	239	3,230	0,044	41	92	0	78	2	0
2004	91	240	2,637	0,029	26	96	0	86	3	0
2005	111	404	3,640	0,033	51	218	0	97	4	0
2006	95	351	3,695	0,039	49	167	0	93	4	0
2007	136	393	2,890	0,021	47	170	3	126	6	0
2008	130	351	2,700	0,021	56	140	2	114	6	0
2009	186	436	2,344	0,013	78	181	3	127	2	1
2010	146	353	2,418	0,017	62	139	3	106	7	0
2011	130	341	2,623	0,020	61	131	0	113	4	0
2012	164	415	2,530	0,015	62	143	1	150	5	1
2013	165	404	2,448	0,015	96	126	3	130	7	1
2014	229	518	2,262	0,010	91	195	5	173	8	1
2015	262	569	2,172	0,008	130	163	6	193	13	0
2016	260	499	1,919	0,007	114	190	4	139	4	2
2017	349	601	1,722	0,005	112	240	12	142	11	5
2018	318	635	1,997	0,006	122	263	18	137	8	1
2019	335	684	2,042	0,006	98	299	7	165	8	2
2020	328	617	1,881	0,006	112	252	10	115	11	0
2021	368	683	1,856	0,005	107	262	12	120	5	0
2022	367	667	1,817	0,005	103	220	8	127	9	1
2023	541	754	1,394	0,003	107	305	13	118	6	2

Составлено авторами по данным [10, 11]

Для последующей работы мы определяем две компании как имеющие связь, если они обе участвовали в разработке видеоигрового продукта. Около

70 % всех видеоигр разрабатывается одной компанией (таблица 3).

Таблица 3 — Модель сотрудничества на протяжении жизненного цикла индустрии видеоигр

Охваченные года	1972–1981	1982–1986	1987–1992	1993–1998	1999–2004	2005–2007	2008–2012	2013–2019	2020–2023
Количество фирм	362	781	1277	2308	2232	1311	2231	5941	3026
Количество видеоигр	164	1531	4039	6866	8389	5886	9892	17419	11778
Видеоигры на одну фирму (ср. значение)	0,45	1,96	3,16	2,97	3,76	4,49	4,43	2,93	3,89
Количество видеоигр с участием:									
Одна фирма	159	508	3494	5047	5879	4079	6683	11842	8117
Две фирмы	5	67	440	1115	1492	1148	1896	3910	2721
Три фирмы	0	9	73	371	491	277	615	975	617
Четыре фирмы	0	1	15	147	212	173	277	308	175
Более четырёх фирм	0	0	17	186	315	209	421	384	148

Составлено авторами по данным [10, 11]

Видеоигры выпускаются для одной или нескольких игровых консолей. Их можно разделить на хронологические поколения, периоды. Игровые консоли одного поколения близки по техническим характеристикам, что нельзя сказать о консолях разных поколений. Каждое поколение игровых консолей демонстрирует технологический скачок и позволяет разработчикам видеоигр выпускать более сложный в техническом плане продукт. Появление нового поколения консолей приводит к техническому скачку в разработке видеоигр [9].

Для анализа определяем начало как появление первого поколения консолей, так и появление видеоигровой отрасли в целом. Началом индустрии можно считать 1972 г., когда видеоигры стали разрабатывать в коммерческих целях. Выделены следующие поколения консолей: первое — 1972–1981 гг.; второе — 1982–1986 гг., третье — 1987–1992 гг., четвертое — 1993–1998 гг., пятое — 1999–2004 гг., шестое — 2005–2007 гг., седьмое — 2008–2012 гг., восьмое — 2013–2019 гг., девятое — 2020–2023 гг. (рисунок 1).

В нашем анализе из эмпирического анализа исключены первые два поколения, поскольку для первого поколения невозможно выявить сформировавшиеся связи, а для второго поколения уровень стабильности связей слишком низкий. Такая нестабильность не даст сходить алгоритму аппроксимации, который используется для моделирования динамики сети. Это может привести к недостоверным результатам. Чтобы повысить стабильность для остальных поколений, исключим компании, разработавшие только одну видеоигру из всей выборки. Кроме того, анализ был ограничен видеоиграми, созданными двумя фирмами. Включение игр, разработанных более чем двумя компаниями-разработчиками, привело бы к нескольким проблемам. Во-первых, невозможно оценить, какие партнёры действительно сотрудничают. Пришлось бы считать, что все партнёры одинаково связаны, а это не всегда так. Во-вторых, может быть так, что при создании игры тесно сотрудничали

все компании. Это может искусственно увеличить уровень связей и исказить нашу оценку. Итоговый набор данных, использованный для эмпирического исследования, включает 13 153 видеоигр с участием 5 812 уникальных компаний за период 1987–2023 гг.

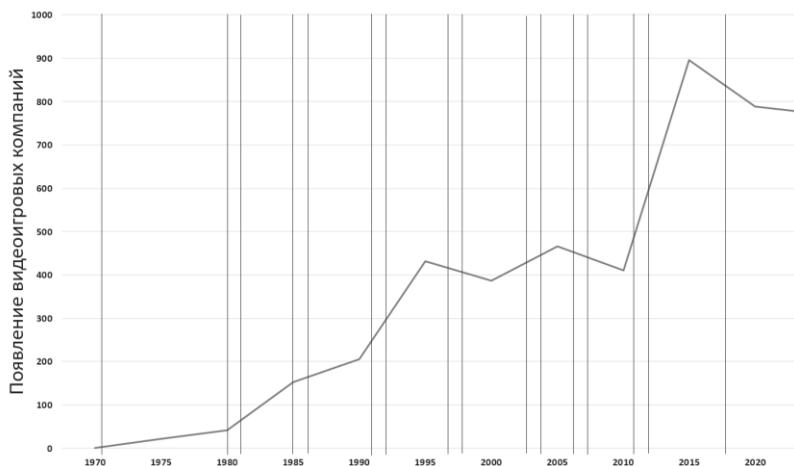

Рисунок 1 — Периоды в индустрии видеоигр
Составлено авторами по данным [10, 11]

Результаты

Результаты оценок параметров можно увидеть в таблице 4. Представлена динамика сетей в индустрии видеоигр 1986–2023 гг. по каждому поколению с третьего по девятое для оценки изменения сети в течение времени. Анализ показывает, что вес различных факторов на формирование сети меняется в течение времени по мере развития видеоигровой отрасли.

Таблица 4 — Оценка параметров

	Поко- ление 3	Поко- ление 4	Поко- ление 5	Поко- ление 6	Поко- ление 7	Поко- ление 8	Поко- ление 9
Плотность	-1,908	-2,209	-2,456	-2,362	-2,102	-2,522	-2,662
Переходность	0,654	0,653	0,632	0,700	0,753	0,632	0,701
Институциональная близость	0,100	0,141	0,133	-0,042	-0,126	-0,119	-0,043
Пространственная близость	0,017	0,026	0,025	0,045	0,079	0,080	0,087
Организационная близость	1,800	1,503	1,450	1,104	0,812	0,745	0,701
Социальная близость	0,176	0,079	0,081	0,044	0,002	0,023	0,030
Когнитивная близость	-0,002	0,002	0,023	0,025	0,032	0,044	0,049
Сходство профиля	-0,740	-0,800	-1,096	-1,181	-1,264	-1,295	-1,249
Размер	0,246	0,206	0,166	0,065	0,012	0,25	0,036
Опыт работы	-0,003	-0,005	0,004	0,020	-0,006	0,002	0,003

Составлено авторами по данным [10, 11]

Наблюдаются следующие структурные эффекты:

- плотность имеет отрицательный показатель, что свидетельствует о наличии издержек, препятствующих образованию связей между компаниями;

- переходность показывает положительные значения на протяжении всего периода, что указывает на высокую вероятность того, что видеоигровые компании будут сотрудничать с партнёрами своих партнёров. Институциональная близость в первых поколениях (3, 4 и 5) показывает положительный результат, однако в дальнейшем этот эффект теряет свою значимость. Это говорит нам о том, что фактор принадлежности одной стране со временем перестаёт играть важную роль в формировании связей между компаниями. Для объяснения данного результата можно привести то обстоятельство, что если в ранние годы отрасль имела лишь в нескольких развитых странах, то на сегодняшний день индустрия охватывает все больше игровых на мировой арене.

С географической точки зрения очень интересно сохранение роли странственной близости в формировании связей. На протяжении жизни отрасли значимость данного фактора сохраняется. Можно предположить, что это связано с усложнением производства видеоигрового продукта. Появление новых 3D эффектов и виртуальной реальности усложняет процесс и требует более тесного сотрудничества на более коротких расстояниях [2]. Покажем работу данного фактора на некоторых конкретных примерах. Arctic Game — быстрорастущий игровой кластер, базирующийся в Швеции, в ленах Вестерботтен и Норрботтен. Имея общую платформу для разработки новых видеоигровых студий, обучения, встреч и инвестиций, кластер Arctic Game стал базой для успешного создания видеоигр на севере Швеции. Крупные инвестиции привели к запуску большого числа образовательных программ.

В 2017 г. компания East Sweden Game (ESG) создала амбициозное сообщество в Эстергётланде. В 2021 г. специалистами компании была проведена серия открытых лекций с целью заставить участников сообщества сменить статус разработчиков-любителей на видеоигровых предпринимателей.

В городе Висбю на острове Готланд находится одно из старейших в Швеции игровых учебных заведений Уппсальский университет. Среди выпускников этого университета — основатели видеоигровых компаний Nexile, Neat Corp, Toadman Interactive и Global 7, Red beet Interactive. Основная цель проекта состоит в том, чтобы дать участникам знания об индустрии видеоигр и организовать мероприятия по разработке видеоигр, которые привели бы к появлению новых компаний и возможностей для бизнеса.

Разумеется, в некоторых случаях концентрация фирм в сфере видеоиндустрии не связана с факторами близости, но обусловлена воздействием каких-то других факторов. Приведём и такие примеры. Так, в Лос-Анджелесе ключевым фактором возникновения крупного видеоигрового кластера является его тесная взаимосвязь с киноиндустрией. Высокая концентрация человеческого капитала, креатива и технологий дали сильный толчок возникновению

в городе видеоигровых студий. Кластер видеоигр начал развиваться не с нуля, так как необходимая инфраструктура, а также рынок труда, подпитываемый студентами университетов и колледжей по кинематографии и мультипликации, дали базу для расширения в будущем.

В Торонто, благодаря различным иммиграционным программам, как, например, Ontario Immigrant Nominee Program (OINP) или Startup Visa Program, привлекают в страну талантливых людей, при этом приоритет направлен в первую очередь на IT-сферу. Из всей Канады именно здесь располагается большинство микрокомпаний (около 300 студий), сформировавших крупный хаб. Кроме иммиграционной программы, развитию кластера в Торонто способствовали выгодные провинциальные налоговые льготы — одни из самых щедрых налоговых льгот в мире для индустрии, как пример — Ontario Interactive Digital Media Tax Credit (OIDMTC) в размере 35–40 %.

Интересный случай представляет развитие видеоигровой индустрии в Монреале. Здесь, в добавок к вышеназванным факторам, способствующим развитию индустрии в Лос-Анджелесе, большую роль сыграла государственная политика. Канадское правительство ещё с 1999 г. ввело налоговый вычет для всех иностранных игровых студий, которые имеют желание открыть офисы в стране. Но проявили себя и факторы культурной (можно считать — институциональной) близости: в Квебеке доминирует французский язык, а первой иностранной студией, открывшей офис в Монреале, стала французская компания Ubisoft. Это яркий пример проявления механизма фактора близости. Государственная политика создала благоприятный фон для развития отрасли, и на этом фоне институциональная близость Квебека и Франции детерминировала появление компании определенного — французского — происхождения. Организационная близость в индустрии видеоигр играет важную роль в формировании связей между компаниями. Однако, данный эффект снижается с каждым поколением, особенно в седьмом поколении (2007–2012 гг.). Можно сказать, что это связано с кризисом 2008 г. и расцветом инди-компаний, независимых компаний-разработчиков, не имеющих издателя и работающих в основном на собственном бюджете. С каждым годом начиная с со второго десятилетия XXI в., инди-компаний становится все больше, а крупные бизнес-организации начинают уплотняться или диверсифицироваться.

Часто в индустрии видеоигр, в крупных компаниях, таких как Sony, Microsoft, EA и т. д. случается так, что группа разработчиков из-за различных причин покидает свои студии. Чаще всего такое происходит из-за разногласий пути развития студий между разработчиками и головной компанией. Как пример бывший главный исполнительный директор и со-основатель Infinity Ward, создатель серии игр Call of Duty, известной во всём мире, В. Зампелла имел разногласия с американской компанией Activision Blizzard. Конфликт завершился тем, что Зампелла покинул свою студию и, забрав часть сотрудников, основал в Лос-Анджелесе новую студию Respawn Entertainment, которая знаменита такими играми как Titanfall и Apex Legend.

Похожий пример был и в Японии. Конфликт компании Konami и

ведущего разработчика Х. Кодзимы на почве разработки видеоигр завершился скандалом и увольнением разработчика из своей собственной студии и потерей прав на свои работы. Кодзима, как и Зампелла, основал в Токио свою новую частную студию Kojima Productions. Эти примеры могут показаться частными случаями, но как показывает практика, это довольно частое явление. Нередко можно наблюдать видеоигры, презентуемые на каких-либо мероприятиях с лозунгом «от создателей известной серии видеоигр». Часто бывшие разработчики крупных студий основывают новые компании — между такими компаниями и может возникнуть социальная близость — например, сохранение связей между отдельными сотрудниками).

Социальная близость имеет положительный эффект, но со временем продолжает терять значимость. Старое сотрудничество является важным фактором, однако в меньшей степени, чем ожидалось. Резкий спад в седьмом поколении можно также связать с кризисом, из-за которого малые фирмы закрывались, а крупные игроки, оказавшись в неудобной ситуации, производили более бюджетные проекты, для которых не требовалась поддержка партнёров.

Наплыв инди-разработчиков, а также развитие технологий и упрощение в использовании, позволяющее человеку без специального образования разобраться в работе языка программирования, способствует уменьшению роли социальной близости. Для разработки простого видеоигрового продукта, как, например, мобильной видеоигры в жанре «три в ряд», нет нужды кооперироваться с другими разработчиками и, тем более, компаниями. По мере развития индустрии, появления более обширного спектра знаний, жанров и технических возможностей когнитивная близость начинает играть все более важную роль. Это связано непосредственно с развитием отрасли видеоигр. Индустрия видеоигр — довольно молодая отрасль, где с развитием жанра может потребоваться поиск партнёров со схожими знаниями по теме. Например, разработчики спортивных видеоигр, скорее всего, будут искать партнёров, связанных со индустрией спорта.

С каждым годом формируются новые жанры и направления в индустрии видеоигр — от обычного «три в ряд» до видеоигры в жанре тактического «лутинг» шутера от первого лица (подвид FPS⁵⁴ шутера) с элементами RPG⁵⁵ и ММО⁵⁶. То есть главный продукт в индустрии, видеоигра, ставит все более сложные задачи, под которые требуются люди со схожим пониманием в теме.

Индивидуальное качество — сходство профиля, показывает отрицательный эффект, который со временем продолжает расти. Это означает, что акторы начинают специализироваться на роли издателя/разработчика в течение жизненного цикла отрасли. Индивидуальное качество — размер компаний, имеет положительный эффект, хотя теряет значимость в седьмом

⁵⁴ Шутер («стрелялка») от первого лица, т. е. когда игровое поле представлено так, как если бы его видел главный участник игры.

⁵⁵ Компьютерная ролевая игра.

⁵⁶ Массовая многопользовательская онлайн-игра.

поколении, но позже эффект снова начинает расти. Опыт в данной отрасли не играет важной роли.

Заключение

Проведённое исследование показало сохранение важности географической близости в обеспечении возможности производственных взаимодействий на примере отрасли производства видеоигр — современной цифровой отрасли, где, казалось бы, все необходимые производственные процессы могут быть максимально переведены в удалённый формат, а все коммуникации могут перейти в виртуальное пространство. И тем не менее, значимость пространственной близости (физического расстояния) сохраняется в качестве фактора взаимодействия цифровых фирм. Количественные данные подтверждаются конкретными примерами — активным развитием территориальных кластеров производства видеоигр (например, в Швеции). Большую роль в формировании межфирменных взаимодействий играет когнитивная близость (это означает преимущественное взаимодействие фирм, работающих в рамках одного и того же направления, что отражает растущую специализацию в отрасли производства видеоигр в целом). Остальные факторы или не столь важны, или теряют свою значимость по мере развития отрасли (связи внутри одной страны, сложившиеся группы разработчиков и др.). Таким образом, мы получили яркое подтверждение необходимости реальных контактов в инновационных и креативных областях в ходе разработки новых видов продукции — то есть одного из ключевых постулатов современной географии инноваций о значимости минимизации расстояния между разработчиками — вопреки расхожему стереотипу о «смерти географии» по мере развития транспорта и коммуникаций.

Список литературы

1. Ahuja G., Polidoro Jr. F., Mitchell W. Structural homophily or social asymmetry? The formation of alliances by poorly embedded firms // *Strategic management journal*. — 2009. — Vol. 30, № 9. — P. 941–958.
2. Audretsch D., Feldman M. R&D Spillovers and the geography of innovation and production // *The American economic review*. — 1996. — Vol. 86, № 3. — P. 630–640.
3. Boschma R. Proximity and innovation: a critical assessment // *Regional studies*. — 2005. — Vol. 39, № 1. — P. 61–74.
4. Boschma R., Balland P. The dynamics of interfirm networks along the industry life cycle: The case of the global video game industry, 1987–2007 // *Journal of economic geography*. — 2013. — Vol. 13, № 5. — P. 741–765.
5. Caves E. *Creative industries contracts between art and commerce*. — Harvard: Harvard university press, 2000. — 440 p.
6. Cohendet P., Simon L. Playing across the playground: paradoxes of knowledge creation in the videogame firm // *Journal of organizational behavior*. — 2007. — Vol. 28, № 2. — P. 587–605.

7. Feldman M. The new economics of innovation, spillovers and agglomeration: A review of empirical studies // *Economics of innovation and new technology*. — 1999. — Vol. 8, № 1–2. — P. 5–25.
8. Feldman M. P. The geography of innovation (*Economics of science, technology and innovation book 2*). — London: Springer, 1994. — 175 p.
9. Izushi H., Aoyama Y. Industry evolution and cross-sectoral skill transfers: a comparative analysis of the video game industry in Japan, the United States, and the United Kingdom // *Environment and planning A*. — 2006. — Vol. 38, № 10. — P. 1843–1861.
10. MobyGames // Database Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mobygames.com> (дата обращения 10.09.2023).
11. Online Games Daten Bank // Database Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ogdb.eu/index.php?section=companieslist&show=number> (дата обращения 12.09.2023).
12. Snijders T., Van De Bunt G., Steglich C. Introduction to actor-based models for network dynamics // *Social networks*. — 2010. — Vol 32, № 1. — P. 44–60.
13. Torre A., Wallet F. Regional development and proximity relations. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014. — 392 p.
14. Zackariasson P., Wilson T. L. The video game industry formation, present state and future. — NY: Routledge, 2012. — 266 p.

Географические особенности логистического комплекса стран Юго-Восточной Азии

Karasev A. S., Akimova V. V.

Geographical features of the logistics complex in Southeast Asian countries

Аннотация

Благодаря своему транзитному положению между крупнейшими мировыми сырьевыми базами и рынками сбыта и диверсифицированной структурой поставок логистическая отрасль Юго-Восточной Азии является перспективной и активно развивающейся на фоне других макрорегионов мира. В работе проводится анализ географических особенностей логистического комплекса стран Юго-Восточной Азии относительно отраслей хозяйства, приносящих наибольший доход от экспорта товаров. Для каждого из товаров составлены схемы организации цепочки поставок. Главную роль играют поставки морем, остальные виды транспорта обеспечивают функционирование цепочки сырья или готового продукта внутри страны. Для сельскохозяйственной и горнорудной продукции в качестве портов вывоза выступают небольшие города, ближе всего расположенные к путям поставок первичного сырья из мест его добычи или выращивания. Управление цепочками поставок осуществляется непосредственно производящими компаниями. При экспорте продукции обрабатывающей промышленности портовые города служат также местами приёма сырья для переработки и отправки продукции на экспорт. Организацией поставок занимаются международные и межрегиональные транспортно-логистические компании.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, логистика, география поставок, экспортные товары, транспорт.

Abstract

Due to its transit position and a diversified supply structure, the logistics industry of Southeast Asia is actively developing compared to other macro-regions of the world. The work analyses the geographical features of the logistics complex of the countries of Southeast Asia in relation to the sectors of the economy that generate the greatest income from the export of goods. For each of them, supply chains were devised. The major role is played by deliveries by sea, while other modes of transport ensure the functioning of the supply chain of raw materials or finished products within the country. Within the supply chains of agricultural and mining products, small cities that are closest to the supply routes of primary raw materials from the places of their extraction or cultivation act as export ports. Supply chain management is carried out directly by the companies that extract or grow the products. When exporting manufactured products, port cities serve as both receiving

points for raw materials for processing and shipping points for export. International and interregional transport and logistics companies take over the organisation of deliveries.

Key words: Southeast Asia, logistics, geography of supplies, export goods, transport.

Введение

Ежегодно положительные темпы прироста производства во многих сегментах экономики в странах мира (5,7 % — в мире в целом и 7,2 % — в Азиатско-Тихоокеанском регионе), а также усиливающаяся роль глобализации в международной торговле и обмене товарами обуславливают увеличивающиеся объёмы поставок различными видами транспорта [18]. Следствием этого становится повышение значимости эффективности логистики в функционировании глобальных цепочек добавленной стоимости в отраслях промышленности, контролируемых разными транснациональными корпорациями (ТНК).

Страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) в сложившихся условиях играют особую роль. Она обусловлена диверсифицированностью экономики региона (включающей сельское хозяйство, добывающую и обрабатывающую промышленность с высокотехнологичными производствами и развитый третичный сектор), транзитным положением между крупнейшими сырьевыми базами и рынками сбыта Азиатско-Тихоокеанского региона, протяжённой береговой линией, дающей широкие возможности для использования морского транспорта, и многочисленной рабочей силой. Благодаря этому логистическая отрасль Юго-Восточной Азии является перспективной и активно развивающейся на фоне других макрорегионов мира. Цель исследования состоит в выявлении и объяснении особенностей территориальной организации логистической отрасли в странах ЮВА путём комплексного анализа рынка логистических услуг на примере международных экспортно-импортных поставок.

Теоретические подходы

Термины «логистика», «цепочка поставок» и «глобальная производственная сеть» иллюстрируют поступательную смену подходов в организации транспортных потоков, размещении производственных сил и инфраструктуры по распределению изготавливаемой продукции между участниками цепочки поставок.

Существует множество точек зрения к трактовке понятия «логистика». В российских источниках предлагается определять её как «междисциплинарное научное направление, непосредственно связанное с поиском новых возможностей повышения эффективности материальных потоков» [1]. Став самостоятельной отраслью экономики в середине XX в., к настоящему времени логистика превратилась из набора отдельных операций в отрасль, более интегрированную в международные транспортные и производственные системы. По этой причине возникают глобальные цепочки поставок — понятие,

предложенное М. Портером в 1985 г. в книге «Конкурентное преимущество». Согласно Портеру, когда производство конечной продукции состоит из нескольких этапов её изготовления, каждое звено такой цепочки увеличивает ценность товара [6]. Одновременно с развитием теории о глобальных цепочках добавленной стоимости в 1992 г. была разработана концепция «кривой улыбки» Р. Каплински. На примере продукции компании Асег было сделано предположение, что первые (технологическая разработка продукции, дизайн) и последние (продажа, маркетинг, реклама, постпродажное обслуживание) звенья производственной цепочки товара обеспечивают более высокую добавленную стоимость к продукту, чем средняя часть цепочки создания стоимости, которая, как правило, отвечает непосредственно за изготовление и транспортировку [8]. В XXI в. логистика включает управление не только физических потоков вещей, но и нематериальных. Это стало возможным благодаря технологическому развитию средств связи и коммуникации на фоне стремления стран к глобализации и международному разделению труда. Результатом явилось развитие концепции глобальных производственных цепочек, в рамках которой страны получают упрощённый доступ к участию в создании ценности продукции и управлению сетью поставок. Помимо этого, облегчается осуществление аутсорсинга той деятельности, которая для компании в данной стране кажется сложной в организации выполнения и менее выгодной, чем на территории другого региона или государства [5].

Рассмотренная выше смена позиций в интерпретации ключевых понятий логистики как объекта экономико-географического исследования может быть спроецирована на особенности развития логистической отрасли Юго-Восточной Азии. Примером может служить товарная и сырьевая структура поставок каждой из стран макрорегиона. Она отражает особенности экономического развития государств. Для азиатских стран особенности эволюции экономического развития позволяет раскрыть концепция «летающих гусей», разработанная К. Акамацу. Она заключается в том, что сдвиги в производстве товаров будут происходить в зависимости от уровня развития государств. Ведущие страны переходят от трудоёмких производств к более производительным и наукоёмким отраслям, тем самым со временем перепоручая экономикам, занимающим более низкое положение в иерархии «летающих гусей», в рамках региона изготавливать продукцию с меньшей капиталоемкостью [3]. В частности, страны ЮВА перенимают от новых индустриальных стран (НИС) первой волны статус государств, специализирующихся на сборке технических устройств, электроники, автомобилей (Таиланд, Малайзия, Филиппины), а также на переработке горнорудного сырья или менее технологически сложных производствах в секторе текстильно-швейной промышленности (Индонезия, Вьетнам).

Методика

Региональные особенности территориального развития логистики в каждой из стран Юго-Восточной Азии были проанализированы на примере

основных статей экспорта, на которые, как правило, в общей сложности приходится не менее 50 % всех поставок. Для каждой из этих стран была составлена схема организации цепочки поставок в соответствии с подходом М. Кристофера [4]. Она включает в себя три компонента, определяемых в следующем порядке: входящая логистика, операции и исходящая логистика. Первый элемент включает в себя работу с сырьём и ресурсом, необходимым для производства, и реализуется через поиск, получение и хранение. Следующий компонент уделяет внимание производственным процессам, контролю качества и максимизации производительности, которые осуществляются на этапе обработки и производства продукции из полученного сырья. Заключительный элемент включает в себя такие виды деятельности, как складирование, выполнение заказов, управление транспортировкой и планирование доставки и реализуется после производства готовой продукции [4]. Все перечисленные компоненты цепочки поставок для координации каждого из звеньев имеют материальные (транспортные) и нематериальные (информационные и управленческие) связи. Компоненты локализируются в звеньях, которыми являются места добычи или производства первичного сырья, его переработки и отправки готовой продукции на экспорт [21]. Каждое из звеньев обязательно связано элементом транспортной сети, поэтому выявлялись виды транспорта и места прохождения путей сообщения. В анализе товарных цепочек рассматривалась корпоративная принадлежность компаний, осуществляющих логистические процессы на разных стадиях создания конечного продукта.

Результаты и их обсуждение

Индонезия. Структура экспорта товаров Индонезии крайне диверсифицирована, в ней отсутствует доминирование того или иного вида продукции. Выделяется сразу девять ранжированных товарных групп, превышающих сумму в 50 % от общего объёма экспорта (рисунок 1). Наибольшую долю в структуре экспорта Индонезии занимает пальмовое масло, которое составляет 9 % от всего объёма экспортируемых товаров, второй товар по объёму экспорта уголь — 8 %. Отраслевая принадлежность представлена сельскохозяйственной специализацией, а также горнодобывающей и обрабатывающей промышленностью. Несмотря на малые процентные доли дохода от экспорта полезных ископаемых (железная руда, бокситы, медь, олово, никель), в абсолютном соотношении (масса и стоимость отгруженной продукции) объёмы данного вида сырья оказывает существенную нагрузку на складскую и транспортную инфраструктуру. Её обеспечивает деятельность ряда индонезийских логистических фирм (Freeport Indonesia — медь, Vale Indonesia — никель, Timah — олово).

Крупнейшие города о. Ява (Джакарта, Сурабая, Бекаси) для экспортных отраслей конечного производства являются центрами замыкания товарных цепочек добавленной стоимости, которые зарождаются на плантациях и месторождениях в отдалённых частях страны на других островах (прежде всего, Калимантан, Суматра и Сулавеси). Взаимосвязь между «регионами-

Малайзия. Малайзия наряду с Индонезией имеет дифференцированную по отраслям хозяйства структуру экспорта, однако доля электронной и электротехнической промышленности существенно преобладает над другими отраслями и составляет 30 % всего экспорта страны. Среди остальных отраслей, вносящих наибольший вклад в международную торговлю, выделяются нефтепереработка и производство пальмового масла (рисунок 2).

Ввиду необходимости в тесной кооперации в технологически развитых регионах страны, что характерно для электронной промышленности, локальные фабрики концентрируются в пригородах крупнейших агломераций, прежде всего, Куала-Лумпура, Пинанга (например, парк высоких технологий Кулим), Джохор-Бару и Малакка. В них размещены сборочные цеха таких ТНК, как Intel, AMD, Samsung, и Motorola. При этом распространены автомобильные и иногда железнодорожные перевозки оборудования между упомянутыми городами, что обеспечивает взаимобмен комплектующими частями.

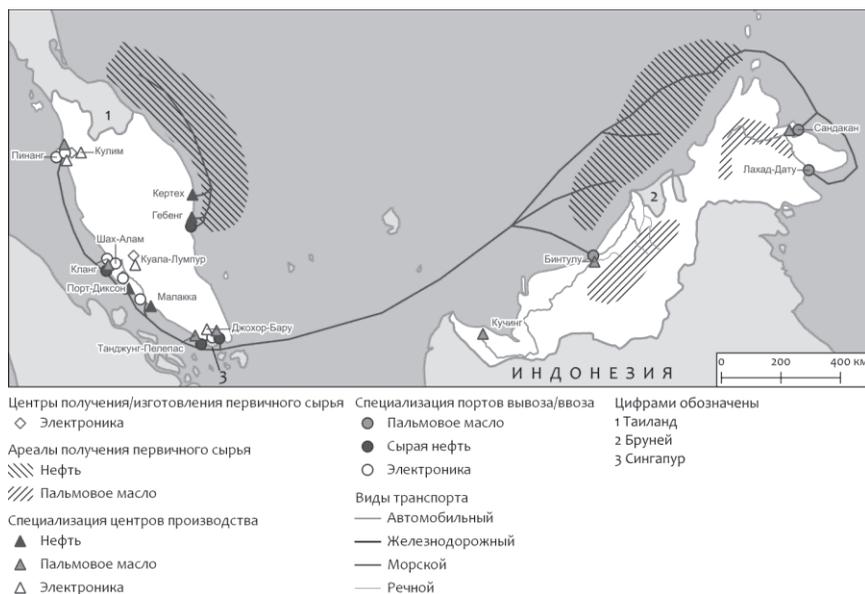

Рисунок 2 — Схема организации цепочек поставок в Малайзии. Составлено авторами

Места добычи нефти (шельф малайзийской части о. Калимантан и восточная часть Малаккского полуострова) не совпадают с локализацией центров переработки данных видов сырья из-за более развитой инфраструктуры, близости к транспортным путям и потребителю на западном побережье Малаккского полуострова. Поэтому порты становятся универсальным звеном цепочки поставок, замыкая на себе производственные и распределительные функции. В малайзийской части Калимантана ввоз нефти и вывоз нефтепродуктов на внешние рынки осуществляется через порты Кемаман и Куантан,

а для её переработки она транспортируется на Малаккский полуостров на заводы в городах Порт-Диксон и Малакка. Перевозки нефтепродуктов осуществляют компании, специализирующиеся на данном сырье и имеющие в своём парке танкеры: MISC Berhad, AET Tankers (обе являются дочерними предприятиями малайзийской нефтедобывающей компании Petronas) и сингапурская фирма Pacific Carriers Ltd.

Аналогичная особенность логистических цепочек характерна для производства и экспорта пальмового масла. Около 70 % площади произрастания масличной пальмы сосредоточено на Калимантане в штатах Сабах и Саравак. Если плантация находится рядом с заводом, пальмовое масло можно транспортировать автомобильным транспортом с использованием цистерн или грузовиков на фабрики в Бинтулу и Кучинге (штат Саравак) и Сандакане (штат Сабах). В этих городах также располагаются порты вывоза первичного пальмового масла для переработки в полуостровной части страны. Как правило, порты, принимающие танкеры с непереработанным пальмовым маслом, и заводы по его обработке приурочены к одним и тем же городам: Кланг близ Куала-Лумпура, Пасир Гуданг близ Джохор-Бару и порт в агломерации Пинанг на одноименном острове. Перевозки пальмового масла на материк производятся малайзийскими логистическими компаниями, основная специализация которых — его транспортировка в танкерах (Konsortium Logistics, Carotrans, Kontena Nasional и др.) [19].

Филиппины. Как структура экспорта (комбинация сельскохозяйственной, горнодобывающей и обрабатывающей продукции), так и товарная специализация международных поставок Филиппин схожи с Малайзией, где также весомую долю отгружаемой продукции за рубеж составляет электроника и электротехника (до 40 % всего экспорта) (рисунок 3).

Среди компаний, имеющих производственные мощности на Филиппинах, представлены компании разных стран мира (Intel, Texas Instruments, Analog Devices, ON Semiconductor Corporation — из США, Samsung Electronics из Республики Корея, Murata Manufacturing из Японии). Сопутствующими факторами, благоприятно влияющими на развитие отрасли, стали многочисленная рабочая сила с необходимой профессиональной подготовкой по техническим специальностям и деловая среда, включающая в себя налоговые льготы, упрощённое регулирование и инвестиционные стимулы для компаний. Поэтому заводы транснациональных корпораций расположены в особых экономических зонах (ОЭЗ) и промышленных парках, чаще всего приуроченных к агломерации Манилы (технопарк Лагуна близ г. Каламба, ОЭЗ «Кларк» в провинции Пампанга, а также в г. Тарлак и портовой экономической зоне Subic Bay). Такая взаимозависимость цехов на различных этапах сборки обуславливает, как и в Малайзии, использование автотранспорта для поставок в рамках логистики «последней мили»⁵⁷ [16, 20]. Главными контрагентами в

⁵⁷ Логистика «последней мили» — доставка товаров от склада или центрального распределительного пункта до конечного потребителя.

аспекте транспортировки выступают локальные логистические компании LBC Express, 2GO Group и JRS Express. Однако в глобальной системе электронной промышленности многие сырьевые материалы и компоненты также могут поставляться международными поставщиками. К ним относятся уже упомянутые ранее международные компании, а непосредственно поставки реализуются крупнейшими мировыми транспортно-логистическими фирмами: DB Schenker, Maersk, DHL, Kuehne + Nagel, FedEx и UPS. Эти же компании осуществляют и экспорт электроники по всему миру.

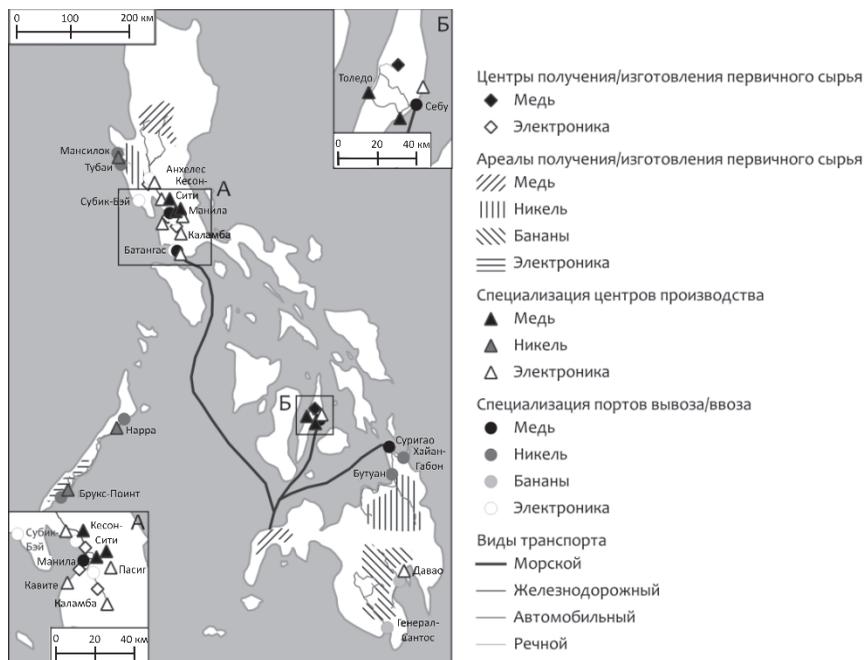

Рисунок 3 — Схема организации цепочек поставок на Филиппинах. Составлено авторами

Нередко для перевозок используют не только морской, но и воздушный транспорт. Из-за этого центрами распределения грузов являются как порты (Манила, Батангас, портовая зона свободной торговли Subic Bay), так и аэропорты (аэропорт имени Акино в Маниле и зона свободной торговли Кларк, где также расположен авиаузел).

Другой важной статьёй филиппинского экспорта является продукция медно-никелевой промышленности. Большая часть добытой никелевой руды экспортируется в виде первичного сырья. Основные центры вывоза располагаются близ месторождений: на о. Минданао — Суригао, Хайангабон (северная оконечность острова) и Тубай (северо-западная часть острова), из провинции Замбалес — порты Санга-Круз и Мансилок. Примечательно, что эти центры вывоза не являются крупными универсальными хабами, а

специализируются только на вывозе никеля. Кроме того, они связаны посредством речного транспорта, а порты находятся близ их эстуария. По рекам сырьё перевозят в баржах, после чего никелевая руда перегружается на морские суда. Перевозками никеля занимаются компании, осуществляющие его добычу: японская и бразильская компании — Sumitomo Metal Mining и Vale, а также ряд местных фирм.

Месторождения меди на Филиппинах находятся на Лусоне (провинции Бенгет и Нуэво-Бискайя в Кордильерском регионе), на Висайских островах (близ г. Себу) и на Минданао (северная и южная части острова). Как и в случае с никелем, вывоз медного сырья на экспорт осуществляется через ближайшие к месторождениям порты: Суригао, Себу, Батангас (юг о. Лусон) и Манила. При этом часть руды отправляется на рафинирование на заводы в Себу, Толедо (провинция Себу), Манилу и столичный регион (города Макати и Пасиг). Вывоз концентрата осуществляется через те же порты, что и необработанное сырьё. Перевозкой медных концентратов из Филиппин занимаются международные судоходные компании, специализирующиеся на транспортировке сыпучих грузов: NYK Line, Pacific Basin Shipping и K-Line [25].

На сельское хозяйство приходится до 10 % ВВП Филиппин, наибольшую долю составляет производство бананов. Компании-поставщики для перевозки скоропортящихся продуктов питания используют суда с рефрижераторными контейнерами и камерами созревания, что обуславливает привлечение специализированных компаний в сфере «холодной» логистики⁵⁸ [7]. К ним относятся компании Dole Asia, Del Monte Pacific, Chiquita Brands, Pacific International Lines. Они базируются в портах вывоза, расположенных в южной части о. Минданао. К их числу относятся порты Давао и Генерал-Сантос.

Таиланд. Основные экспортируемые товары Таиланда относятся к автомобильной и электронно-и электротехнической промышленности (рисунок 4). Для Таиланда характерна концентрация предприятий по производству конечной продукции в столичном районе Бангкока, вокруг него в провинциях Наконпатом и Патхумтхани, а также вдоль юго-восточного побережья Сиамского залива в Восточном экономическом коридоре (ВЭК) — провинции Районг и Чонбури. Данную особенность обуславливает специфика этих групп отраслей, заключающаяся в необходимости создания сложных кооперационных связей между этапами производства конечного продукта. Соответственно, в таких условиях фирмам, снабжающим сборочные цеха, целесообразно размещать производства поблизости друг от друга, и, как следствие, осуществлять поставки преимущественно мало- и среднегабаритным грузовым автотранспортом. Из-за этого особо развита логистика «последней мили», которую обслуживают местные транспортные компании [10].

Отдельного внимания заслуживает изучение поставок таких комплектов, как шины. Таиланд — одна из немногих стран, где находятся

⁵⁸ Холодная логистика — это определённая область логистических услуг, которая включает в себя цепочку поставок с контролем температуры.

плантации гевеи, сырья для получения натурального каучука, в достаточном объёме для изготовления резины (южные провинции п-ова Малакка — Сонгхпа и Суратхани). Резина для шин также может быть произведена на основе синтетического каучука, который изготавливают на нефтеперерабатывающих заводах в провинциях Районг и Чонбури к юго-востоку от Бангкока из сырья, привозимого из стран Ближнего Востока и АТР. Заводы по производству шин располагаются в провинциях, прилегающих к столице Таиланда: Районг, Наконпатом и Патхумтхани. Этими заводами владеют исключительно зарубежные компании: Bridgestone, Michelin, Continental и Goodyear.

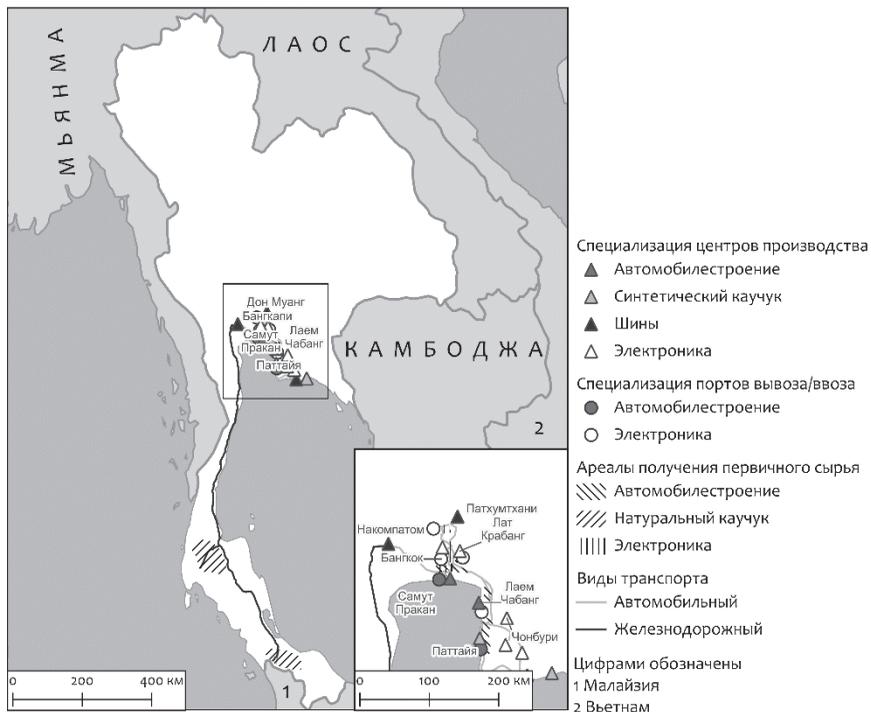

Рисунок 4 — Схема организации цепочек поставок в Таиланде. Составлено авторами

Автомобильная промышленность Таиланда практически полностью представлена иностранными брендами, преимущественно японскими (Toyota, Honda, Nissan, Mitsubishi, Mazda, Isuzu), а также американской Ford. Немалая доля поставок автотранспортом приходится на местные транспортно-логистические компании (NYK Auto Logistics, K-Line) или дочерние филиалы зарубежных фирм в Таиланде (Maersk, SITC Container Lines) [12].

Особую роль в экспорте электротехнической продукции играет производство офисной техники (сборка компьютеров, принтеров, сканеров, телекоммуникационного оборудования). Ввоз закупаемой импортной продукции

(зарубежные запчасти и сырье для синтетического каучука для автомобилестроения и провода, полупроводники и интегральные схемы из Китая, Японии и Республики Кореи для электротехники) и вывоз конечной продукции осуществляется морским транспортом через порты Самут-Пракан (ориентация на заводы в агломерации Бангкока), Лаем Чабанг и Паттайя (ориентация на заводы в ВЭЖ).

При поставках дорогостоящих и электронных продуктов, нуждающихся в срочности доставки (компьютерные компоненты и полупроводники) используется авиатранспорт. Обслуживание таких перевозок осуществляют крупные международные логистические компании DHL, FedEx и национальный перевозчик Thai Airways Cargo через аэропорты Суварнабхуми и Дон Муанг близ Бангкока. Наземный транспорт часто используется для товаров, которые доставляются по суше в соседние страны, такие как Камбоджа, Лаос и Мьянма.

Вьетнам. В структуре экспорта Вьетнама выделяются электроника, электротехника и текстильно-швейная промышленность. Организация поставок между звеньями цепочек добавленной стоимости по группам производимых этими отраслями товаров осуществляется в пределах 2–3 крупных промышленных центров страны: Хошимин, Ханой — Хайфон и Дананг (рисунок 5).

Рисунок 5 — Схема организации цепочек поставок во Вьетнаме. Составлено авторами

Вьетнам является крупным экспортёром электроники, особенно мобильных телефонов, а также компьютеров, бытовой электроники и электротехники (телевизоры, осветительные приборы), фотооборудования, электронных компонентов (полупроводники, интегральные схемы и материнские платы). Столь широкая номенклатура производимых товаров является следствием присутствия на рынке нескольких десятков мировых и национальных фирм. Основные производственные центры располагаются в провинциях с высокими показателями объёма инвестиций, прежде всего, иностранных компаний-производителей электронной продукции: регионы вокруг Ханоя и Хайфона, в меньшей степени близ Хошимина [22]. Многие местные производители интегральных схем, плат, проводов, микросхем локализованы в близлежащих к заводам по сборке провинциях страны: Бакнинь, Тхайнгуен, Бакзянг (соседствующие единицы АТД с Ханоем), Хайзыонг близ Хайфона и Донгнай в агломерации Хошимина. Поставки на близлежащие предприятия, как правило, осуществляют местные компании, специализирующиеся на автомобильных грузовых перевозках. В зоне концентрации предприятий отрасли имеется развитая транспортная инфраструктура в виде крупнейшего авиа- и морского узла в Хошимине, а также порта в Хайфоне.

Большая часть хлопковолокна импортируется из главных стран-производителей, таких как США, Индия, Китай, Пакистан, Австралия. Главными пунктами его ввоза являются крупнейшие порты страны: Хошимин, Вунгтау, Кантхо (юг Вьетнама), Хайфон, Дананг (север и центр страны). После того, как хлопковолокно прибывает в эти порты, оно транспортируется на текстильные фабрики по всей стране, которые в основном расположены в крупных промышленных городах, таких как Хошимин, Ханой, Дананг и Кантхо. Эти фабрики перерабатывают волокно в пряжу, ткани и готовую одежду на экспорт [23]. Хлопок поставляется во Вьетнам компаниями, специализирующимися в основном на морских перевозках: Maersk, MSC, CMA CGM и Evergreen Line. Эти же компании, а также многофункциональные логистические фирмы DHL и UPS, работающие преимущественно с товарами более высокой добавленной стоимости, осуществляет вывоз текстильно-швейной продукции потребителям по всему миру [24].

Сингапур. Сингапур является лидером в регионе по уровню развития логистических услуг, занимая в международном рейтинге согласно индексу эффективности логистики⁵⁹ первое место в мире (4,3/5) [14]. Уникальная особенность этого государства заключается в существенной ограниченности собственных ресурсов для производства конечной продукции, поэтому роль импорта в торговых связях с иностранными контрагентами крайне значима.

⁵⁹ Индекс эффективности логистики (англ. Logistics Performance Index) — общий рейтинг стран по уровню развития логистики. Формируется исходя из оценки по шести критериям: эффективность таможенных процессов, качество инфраструктуры, простота организации поставок, качество логистических услуг, возможность отслеживать грузы, своевременность. Значения по каждому показателю оцениваются по 5-балльной шкале. Рейтинг составляется Всемирным банком, последняя версия опубликована в 2023 г.

Таким образом, для Сингапура в общем виде характерна следующая модель организации поставок: сначала происходит ввоз сырья или компонентов, затем осуществляется переработка первичной продукции и изготовление конечного товара или сборка того или иного изделия из привезённых деталей. В конечном итоге готовые продукты вновь погружаются на транспортные средства и экспортируются; создаётся значительно большая добавленная стоимость, чем у ввезённых компонентов или сырья.

Сингапур имеет диверсифицированную структуру экспорта, причём весомую долю (около 40 %) составляют услуги, такие как транспорт, ИКТ-сектор, страхование и финансы за счёт их предоставления другим иностранным компаниям. В товарной структуре экспорта доминируют интегральные схемы, турбины для двигателей, нефтепродукты и медикаменты. Однако из-за недостаточного объёма собственных ресурсов для изготовления данных видов продукции производство зависит от импорта таких товаров, как микросхемы, провода и кабели (для интегральных схем), сталь (для турбин и машинного оборудования), сырая нефть (для производства нефтепродуктов и сырья для фармацевтики).

Основную роль транспортной составляющей экспорта и импорта товаров в Сингапуре играют морской и авиационный транспорт. В этом городе-государстве находятся два крупных морских порта: Сингапур, который занимает второе место в мире по грузообороту товаров, и терминал Пасир Панджанг, а также международный аэропорт Чанги. Существует также связь с полуостровом Малакка через автомобильные и железнодорожные мосты, что расширяет возможности для торговли с материковыми частями государств ЮВА [11, 21].

Бруней. Обладая запасами углеводородов на шельфе Южно-Китайского моря, Бруней экспортирует только сырую нефть и нефтепродукты. Экспорт нефти и газа осуществляется как по трубопроводам (соединяющими месторождения и ключевые порты), так и танкерами, прежде всего, компаниями, которые осуществляют добычу в шельфовой зоне (ключевой производитель нефти в Брунее — Brunei Shell Petroleum). Основными пунктами вывоза нефтегазовой продукции являются порт Муара в пригороде Бандар-Сери-Бегавана, порт Сериа в западной части страны, а также ряд небольших терминалов вдоль всей береговой линии. Бруней осуществляет импорт товаров, производство которых отсутствует на территории страны, но без которых невозможно обеспечить добычу нефти и газа и гарантировать продовольственную безопасность: оборудование для добычи и перекачки нефти из Сингапура, а также продукты питания, в основном, из Малайзии. Импорт осуществляется через морской порт Муара, крупнейший в стране, а также наземными видами транспорта в рамках торговли с Малайзией. Ключевыми операторами являются компании CMA CGM Group и её филиал Bolloré Logistics Brunei [11, 21].

Восточный Тимор. Восточный Тимор имеет самый низкий стоимостной объём экспорта товаров и услуг, при этом ввоз продукции из-за рубежа превышает вывоз примерно в семь раз. Тем не менее, экспорт товаров из

Восточного Тимора основан, прежде всего, на поставках сырой нефти в Сингапур и Республику Корея, а также кофе в государства Азиатско-Тихоокеанского региона, включая США. Компании, осуществляющие поставки продукции за рубеж, преимущественно представлены небольшими местными фирмами, при этом в нефтегазовом секторе функцию поставщика углеводородов берут на себя иностранные корпорации, осуществляющие их добычу: Shell и Inpex. Импортируются товары, производство которых не представлено вовсе или слабо развито в стране: автомобили, электротехника, зерновые и пальмовое масло, текстильно-швейная продукция, химическое сырьё. Причём из-за крайне низкого уровня развития других отраслей экономики, кроме нефтедобычи и выращивания кофе, таких направлений крайне много. Отсюда возникает столь большая разница между стоимостными объёмами экспорта и импорта. Ключевым центром товарообмена между Восточным Тимором и остальным миром является порт Дили. Большинство других морских терминалов и причалов служат для внутреннего обмена товарами [11, 21].

Мьянма. Ключевыми группами товаров, экспортируемых из Мьянмы, являются продукция текстильно-швейной и нефтедобывающей промышленности, а также рисоводства. Основная сырьевая база текстильно-швейной промышленности сосредоточена в центральных, северных (хлопок), а также восточных (шёлк) регионах страны. Важным центром для сбора текстильного сырья из северной и восточной частей страны и изготовления из них тканей считается г. Мандалай. Синтетические материалы (полиэстер и нейлон), используемые для пошива одежды, часто импортируются из других стран (Китая, Таиланда). Центром ввоза искусственного сырья является Янгон, где также происходит вывоз текстильно-швейной продукции и её поставки за рубеж. Часть товаров данной отрасли также изготавливается в южной части Мьянмы в городах Пегу и Патейн. Экспорт сырой нефти осуществляется с морского месторождения Шве в Бенгальском заливе, где она загружается в танкеры в порту Кьяукпью, а затем транспортируется в различные страны Азии. Небольшая часть нефти также добывается на материке в центральной части страны. Затем она поставляется в порт Тилава близ Янгона для вывоза. Ареалы выращивания риса приурочены к хорошо дренированным и орошаемым прирусловым территориям р. Иравади в регионах Пегу, Иравади, Янгон и Магуэй. Поставки риса осуществляются по двум направлениям: наземным транспортом в Китай и морским путём через порты Янгон и Тилава в государства-члены АСЕАН и другие страны. Для обеспечения международных перевозок перечисленных категорий товаров используется контейнерный и танкерный морской флот крупнейших мировых транспортных компаний: DHL, DB Schenker, CEVA Logistics и Kuehne+Nagel, а также Ninjavan, местный перевозчик, реализующий сухопутные поставки из внутренних районов страны к побережью [11, 21].

Камбоджа. Более половины всей стоимости экспорта Камбоджи приходится на поставки продукции текстильно-швейной промышленности. Ткани, пряжа и красители импортируются из Китая, Индии и Вьетнама через

порт Сиануквиль для производства тканей и текстиля в Пномпене. Небольшие швейные фабрики функционируют в Сиемреап и Баттамбанге, откуда одежда и текстильные изделия экспортируются на зарубежные рынки через морской порт страны в Сиануквиле. Отгрузка на экспорт осуществляется как компаниями регионального рынка логистики ЮВА (Kerry Logistics, APL Logistics), так и международными фирмами (DB Schenker, CEVA Logistics, Kuehne+Nagel, Agility, Maersk, SITC Container Lines) [11, 21].

Лаос. Из-за отсутствия прямого выхода к морю это государство нуждается в посредничестве при организации поставок по морю. Среди товаров, которые занимают ведущее место в торговле, наибольшее значение имеют золото, медная руда, а также медный концентрат. Наибольшие объёмы добычи на месторождении медной руды и золота Сепон в провинции Саваннахет в южной части государства. Медный концентрат посредством автомобильного грузового или железнодорожного транспорта отправляют либо в порты Лаем Чабанг и Маптапхут в Таиланде, либо в Хайфон во Вьетнаме. Организацию поставок осуществляет лаосская компания Lane Xang Minerals Limited Company, разрабатывающие месторождение Сепон [11, 21].

Выводы

В Юго-Восточной Азии подавляющую роль играют поставки морским транспортом. Это обусловлено островным или полуостровным положением большей части территории ЮВА и невозможностью доставить большие объёмы крупногабаритных грузов с учётом экономической выгоды каким-либо альтернативным видом транспорта ввиду моря как физической преграды. В то же время, другие виды транспорта (железнодорожный, автомобильный, в редких случаях речной, воздушный и трубопроводный) обеспечивают функционирование цепочки поставок сырья или готового продукта внутри страны. В большей степени организация международной торговли посредством сухопутных способов транспортировки актуальна для приграничных с Китаем стран из-за его лидирующих позиций среди торговых партнёров и для внутриконтинентального Лаоса. Морской транспорт активно применяется странами ЮВА не только для поставок конечной продукции потребителю, но и в результате обеспечения внутреннего спроса с целью завоза сырья из одного острова или архипелага на другой остров или континентальную часть.

Организация поставок сельскохозяйственной и горнодобывающей продукции в общем виде обусловлена расположением месторождений и плантаций. После чего сухопутным транспортом сравнительно небольшими партиями сырьё доставляют сразу в порт (если происходит торговля необработанным материалом) или на предприятие по его обработке и переработке, которое нередко размещается в порту или близ побережья (характерно для случаев, когда крупный город, где изготавливается продукция, не находится непосредственно у моря, а имеет аванпорт, с которым связан сухопутным или речным транспортом — баржами). Нередко в качестве портов вывоза выступают небольшие города, которые ближе всего располагаются к путям поставок

первичного сырья из мест его добычи или выращивания. Как правило, выстраивание и управление цепочкой поставок сырьевых материалов осуществляется непосредственно компаниями, которые добывают или выращивают продукцию.

Экспорт продукции обрабатывающей промышленности нередко зависит от импорта деталей или продукции, которой не хватает для конечной сборки или получения готового товара (сырая нефть для переработки и получения синтетического каучука, тканей, красителей, продукции фармацевтики; провода, микросхемы и чипы для сборки интегральных схем, применяемых в производстве электроники и электротехники). Портовые города в цепочке поставок становятся одновременно как пунктами приёма сырья, имеющегося на внутреннем рынке или импортируемого из-за рубежа, так и местом отправки на экспорт. Чаще всего из-за эффекта добавленной стоимости, которую получает товар при его переработке или сборке из комплектующих частей, организацию поставок на себя принимают международные и межрегиональные транспортно-логистические компании, осуществляющих приёмку, складирование, отгрузку и перевозку конечной продукции.

Список литературы

1. Гаджинский А. В. Логистика. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2002. — 483 с.
2. Adachi T., Rosyid F. Forecasting on Indonesian Coal Production and Future Extraction Cost: A Tool for Formulating Policy on Coal Marketing // *Natural Resources*. — 2016. — Vol. 7, № 12. — P. 677–696.
3. Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // *The Developing Economies*. — 1962. — Vol. 1. — P. 3–25.
4. Christopher M. Logistics and Supply Chain Management: Creating Value Adding Networks. — Pearson UK: FT Press, 2005. — 320 p.
5. Coe N. M., Dicken P., Henderson J., Hess M., Yeung H. W-C. Global Production Networks and the Analysis of Economic Development // *Review of International Political Economy*. — 2002. — Vol. 9, № 3. — P. 436–464.
6. Porter M. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance* — NY.: Simon and Schuster, 1985. — 592 p.
7. Salvacion A. R. Effect of climate on provincial-level banana yield in the Philippines // *Information Processing in Agriculture*. — 2020. — Vol. 7, № 1. — P. 50–57.
8. Shin N., Kraemer K. L., Dedrick J. Value Capture in the Global Electronics Industry: Empirical Evidence for the “Smiling Curve” Concept // *Industry and Innovation*. — 2012. — Vol. 19, № 2. — P. 89–107.
9. ASEAN Automotive Federation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.asean-autofed.com/> (дата обращения 11.05.2024).
10. ASEAN Briefing. Thailand’s Automotive Industry: Opportunities and Incentives [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aseanbriefing.com/news/thailands-automotive-industry-opportunities-incentives/> (дата обращения

- 11.05.2024).
11. ASEANStatsDataPortal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.aseanstats.org/> (дата обращения 11.05.2024).
 12. Automation and Control Market in Thailand [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://store.frost.com/automation-and-control-market-in-thailand.html> (дата обращения 11.05.2024).
 13. Global Energy Monitor. Indonesia and coal [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gem.wiki/Indonesia_and_coal (дата обращения 11.05.2024).
 14. Logistics Performance Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lpi.worldbank.org/> (дата обращения 11.05.2024).
 15. Pertamina. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pertamina.com/> (дата обращения 11.05.2024).
 16. Philippine Export Development Plan (PEDP) 2018-2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dti.gov.ph/negosyo/exports/philippine-export-development-plan/> (дата обращения 18.04.2023).
 17. SEI-PCS Indonesia palm oil v1.2 supply chain map: Data sources and methods Landscape [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://resources.trase.earth/documents/data_methods/SEI_PCS_Indonesia_palm_1.2_EN.pdf (дата обращения 11.05.2024).
 18. The Atlas of Economic Complexity [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://atlas.cid.harvard.edu/> (дата обращения 11.05.2024).
 19. The Malaysia Advantage [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.petronas.com/mpm/investment-opportunities/the-malaysia-advantage> (дата обращения 11.05.2024).
 20. The Philippine Electronics Industry [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.seipi.org.ph/profile/about-the-industry/> (дата обращения 11.05.2024).
 21. United Nations Statistical Division (COMTRADE) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения 11.05.2024).
 22. Vietnam Electronic Industry – Research Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vntradesg.org/en/vietnam-electronic-industry-report-research/> (дата обращения 11.05.2024).
 23. Vietnam Textile and Apparel Association [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vietnamtextile.org.vn/home_p1_1-1_2-2_3-613.html (дата обращения 11.05.2024).
 24. Vietnam Textile and Garment Industry Report 2021-2025 Association [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cri-report.com/vietnam-textile-and-garment-industry-report/> (дата обращения 11.05.2024).
 25. Yumpu. Location Map of Operating Mines in the Philippines [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yumpu.com/en/document/view/12193748/location-map-of-operating-mines-in-the-philippines> (дата обращения 11.05.2024).

Подходы к электоральному районированию в отечественной науке (по материалам диссертационных исследований)

Chernetskii F. M.

Approaches to Electoral Regionalization in the Russian Science (Based on Dissertation Researches)

Аннотация

Электоральные страноведческие исследования — традиционное направление в российской географии, накопившее немалое количество работ, посвящённых различным проблемам данной дисциплины. Одна из них — упорядочивание знания об электоральном пространстве с помощью членения исследуемой территории на районы, обладающие уникальными сочетаниями характеристик с разными генезисом и динамикой. В первых работах, опубликованных в 1950-х гг., география выборов появлялась только в заключительных разделах как дополнение к страноведческому описанию экономических районов. Результаты выборов воспринимались лишь как малозначимая политическая особенность экономических районов. Следующим поколением политико-географов были введены и концептуализированы понятия «политико-географический район» и «электоральный район». Произошло сближение с классической теорией районирования, разрабатывавшейся в рамках иных географических направлений. В итоге в 1970–1990-х гг. появилось несколько полноценных схем политико-географического и электорального районирования России и ряда зарубежных стран. Однако в дальнейшем авторы в основном ограничивались делением территории исследуемых стран и регионов на несколько частей с явно различающимися электоральными предпочтениями электората и не использовали районный подход. Попытки связать его с электоральными исследованиями редки, поэтому «район» в большинстве из них понимается как «ареал», а не как осмысленная, а то и субъектная сущность, способная выступать полноценным фактором политических процессов.

Ключевые слова: электоральная география, районирование, политическая география, электоральный район

Abstract

Electoral regional studies are traditional part of Russian geography, a significant number of papers on various aspects of this discipline have been published. One such aspect is the organization of knowledge about electoral space through the division of the studied territory into regions with various combinations of characteristics of different origins and dynamics. In the early papers, the electoral geography was relegated to the final sections, as an add-on to the regional descriptions of economic regions. Elections were seen as a minor component of politics in economic regions. However, a new generation of political geographers introduced

the concepts of “political region” and “electoral region”, that ensured the alignment with the classical regionalization theory that had been developed in other geographical disciplines. As a result, in the 1970s and 1980s, full-fledged political, geographical, and electoral regionalization was introduced in several foreign countries. However, in later years, the authors largely limited themselves to dividing the territories of countries and regions into parts with distinct electoral preferences, rather than using a regional approach. Due to the lack of attempts to link this with electoral researches, the term “district” is often understood as an “area” rather than a meaningful or subjective entity that can be a significant factor in political processes.

Key words: electoral geography, regionalization, political geography, electoral region

Введение

По количеству исследований и прикладной значимости электоральная география вполне может считаться «ядром» политической географии [4, с. 42], своего рода «базовой отраслью» [8, с. 4]. Однако дисциплина почти не обладает собственными теоретической и терминологической базами, отдавая их «на откуп» социологии, политологии и другим географическим дисциплинам. По мнению некоторых исследователей, снижает её самостоятельность и комплексность [4, с. 9]. Возможно, именно поэтому регулярно отмечается отсутствие чёткой структуры, бессистемность, мозаичность и фрагментарность отечественных электорально-географических исследований [9, с. 18]. К одному из немногих специфических методов дисциплины (хотя и не на фоне иных географических) можно отнести *электоральное районирование*. Его, как и в географии в целом, часто считают «венцом исследования» [4, с. 53], «вершиной электорально-географического синтеза» [11, с. 26], «наиболее высоким уровнем обобщения политико-географического материала» [14, с. 27–28], «важным научно-практическим методом электорально-географических исследований» [10, с. 29], «важнейшим результатом электорально-географического исследования» [1, с. 113, 11, с. 32, 29, с. 166] и «важнейшей исследовательской операцией» [29, с. 198]. Во многих электорально-географических работах проведение районирования ставится одной из основных целей [1, 3, 16, 17]. Однако понимание сущности электорального районирования у авторов заметно различается и не все результаты, представленные как районирования, можно считать за таковые.

В большинстве случаев районирование лишь упоминалось как один из уже традиционных методов, а вместо него проводились более простые операции. Например, *классификация* или *типология* ячеек административно-территориального или «территориально-выборного» [22, с. 144] деления страны по соотношению влияния политических партий и иным проявлениям электорального поведения избирателей на выборах за определенный период [3, 10, 24, 30]; определение основных факторов территориальной электоральной дифференциации или структур [6, 12, 20]. Большинство подобных работ выполнено в рамках «экологического подхода» — проекция социально-экономи-

ческой структуры общества на политическую сферу. Он предполагает определение зависимости результатов выборов от набора стандартных демографических, социальных и экономических показателей (половозрастная структура, уровни доходов, образования, безработицы и т. д.) [17, 20]. В отечественных электорально-географических исследованиях принято абсолютизировать данный количественный (с упором на анализ обширных статистических данных) метод [4], зачастую в ущерб качественным подходам.

В политико-географическом исследовании «очень большое, притом возрастающее значение имеет вторая — районная часть исследования, в которой особенно ярко должно проявиться профессиональное мастерство политико-географа» [19, с. 44]. Электорально-географические особенности иногда выступают как факторы отдельных частей интегральных районирований [27]. Специфика электорального поведения избирателей в пределах района может помочь операции его «распознавания» или определения границ. Однако самостоятельные полноценные электоральные или политико-географические районирования в последние десятилетия встречаются все реже.

Политическая составляющая экономико-географических районов

Истоком электорально-географических исследований на русском языке иногда считают работы В. И. Ленина, посвященные результатам выборов в Российской Империи, западноевропейских странах и США. Разумеется, в советский период было принято искать географические проявления выборов в трудах и других классиков марксизма-ленинизма [1, 5, 14]. Однако первыми большими работами, посвященными именно политической и «избирательной» географии, все-таки стоит считать диссертации О. В. Витковского («Рейнско-Вестфальский район: политико-географическая характеристика», 1954 г.) [9] и А. И. Мухина («Основные черты политической географии Австрии», 1955 г.) [21], защищенные в МГИМО под руководством И. М. Маергойза.

Данные работы, конечно, существенно отличались по структуре и подходам от нынешних электорально-географических исследований. Например, актуальность и важность политической географии в них определялись через экономику и промышленность: Рейнско-Вестфальский район был выбран О. В. Витковским из-за его значимости для экономики ФРГ и силы местного пролетариата [9, с. 7–8]. То есть сначала устанавливались особенности в производственных отношениях и выделялись *экономико-географические районы*, в рамках которых потом рассматривались политико-географические различия.

При таком ортодоксально-марксистском подходе порайонные различия в расстановке политических сил — следствие различий в классовой структуре в сочетании с историческими и этнонациональными особенностями регионов. Политика — производная исключительно от экономики, а политическая география — «отрасль географической науки, изучающая территориальные различия политических, прежде всего *классовых*, сил, их соотношение и сочетания в отдельных странах и районах» [21, с. 231], «...поэтому при политико-географическом районировании надо исходить из *производственных*

отношений и классовой структуры населения» [9, с. 535].

В итоге, по О. В. Витковскому, политико-географическое районирование страны совпадает с экономическим, а политические различия между районами возникают как следствия разных экономических условий. Аналогично и определение внутрирайонной дифференциации: Северный новопромышленный Рур имел ультракоммунистическую политическую ориентацию; Центральный старопромышленный Рур — социал-демократическую («оппортунистскую»); Южный Рур — правую («буржуазную»), то есть христианско-демократическую с умеренной поддержкой левых; а сельский «Не-Рур» — контрреволюционную [9].

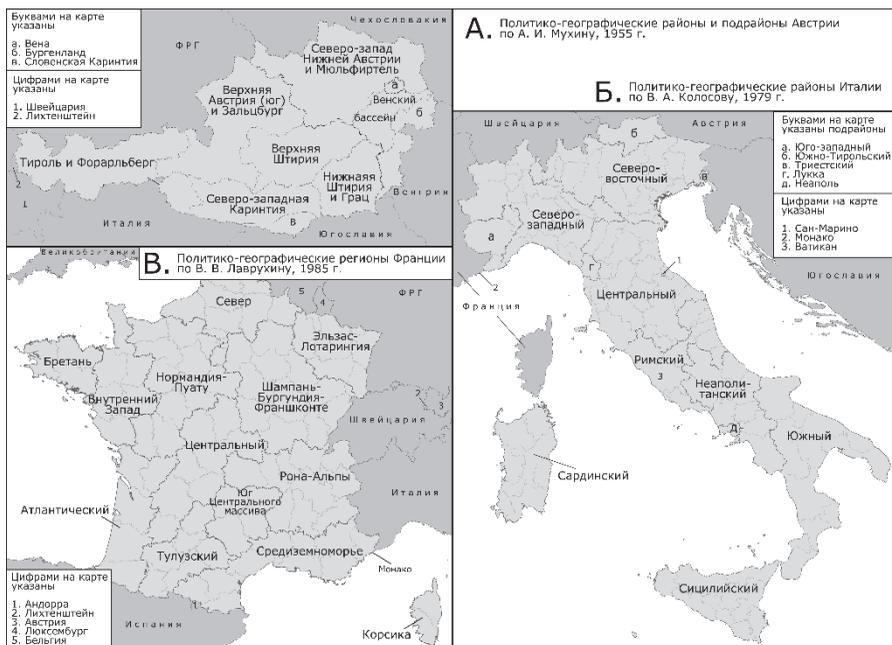

Рисунок 1 — Политико-географические районирования Австрии (А), Италии (Б) и Франции (В)
Источник: составлено автором по [14, 16, 21]

Подход А. И. Мухина в большей степени ориентировался на политические различия между регионами. В основу его «схематичного районирования» (рисунок 1.А) было положено деление Австрии на Западную и Восточную по границе послевоенных оккупационных зон — признак, разграничивавший два основных макрорайона страны [21, с. 252]. Однако в остальном по-районный обзор соответствовал политико-географической характеристике федеральных земель, лишь Верхняя Австрия оказалась разделённой границей оккупационных зон. «Политические лица» земель были определены с опором на данные о социальном и национальном составе населения (Каринтия и Бургенланд выделены как национальные районы) с учётом материалов

о численности членства в политических партиях, влиянии партий и истории массовых движений [21, с. 240, 243].

Впоследствии в 1970–1980-х гг. понимание *политико-географического региона/района* существенно изменилось, однако и после этого можно встретить электорально-географические исследования с подчинением политического экономическому. Например, защищённые в 2002 и 2005 гг. на Географическом факультете МГУ под руководством В. Е. Шувалова кандидатские диссертации А. П. Жидкина [11] и А. А. Белова [4], посвящённые электоральной географии России. Они не проводили собственного электорального районирования РФ, ограничиваясь *типологиями* регионов по электоральному поведению избирателей и устойчивости их электоральных предпочтений.

Интересен их подход использованием не стандартных сеток субъектов РФ, избирательных округов и территориальных избирательных комиссий, а сетки *экономических микрорайонов* Лейзеровича [18] и её производных. Предполагалось, что они представляют собой более удобные (однородные) единицы анализа, для которого облегчалась интерпретация результатов выборов. Например, логичнее выстраивалась последовательность типов районов по изменению влияния той или иной политической силы. Этот подход роднила с подходами О. В. Витковского и А. И. Мухина последовательность проведения исследования, в котором сначала задавались *экономические (мезо-)районы*, а потом по ним вёлся анализ политических особенностей территории.

Политико-географическое районирование

Концептуализация понятия «*политико-географический район*» (ПГР) принадлежит В. А. Колосову (1979 г.): «сложная пространственная социально-экономическая система, характеризующаяся устойчивыми сочетаниями (типом соотношения) политических сил и обуславливающих его комплексом признаков» [14, с. 11]. ПГР выделяется одинаковой реакцией на политические изменения, а ведущий его компонент — крупный город. К другим признакам района относятся: однотипность социально-экономической базы и этнонационального состава населения, соотношения политических сил вне зависимости от конъюнктуры, историческая общность. Отмечалось, что политической географии уже «чужды механические стремления объяснить территориальную расстановку политических сил только экономическими факторами» [14, с. 20].

Основной метод электоральной географии (Колосов впервые использовал термин «электоральная география», ранее не употреблявшийся [14, с. 33]) здесь — соотношение итогов выборов с социальной структурой населения. В проведённом В. А. Колосовым *политико-географическом районировании* Италии (рисунок 1.Б) ПГР сформировались в послевоенный период из-за социально-экономических различий, унаследованных от предыдущих периодов. Система районов закрепились на выборах, а динамика политических предпочтений в них определялась уже общенациональными факторами. Лишь для небольших районов (подрайонов) существенную роль играет

местный контекст (этнонациональный фактор, города). Отметим, что некоторые ПГР (например, Северо-западный) совпадают с *экономико-географическими районами*.

При этом, несмотря на данное определение и список признаков ПГР, районы выделялись преимущественно по количественным параметрам. Основной — соотношение долей голосов на выборах трех основных идеологических групп партий (с учётом среднеквадратичного отклонения). Лишь в случае с Сицилийским районом упоминались качественные характеристики [14, с. 137]. Используемый метод, как и во многих других схемах районирования, хорошо определяет «ядра» районов, однако задача определения их границ остаётся затруднённой.

Аналогичный подход использовал несколько лет спустя В. В. Лаврухин при *политико-географическом районировании* Франции (рисунок 1.В). В его исследовании применялась уже ставшая классической схема политико-географического исследования, подразумевавшая характеристику: 1) истории и географии политических движений; 2) политических партий и избирательной системы; 3) социально-экономической географии; и лишь потом 4) электоральной географии [16]. При этом им отмечалось, что подобные исследования следует сужать до электорально-географических.

В основе районирования все так же оставалась сильная связь между результатами выборов и экономической географией (например, зависимость результатов выборов от размещения крупных промышленных предприятий), хотя больше внимания уделялось социальным факторам. Социально-классовая структура населения напрямую связывалась с территориальным распределением влияния партийно-политических сил [16, с. 13]. Особое внимание уделялось религиозному фактору. Однако данное районирование в первую очередь учитывало (количественно) политическую ориентацию и внутреннюю схожесть районов. «Качественная» политическая самобытность подчёркивалась лишь в случае географически изолированной Корсики [16].

Региональные политические культуры

Другой подход к анализу политической географии стран в те же годы был представлен в диссертации А. Л. Белова «Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и политической культуре» [5]. Он предложил оперировать не *политико-географическими районами*, а *региональными политическими культурами* (РПК), то есть усилить связь электоральной географии с социологией и культурологией. В рамках данного подхода уже не уделяется столь скрупулёзного внимания экономическо-географическим характеристикам и различным политическим движениям. К тому же, по А. Л. Белову, политико-географическое исследование не сводится только к анализу «территориальной расстановки политических сил в стране» [5, с. 11].

Региональные политические культуры — производная от концепции «политических культур», разработанной Г. Алмондом и С. Вербой.

В соответствии с ней, региональная политическая культура — «специфическая политическая субкультура, отражающая региональные особенности в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе действия» [5, с. 139]. РПК выделяются по степени вовлеченности в них избирателей и сообществ, устойчивости/динамичности и степени протестности. Формирование РПК Канады — следствие «ступенчатого освоения обширных пространств» страны [5, с. 32].

Феномен РПК тесно связан с понятием *политического регионализма*, в данном случае трактуемого как выражение в политике обострившихся региональных экономических проблем. Причём это не просто провинциализм, местничество или сепаратизм. Регионализм — различия в групповых интересах жителей разных регионов в совокупности с социально-психологическим элементом осознания принадлежности к определенной территориальной общности.

Как и в случае с ППР, региональные политические культуры, несмотря на сложность и комплексность данных явлений, выявлялись на основе результатов выборов. В первую очередь по степени отклонения результатов «на местах» от общенациональных. Однако канадский политический регионализм добавил ещё один яркий маркер — крайнюю позиционность географии поддержки основных канадских партий. Если на национальном уровне в среднем, например, либералов больше поддерживают в городах, а консерваторов — в сельской местности, то на региональном уровне, например, в Ньюфаундленде наблюдается инверсия данного раскола. Выходцы из Восточной Европы и Скандинавии чаще голосуют за либералов, но в Атлантических и Степных провинциях скорее поддерживают консерваторов. Канадцы голландского происхождения имеют консервативную политическую ориентацию, которая меняется на противоположную в Британской Колумбии. В итоге формируются региональные партийно-политические спектры [5]. Столь разное электоральное поведение можно рассматривать как проявление РПК, причём даже более явное, чем привычно разные степени влияния партий в каких-либо провинциях.

Региональные политические культуры в значении «...особенностей в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе действия» вполне близки к сущности *политико-географических районов*. РПК может выступать в качестве *ядра* политико-географического района, своего рода «регионального синдрома» (по В. Л. Каганскому и А. В. Новикову) — набора признаков, который в данном районе существенно отклоняется от среднего по стране [13]. Например, Р. Ф. Туровский, указавший, что «деление территории на региональные политические культуры — сложнейшая и самая важная задача электоральной географии» [29, с. 193], зачастую употребляет РПК и ППР практически как синонимы. РПК им иногда понимаются как синтетические районы, характеризующиеся неповторимым набором электоральных характеристик и факторов голосования. М. Н. Арбатская в своей диссертации использовала фразу «...районирование

по типам политической культуры» и словосочетание «политико-культурное районирование» [3, с. 25]. Возможно, деление страны на *региональные политические культуры* можно рассматривать как операцию, максимально приближенную к *политико-географическому районированию*.

Электоральное районирование

Дальнейшая концептуализация районирования в политической географии произошла с определением термина «*электоральный район*» в диссертации К. Э. Аксёнова «Политико-географические основы функционирования политической системы США», 1989 г. Данное определение — «пространственная социально-политическая система, характеризующаяся однородностью поведения избирателей на выборах внутри составляющих её территориальных единиц и существенно отличающаяся от соседей» [1, с. 118] — напрямую вытекало из определения ПГР по В. А. Колосову. При этом автор не соглашался с некоторыми частями определения ПГР, например, с тем, что обязательная основа района — крупный город (подчёркивалась «азональность» голосования в городах [1, с. 105] и его неподверженность влиянию окружающего района). Другое направление критики предыдущих исследований — частое представление районирования по сходству голосований в рамках электоральной географии как *политико-географического районирования*, хотя высказывалось мнение, что ПГР должен быть более комплексным явлением, чем *электоральный район* [1, с. 117].

Были уточнены и некоторые другие политико-географические понятия. Например, по В. С. Ягье, *политико-географическое пространство* — «наложение политико-географических процессов на физическое пространство» [31, с. 74], тогда как, по К. Э. Аксёнову, это «не пространство физических тел, в котором осуществляется политическая деятельность, а *сама эта деятельность*, взятая с атрибутивной точки зрения» [1, с. 12]. Одна из задач исследования формулировалась как «показать роль политико-географических мест как основы формирования устойчивых “вертикальных” социальных общностей, выступающих в качестве особых факторов давления при формировании политической системы» [1, с. 18]. То есть место может восприниматься уже не как контейнер для наблюдаемых процессов, а как *фактор этих процессов*. Здесь нам видится влияние Л. В. Смирягина: «территориальная дифференциация есть не только условие протекания политических процессов, но и *причина*, обуславливающая их возникновение, особенности и сущность» [25, с. 13]. К тому же в своём *электоральном районировании* США (рисунок 2) К. Э. Аксёнов делал отсылки к районированию Л. В. Смирягина, сравнивая полученные сетки районов.

К другим подобным сходствам можно отнести использование «*плавающих признаков*» — на Юге доля «третьих» кандидатов, разница в голосовании между партиями и доля победителя неплохо подчёркивают границы Аппалачей и Озарков, а уровень абсентеизма — границы «Черного пояса» и Флориды; описание сути «*безграницного районирования*»: «приграничные районы

не являются “полномочными представителями” своих районов» [1, с. 129]; выделение *иерархии районов*. Характерно, что в определении районирования как процесса «выявления, упорядочения, классификации и интерпретации пространственных сходств и различий» [1, с. 113] — использовалось именно слово «*выявление*», тогда как, например, А. И. Мухин говорил о «*выделении*» районов [21, с. 241].

Рисунок 2 — Политико-географическое районирование США по К. Э. Аксенову, 1989 г.
 Источник: составлено автором по [1]

Электоральный район К. Э. Аксёновым определялся как результат *частного районирования*, тогда как ПГР — *интегрального*. Сам электоральный район не существует в единственном варианте: многоуровневость выборов порождает *множественность схем районирования* одной и той же территории по, казалось бы, одному и тому же принципу. Однако интегральный электоральный район не равен сумме частных, а выделяется по ключевым («узловым») характеристикам. При этом отметим, что данное районирование США все же представляло собой результат преимущественно количественного анализа (по степени отклонения голосования в регионе от общенациональной схемы и корреляциям динамики рядов голосований).

Параллельно в то же время велась работа по анализу итогов выборов народных депутатов СССР 1989 г., результатом которой стала книга «Весна 89. География и анатомия парламентских выборов». В ней проводилось электоральное районирование страны (рисунок 3.А), хотя авторы подчёркивали условность полученных районов. Отчасти, из-за недостаточности

материала (всего одни выборы), но во многом из-за того, что «часть страны представляет собой довольно сложную и пёструю, с точки зрения электорального поведения, композицию без отчётливой внутренней структуры» [7, с. 125]. Первым подходом к *районированию* была *кластеризация* территориальных ячеек по нескольким электоральным переменным с учётом соседства, однако результат оказался неудовлетворительным, что потребовало проведения «*экспертного районирования*» [7, с. 133].

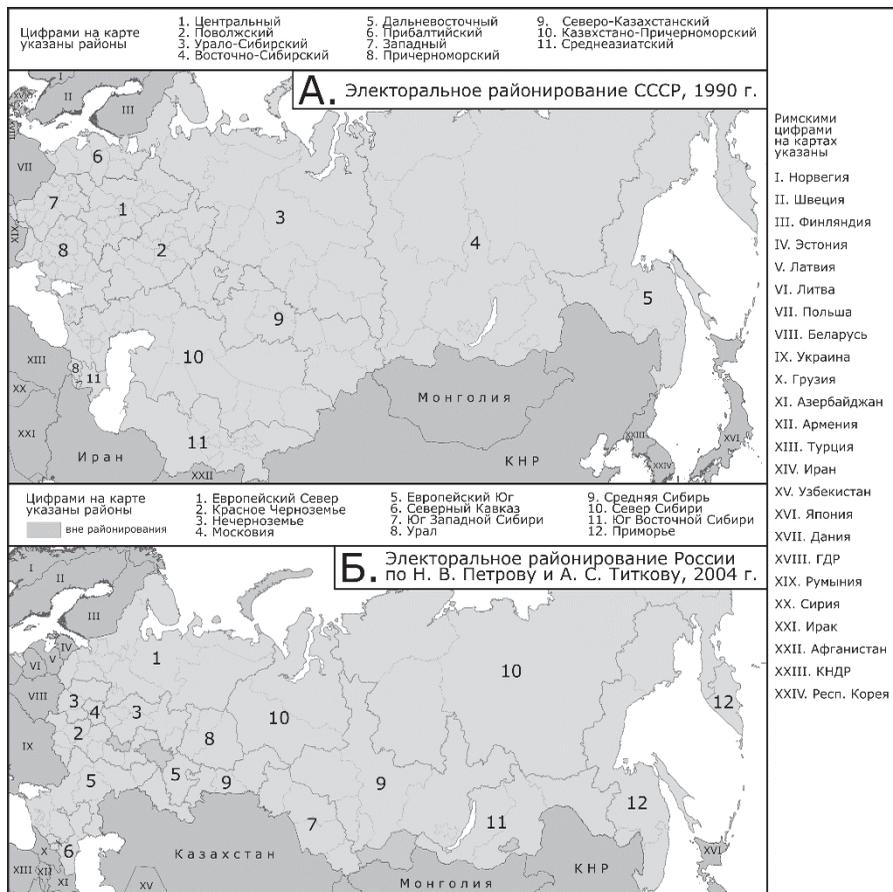

Рисунок 3 — Электоральные районы СССР (А) и России (Б)
 Источник: [7, 23]

Впоследствии Н. В. Петровым⁶⁰, одним из соавторов данного районирования, и А. С. Титковым было выполнено несколько вариантов электорального районирования РФ по итогам выборов 1990–2000-х гг. (рисунок 3.Б).

⁶⁰ Внесён Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

Однако в их работах районирование уже воспринималось не как «венец электорально-географического исследования», а как один из многих приёмов.

Более значимое положение занял «*электоральный ландшафт*» — «целостная, воспроизводящаяся от голосования к голосованию система закономерно связанных между собой во времени и пространстве элементов электорального поведения социумов, а также факторов, их определяющих» [23, с. 18]. Предлагалось воспринимать электоральное пространство не дискретно, через призму районов, а континуально, как непрерывное поле; представлять электоральную дифференциацию с помощью градиентов и изолиний — «изоэлект» [28, с. 25]. Районы же выступали как макроструктурные элементы (плиты) этого ландшафта. Они выделялись путём, по сути, *кластеризации* регионов по сходству электоральных предпочтений. Районирования по отдельным выборам накладывались друг на друга, образуя структуру с односторонними ядрами районов и разной степени чёткости границами между ними [23].

В своей диссертации А. С. Титков привёл качественную критику предыдущего опыта электорального районирования разных стран, указывая, например, на несоответствие некоторых схем *районирования* названию, в результате чего даже вывел их в отдельный тип, разграничивая их и районирование по тем же принципам, что и в других географических дисциплинах [28, с. 149]. Диагностировалось и то, что районный подход для анализа географии выборов в России почти не прижился, а вместо него обычно производится определение конфигурации территориальных электоральных структур [28, с. 152]. В итоге было предложено *отказаться от районирования* как повсеместного метода электорально-географических исследований России в пользу концепции электорального ландшафта.

Представленный подход хорошо зарекомендовал себя для анализа российских выборов, на которых наблюдается не столько районообразование, сколько градиентные расколы между северными и южными регионами, центрами и периферией, городами и сельской местностью. Однако подобный взгляд может оказаться столь же неэффективным, как и районный подход в России, в контексте других стран, для которых свойственна сильная фрагментация электорального пространства. Автор сам оговорился об этом, приводя пример Украины [28, с. 154].

Эрзац-районирование

На современном этапе развития дисциплины районирование остаётся распространённым методом электорально-географических исследований. Однако зачастую под районированием понимаются совершенно иные операции. Например, В. Б. Лебедев предложил схему *политико-географического районирования* Индии (рисунок 4), представляющую собой сумму частных, основанных на *классификации* результатов отдельных выборов по силе влияния нескольких основных групп политических партий [17]. «Устойчивый электоральный район» в данном случае определялся как «район стабильного и

достаточно высокого влияния определенной партии либо группы идеологически близких политических партий» [17, с. 191]. Речь шла не о районе в классическом понимании, а о группе территориальных ячеек с устойчиво высоким уровнем поддержки некой политической силы. Местами электоральный район прямо назывался «*ареалом* влияния партии» [17, с. 4]. К тому же автор сам отмечал отсутствие при таком методе «районообразующих ядер» [17, с. 68]. К подобным ядрам или полноценным (макро)районам можно отнести, например, упоминаемый автором «пояс хинди» [17, с. 49].

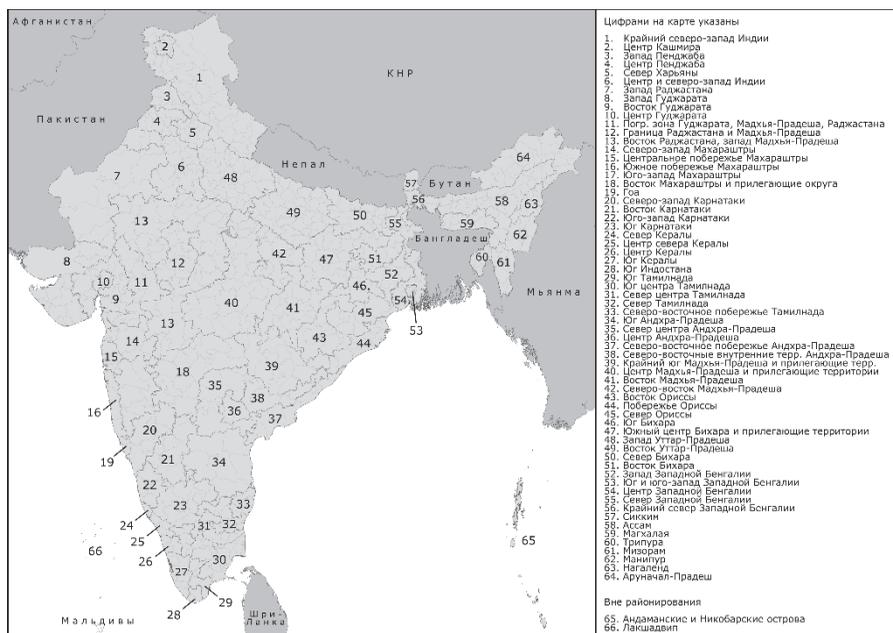

Рисунок 4 — Политико-географическое районирование Индии по В. Б. Лебедеву, 1998 г.
 Источник: составлено автором по [17]

К заслуживающим внимания результатам данной работы относится введение термина «*центр политогенеза* — ареал зарождения ярко выраженной региональной политической подсистемы, существующей в рамках общенациональной политической системы» [17, с. 129], который тоже вполне можно было бы использовать для поиска районообразующих ядер. В работе также отмечалось, что выделенные ППР находятся на разных стадиях формирования [17, с. 167]. Ранее данный аспект практически не рассматривался. Проблематизировались *лакуны*, возникшие из-за «политической аморфности значительной части страны [17, с. 180]. Было и противоречие с результатами других исследований — автор утверждал, что «изменения политических предпочтений жителей городов не отличаются от политической эволюции окружающих территорий» [17, с. 168]. Это утверждение интересным образом

сочетается с тезисом И. М. Маергойза: «в ряде случаев политико-географическое районирование может вообще проводиться по крупным городским центрам, идеологическое влияние которых ещё более велико, чем хозяйственное» [19, с. 45]. Отсюда следует возможность не только однородного, но и *узлового электорального районирования*.

Район в значении «*ареал*», «*область*» или «*зона*» использовался и Д. В. Визгаловым в его диссертации «Политическая география Великобритании: оценка территориально-политической устойчивости как элемент политико-географического районирования», 1999 г. [8]. При этом в работе проводилась *типология* избирательных округов по степени устойчивости электоральных предпочтений, например, выделялись «устойчиво колеблющиеся округа». *Политико-географическое районирование* Великобритании содержало лишь список из нескольких регионов-ядер с устойчиво высокой поддержкой основных политических партий [8, с. 124], что вряд ли можно соотнести с ядрами полноценных электоральных районов.

В диссертационном исследовании «Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования», 2017 г. П. С. Варюшин своей сетки электоральных районов США не предложил, остановившись на выделении *территориальных электоральных структур* и четырёх типов «*электоральных рисунков*». Однако в тексте полученные результаты несколько раз назывались «*районированием*, проведённым в рамках факторного анализа...» [6, с. 43]. Электоральный район здесь тоже понимался лишь как «район с устойчивыми политическими предпочтениями». Однако данное исследование важно введением в контекст российских электоральных исследований и качественной концептуализацией понятия «*электоральная эпоха*» — «период времени, в котором сохранялась определенная территориальная структура поддержки политических сил» [6, с. 37]. Данное понятие отсылает к концепции «*нормального голосования*» по Ф. Конверсу — сущностно нечто похожее на концепцию периодов «нормальной науки» по Т. Куну [32]. Именно в пределах электоральных эпох или периодов «нормального голосования» уместно говорить о каких-либо устойчивых закономерностях и районах.

Аналогичная проблема наблюдается и в диссертационном исследовании М. И. Кришталя «Электоральное пространство Калининградской области в системе социально-политических отношений», 2017 г. Выделенные в ней «четыре *электоральных района* Калининградской области, в которых сформировались довольно устойчивые специфики электоральных предпочтений» [15, с. 21] тоже представляли собой *ареалы* с повышенной поддержкой определенной группы политических сил. Де-факто проведена *типология*, а не *районирование*. Произведена *кластеризация* предзаданных (дискретных) административно-территориальных единиц по результатам голосований, а не *членение континуального пространства* на осмысленные части. Например, «приморский район» представлял собой не сплошное пространство, а группу из нескольких не соседствующих единиц АТД. При этом

под электоральным районом в диссертации понимался «неформальный географический *регион*, включающий в себя муниципальные образования со схожей *электоральной культурой*, устоявшейся с течением времени» [15, с. 37]. В других местах проводимая операция все же называлась «электоральной *типологией* муниципальных образований» [15, с. 77].

Другая проблема — использование термина «*районирование*». Под ним автор понимал не выделение/выявление районов, а *географию поддержки* политических партий и кандидатов. Например, «...кластеризация участников выборов проведена в соответствии с общностями их *электорального районирования*» [15, с. 5]. То есть участники выборов для удобства сравнения результатов разных электоральных мероприятий группировались не по идеологическому принципу, а по степени корреляции распределения их поддержки по территории («корреляционное размещение явлений» по Э. Б. Алаеву [2]) В итоге устойчивость *географии голосования* за партию или кандидата называлась в диссертации «стабильностью *электорального районирования* участника выборов» [15, с. 55].

Ещё один пример подобного «*эрзац-районирования*» — «*автоматические районирования*» в работе Д. Д. Орешкиной «Картографический метод в исследовании электорального поведения населения Российской Федерации» [22, с. 167]. По сути, это кластеризация ячеек по нескольким электоральным показателям с группировкой в рамках территориально-связного ареала, хотя речь шла о выделении районов с разными *электоральными культурами* [22, с. 2].

Подобный подход используется и в диссертации А. А. Белова, один из разделов которой посвящён электоральному *районированию* Московской области [4, с. 321]. При этом районирование в данном случае было лишь *типологией* единиц АТД региона по результатам выборов. В диссертации М. Н. Арбатской, одна из заявленных целей которой — проведение *электорального районирования*, политико-культурное районирование определялось как «*классификация* пространства, отражающая существующие в реальности историко-географические типы» [3, с. 22].

Заключение

За последние 70 лет политико-географическое и электоральное районирование в нашей стране прошли несколько этапов концептуализации. В общих чертах, используя «районную оптику», можно разделить их на три группы: использующие районирование или сходные (РПК) методы; имитирующие районирование; не использующие районирование.

Расцвет первой группы пришёлся на 1980-е гг., хотя по другим географическим дисциплинам число соответствующих работ к этому моменту уже почти сошло на нет [26, с. 13]. Понимание сначала политико-географического, а потом электорального районов изменилось от политического проявления экономико-географических районов до самостоятельных, самодостаточных и комплексных географических объектов. Однако по разным причинам

произошло постепенное выморачивание районирования как метода исследования. В большинстве работ оно просто перестало употребляться или лишь упоминалось в теоретических разделах. В немногочисленных других оно свелось к «эрзац-районированию» — определению электоральных районов как районов устойчиво высокой поддержки той или иной группы политических сил или типологиям единиц АТД по электоральным показателям, что принципиально отличается от политико-географического районирования по В. А. Колосову или электорального районирования по К. Э. Аксёнову. В большинстве таких относительно недавних работ пространство/место воспринималось как пассивное вместилище политических процессов, а не как полноценный фактор этих процессов. В других же исследованиях районирование не рассматривалось сознательно.

Многие актуальные вопросы остались практически без внимания. Например, почти не рассматривалась проблема «районируемости» в электоральном контексте. Л. В. Смирнягин определял её как «очевидность или затруднённость выявления территориальных частей страны» [26, с. 13]. Например, районируемость России, как было показано А. С. Титковым, весьма затруднительна, тогда как районируемость некоторых стран Западной Европы относительно очевидна. При этом, разумеется, преобладают «страны смешанного типа, где лишь в некоторых местах явственно проступают “очевидные” районы, в остальном же районы приходится выявлять с помощью разных методов и процедур» [26, с. 14].

Список литературы

1. Аксёнов К. Э. Политико-географические основы функционирования политической системы США: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1989. — 204 с.
2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М., «Мысль», 1983. — 350 с.
3. Арбатская М. Н. Структура и динамика регионального электорального пространства: на примере Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Иркутск, 2002. — 267 с.
4. Белов А. А. Факторы территориальной дифференциации электорального поведения населения России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2005. — 333 с.
5. Белов А. Л. Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и политической культуре: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1983. — 194 с.
6. Варюшин П. С. Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2017. — 250 с.
7. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Под ред. В. А. Колосова и др. — М.: Прогресс, 1990. — 380 с.
8. Визгалов Д. В. Политическая география Великобритании: оценка территориально-политической устойчивости как элемент политико-географического районирования: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1999. — 200 с.

9. Витковский О. В. Рейнско-Вестфальский район: политико-географическая характеристика: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1954. — 637 с.
10. Данзанов Е. С. Пространственно-временная структура электоральных предпочтений в Республике Бурятия: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Улан-Удэ, 2010. — 221 с.
11. Жидкин А. П. Территориальные различия в структуре и динамике электоральных предпочтений населения России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2002. — 222 с.
12. Журавлев А. Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 1993. — 250 с.
13. Каганский В. Л., Новиков А. В. Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1989. — № 1. — С. 112–119.
14. Колосов В. А. Проблемы политической географии Италии: по материалам парламентских выборов 1953–1976 гг.: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1979. — 277 с.
15. Кришталь М. И. Электоральное пространство Калининградской области в системе социально-политических отношений: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Калининград, 2017. — 135 с.
16. Лаврухин В. В. Электоральная география Франции: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1985. — 225 с.
17. Лебедев В. Б. Политическая география Индии: эволюция электоральной структуры в период независимости: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1998. — 313 с.
18. Лейзерович Е. Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). — М.: Трилобит, 2004. — 128 с.
19. Маергойз И. М. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — Вып. 1. — М.: ИЛА АН СССР, 1971. — С. 33–50.
20. Михайлов А. С. Пространственная структура электоральных предпочтений в России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 2001. — 151 с.
21. Мухин А. И. Основные черты политической географии Австрии: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1955. — 440 с.
22. Орешкина Д. Д. Картографический метод в исследовании электорального поведения населения Российской Федерации: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2006. — 165 с.
23. Петров Н. В., Титков А. С. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ электоральной динамики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2004. — № 3. — С. 18–31.
24. Сегал Е. А. Политическая география Швейцарской Конфедерации в условиях интегрирующейся Европы: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2006. — 179 с.

25. Смирнягин Л. В. Актуальные проблемы политической географии // Политическая география: проблемы и тенденции. — Баку, АзГУ, 1987. — С. 13–16.
26. Смирнягин Л. В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2011. — № 6. — С. 13–19.
27. Смирнягин Л. В. Районирование общества: теория, методология, практика: на материалах США: Дисс. ... док. геогр. наук. — М., 2005. — 296 с.
28. Титков А. С. Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века: по материалам выборов в Государственную думу 1906–1912 годов: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2008. — 301 с.
29. Туровский Р. Ф. Политическая география. Учебное пособие. — Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. — 381 с.
30. Черенев А. А. Территориальная дифференциация электоральных процессов муниципального уровня: на примере Иркутской области: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Иркутск, 2010. — 153 с.
31. Ягья В. С. Пространство в политической географии (постановка проблемы) // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. — 1984. — С. 73–79.
32. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. — Chicago: University of Chicago press, 1997. — 212 p.

Кубинцы в США: особенности современного электорального поведения

Aleksandrova A. I., Pavlyuk S. G.

Cubans in the USA: Features of Modern Electoral Behavior

Аннотация

Среди представителей латиноамериканского меньшинства кубинская диаспора США имеет специфические особенности расселения, культуры и электорального поведения. Детальное исследование электоральных предпочтений кубинского этнического меньшинства, проживающего в метрополитенском статистическом ареале (МСА) Майами, где концентрируется более 40 % всех кубинцев, живущих на территории США, было выполнено на основе данных по голосованию на Президентских выборах, выборах в Сенат США и штата Флорида, а также в Палату Представителей США и штата Флорида за 2012–2022 гг. Использование количественных методов показало существенную неоднородность внутри кубинской диаспоры по характеру голосования на выборах. Это вызвано увеличивающейся долей миллениалов в структуре политически активного кубинского населения, которые в последние годы склонны поддерживать Демократическую партию. Качественная оценка результатов голосования на выборах подтвердила, что республиканцы остаются основной политической силой представителей кубинской диаспоры как на уровне штата Флорида, так и на уровне отдельных графств в составе МСА Майами. Тем не менее, немалую роль играет фактор личности кандидата, что иногда имеет большую ценность, чем его партийная принадлежность. За последние 10 лет электоральные предпочтения кубинского меньшинства, проживающего в Майами, кардинально не менялись. Однако за этот период происходило как увеличение доли проголосовавших за Республиканскую партию (2012–2014 гг. и 2018–2022 гг.), так и за Демократическую партию (2014–2018 гг.).

Ключевые слова: кубинцы в США, электоральная география, Майами.

Abstract

Among the Latin American minority, the Cuban diaspora in the United States has specific features of settlement, culture, and voting behavior. A detailed study of the electoral preferences of the Cuban ethnic minority living in the Miami Metropolitan Statistical Area (MSA), where more than 40 % of all Cubans living in the United States are concentrated, was conducted. Voting data in the Presidential elections, the US Senate and Florida State elections, and the US House of Representatives and Florida State elections for 2012–2022 was used. Applied quantitative methods showed significant heterogeneity within the Cuban diaspora in terms

of voting patterns. This is due to the increasing share of millennials in the structure of the politically active Cuban population, who in recent years have tended to support the Democratic Party. A qualitative assessment of the voting results in the elections confirmed that the Republicans remain the main political force among the Cuban diaspora representatives both at the Florida state level and at the level of individual counties within the Miami MSA. However, the personality of the candidate plays a significant role, which is sometimes more valuable than his party affiliation. Over the past 10 years, the electoral preferences of the Cuban minority living in Miami have not changed dramatically. However, there was an increase in the share of voters for the Republican Party (2012–2014 and 2018–2022) and for the Democratic Party (2014–2018).

Key words: Cuban Americans, electoral geography, Miami.

Введение

США на протяжении всей своей истории заселялись иммигрантами, представляющими различные расы и этносы. В XXI в. в этой стране происходят масштабные демографические изменения. Основным вклад в эти преобразования вносит латиноамериканское этно-расовое меньшинство, среди которого представители кубинской диаспоры на сегодняшний день занимает третье место по численности населения среди латиноамериканцев [11].

На фоне других этнических групп испаноязычного населения Соединённых Штатов кубинцы имеют специфические особенности расселения, культуры и электорального поведения. Две трети представителей кубинской диаспоры в США (65 %) проживает в штате Флорида, причём в его южной части, которая географически ближе всего расположена к Кубе. В ходе иммиграции кубинцы привнесли в эти места особый быт и культуру, которые чётко идентифицируют их этническую общность в городском пространстве. От степени устойчивости социальных связей кубинцев, проживающих в этнических кварталах, и их численности зависит, за кандидата от какой партии будет отдано предпочтение на выборах самого разного уровня: от выборов сенаторов в администрацию штата до выборов на федеральном уровне. Кроме того, электоральные предпочтения кубинцев, которые традиционно связаны с Республиканской партией, по мере прибытия новой волны иммигрантов и взросления очередного поколения кубинцев активно трансформируются. Такие изменения даже на микроуровне (кварталы городов), способны оказать существенное влияние на исход выборов в общенациональном масштабе и, как следствие, на государственную политику на ближайшие несколько лет.

Кроме того, последние 20 лет вместе с абсолютным числом кубинцев, обладающих правом голоса, увеличивается и их доля в числе избирателей, хотя данная величина не столь существенна в масштабе не только всего населения страны, но и её граждан латиноамериканского происхождения. На 2000 г. кубинских избирателей было около 1 млн человек, а в 2020 г. их стало чуть более 1,9 млн человек. Тем самым, численность политически активных представителей кубинской диаспоры выросла соизмеримо с общим

числом представителей данной этнической группы [5]. Это позволяет судить о том, что роль кубинцев в политической жизни Соединённых Штатов в местах их наибольшей концентрации весома и продолжает укрепляться на каждых президентских и парламентских выборах.

Методы

В качестве сведений об электоральных предпочтениях кубинцев использованы результаты голосования на президентских выборах, а также выборах в Конгресс США в 2012, 2014, 2016, 2018, 2020 и 2022 гг. Это позволило, во-первых, сформировать образ кубинцев как политически активную единицу американского общества, а, во-вторых, оценить вклад проживающих в том или ином округе представителей кубинской диаспоры на результаты голосования внутри штата. Очевидно, что лишь в небольшом количестве штатов и округов влияние кубинцев на политический аспект жизни страны существенно, поэтому данная часть исследования затронула только те территориальные единицы, в которых кубинское население превышает среднее по США значение.

Детальное исследование электоральных предпочтений кубинского этнического меньшинства выполнено для проживающего населения в метрополитенском статистическом ареале (МСА) Майами как территории, где концентрируется более 40 % всех кубинцев, живущих на территории США. Это заставляет сразу избрать подход в изучении электоральных предпочтений на микроуровне по округам, сформированным вокруг избирательных участков (“precinct”).

При анализе результатов различных видов выборов было задействовано несколько методик.

Для характеристики электоральной территориальной структуры Флориды на примере кубинской диаспоры использовано три количественных показателя: коэффициент перераспределения, коэффициент вариации и адаптированный расчёт методом «сдвиг-доля». Эти показатели впервые были применены для оценки динамики и выявления факторов формирования электоральной структуры США в кандидатской диссертации П. С. Варюшина [1]. Значения данных коэффициентов для всей территории США и для штата Флорида, используемых в качестве сравнения, берутся из текста диссертации, а расчёты по этим же показателям для кубинской диаспоры выполнены на основе методики автора диссертации.

При использовании *коэффициента перераспределения* определяется, насколько изменяется структура поддержки политических сил на территории за период времени на региональном и национальном уровнях. Голоса, отданные за кандидатов от Демократической и Республиканской партии, были нормированы в соответствии с результатами голосования на уровне округа Майами-Дейд, чтобы учесть ситуацию внутри каждой территориальной единицы — избирательного участка. Главным критерием для оценки электоральной ситуации на каждом избирательном участке было соотношение результатов кандидатов от двух главных партий, нормированное по отношению

к среднему показателю по стране. Для этого применяется следующая формула:

$$\frac{D}{R} = \frac{\left(\frac{N_{\text{Демократ}}}{N_{\text{Республиканец}}}\right)_{\text{избирательных участков}}}{\left(\frac{N_{\text{Демократ}}}{N_{\text{Республиканец}}}\right)_{\text{графств}}},$$

где N — это число голосов, отданных за кандидата на избирательном участке либо в графстве, D и R — нормированные значения результатов голосования за Демократическую и Республиканскую партии соответственно.

Полученный результат может изменяться в диапазоне от бесконечно малого положительного до бесконечности. При этом значения в интервале от 0 до 1 иллюстрируют, что данная территориальная единица в ходе определенного голосования в большей степени поддержала Республиканскую партию, чем Демократическую, значения больше 1 отражают победу кандидата от Демократической партии над кандидатом-республиканцем.

Для подсчёта коэффициента перераспределения полученные ранее нормированные значения соотношения голосов за демократов и республиканцев были выстроены в ряды и проранжированы от максимального к минимальному [ранг номер 1 для избирательного участка с наибольшим значением коэффициента]. Эта операция выполнялась для каждого голосования в пределах каждого избирательного участка отдельно и для округа в целом. Далее была определена разница в рангах штата или графства между двумя последовательными голосованиями.

Коэффициент перераспределения по избирательным участкам между двумя голосованиями определяется по формуле:

$$K_{\text{перераспределения}} = \frac{\sum P}{P_{\text{max}}},$$

где $\sum P$ — это количество изменений порядка голосования между двумя последовательными этапами во всех территориальных единицах, а P_{max} — максимально возможное количество изменений порядка в данном ряду, которое может быть вычислено по следующим формулам.

Для нечётного числа территориальных единиц в ряду:

$$P_{\text{max}} = \frac{n^2 - 1}{2}$$

Для чётного числа территориальных единиц в ряду:

$$P_{\text{max}} = \frac{n^2}{2},$$

где n — число территориальных единиц.

Коэффициент может варьироваться в диапазоне от 0 до 1. Значения, близкие к 0, указывают на незначительные изменения в организации избирательных предпочтений на территории за данный период, в то время как значения, приближающиеся к 1, свидетельствуют о глубокой реконфигурации избирательной картины на этой территории. Коэффициент, равный 1, указывает на полную перестройку территориальной организации избирательной поддержки [1].

Вычисление *коэффициента вариации* помогает определить,

насколько неравномерно распределена электоральная поддержка на территории и насколько выражена политическая поляризация. Для измерения изменений внутренних территориальных диспропорций в электоральных предпочтениях кубинцев был использован коэффициент вариации, рассчитываемый по формуле:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{x}},$$

где σ — среднеквадратическое отклонение величины нормированного отношения голосов, отданных за Демократическую и Республиканскую партии для каждого избирательного участка. а \bar{x} — выборочное среднее значение нормированного отношения голосов, отданных за Демократическую и Республиканскую партии в данной совокупности. Коэффициент изменяется в диапазоне от 0 до бесконечности. Низкие значения коэффициента указывают на относительную политическую однородность территории, а высокие значения говорят о значительных диспропорциях в поддержке политических сил.

Метод «сдвиг-доля» позволяет анализировать соотношение и роль национальных, структурных и местных факторов в динамике электоральной поддержки, выявлять региональные особенности их влияния. По структурными факторами здесь понимаются социально-экономическая и демографическая структура населения на территории. Метод «сдвиг-доля», адаптированный для электоральных исследований в кандидатской диссертации П. Варюшина, направлен на анализ внутрирегиональных различий (в данном случае — различий в характере голосования между избирательными участками в графстве или избирательном округе) и выявление причин, вызывающих эти различия. Для данного исследования, поскольку нормирование показателей производилось по результатам Республиканской партии как той политической силы, которую поддерживают кубинцы, положительное значение показателя «сдвиг-доля» иллюстрирует рост поддержки Республиканской партии в сравнении с предыдущей избирательной кампанией, а отрицательное — увеличение доли поддержки в пользу Демократической партии [1].

Для рассмотрения результатов выборов в Палату Представителей США и местные выборные органы авторами статьи использованы не только число кубинцев, участвующих в голосовании, но и данные о принадлежности к кубинской диаспоре кандидатов от избирательных округов и победителей в них. Кандидаты кубинского происхождения выбирались из числа кандидатов на место в Палате Представителей и местные органы власти на основе изученных биографий кандидатов, в которых особенно обращалось внимание на места рождения избираемых лиц и членов их семьи. Они определялись на основе биографических данных, опубликованных на политическом ресурсе Ballotpedia и на сайтах кандидатов [6].

Другая методика изучения электоральных предпочтений кубинского населения США основана на *качественной оценке* результатов голосования на выборах более локального охвата. Эта оценка проводилась с учётом знания биографий баллотирующихся кубинских кандидатов. Учитывались ситуации,

при которой кубинский кандидат одерживал победы в избирательном округе на выборах. Особое внимание обращалось на принадлежность к Демократической или Республиканской партии кандидатов и победителей выборов среди кубинцев. Данный подход, основанный во многом на качественной оценке биографии кандидата и переводом полученных результатов в количественные показатели, позволяет рассмотреть частности в особенностях голосования кубинской диаспоры. Схожий метод был апробирован в рамках написания одним из авторов статьи курсовой работы, посвящённой изучению вовлечённости латиноамериканцев в электоральные процессы, и в докладах на студенческой конференции «Максаковские чтения» [2]. На основе данных о числе всех кандидатов, которые баллотировались в кандидаты на место в Палате Представителей, и должностных лиц кубинского происхождения, которые принимали участие в данном процессе, была рассчитана процентная доля кубинцев среди всех кандидатов.

Результаты и выводы

Прежде чем перейти к интерпретации полученных результатов в ходе апробации количественной и качественной методик оценки электоральных предпочтений кубинского меньшинства в США, рассмотрим характерные черты электората данной диаспоры.

Кубинцы традиционно считаются самыми активными избирателями среди всех этнических меньшинств латиноамериканского населения. По данным исследования Pew Research Center в 2013 г. явка кубинцев на президентских выборах 2012 г. в среднем по стране составила 67,2 %. Этот показатель превышает среднее значения явки по стране на 8–10 п. п.

При соотношении явки кубинцев и таких характеристик, как возраст, уровень образования и длительность проживания, просматривается следующая закономерность: чем ниже уровень образования и чем меньше кубинцев проживает в Соединённых Штатах, тем ниже явка на выборах среди данной группы населения [11].

Кубинцы — одна из немногих латиноамериканских национальностей, представители которой на выборах поддерживает преимущественно Республиканскую партию наряду с венесуэльцами и никарагуанцами. Это связано с тем, что нынешняя политика Демократической партии направлена на восстановление дипломатических отношений между США и Кубой, тогда как большинство кубинцев в США, как потомки беженцев режима Кастро, придерживаются противоположных взглядов. В ходе последних двух президентских выборов в 2016 и 2020 гг. кандидат от Республиканской партии среди кубинцев получал 54 % и 58 % голосов соответственно [9, 10]. Однако кубинские американцы и их электоральные предпочтения меняются. Эта группа всё больше склоняется к поддержке Демократической партии, поскольку среди избирателей, всё больше рождённых уже не на Кубе, а в США, и молодым людям свойственны либеральные и демократические взгляды [3].

Основной причиной прироста кубинского электората служит

не столько иммиграция, сколько увеличение числа и доли молодёжи, или миллениалов⁶¹, среди лиц, обладающих правом голоса на выборах. Кубинцы-миллениалы составляют 42 % кубинского электората. Большое количество кубинских избирателей-миллениалов отражает чрезмерное значение молодёжи в кубинском населении, родившемся в США, и как источник роста числа кубинцев, имеющих право голоса. Средний возраст кубинцев, родившихся в США, составляет около 20 лет, и кубинская молодёжь будет основной движущей силой роста числа кубинцев, имеющих право голоса, в течение следующих двух десятилетий [4]. Они придерживаются преимущественно либеральных взглядов, а также, по мнению экспертов Pew Research Center, на их электоральные предпочтения мог повлиять фактор популярности кандидатов от Демократической партии в то время, когда миллениалы формировали собственное политическое мировоззрение [7].

Если рассмотреть расселение кубинцев по графствам и более мелким территориальным единицам на всей территории США, то важно отметить, что только в некоторых частях страны влияние кубинцев на результаты выборов будет оказывать существенное влияние. Эти места приурочены к центрам концентрации кубинской диаспоры: в штате Нью-Джерси (называемом «Гаваной на Гудзоне») и во Флориде, в частности, в Майами. Поэтому электоральное поведение кубинцев в масштабе страны носит локальный характер. При этом Флорида — ключевой штат, где на нескольких последних выборах решался исход выборов в стране (например, президентские выборы 2000 и 2016 гг.). Поэтому борьба за кубинский электорат и его мобилизация очень важны несмотря на то, что это — всего несколько сотен тысяч избирателей, живущих компактно в Майами. Поэтому каждый мандат в Сенате США имеет весомую роль (штаты Флорида и Нью-Джерси как центры тяготения кубинского населения в США — суммарно четыре мандата).

Вернёмся к рассмотрению пространственных закономерностей электорального поведения кубинского населения США. Для мест проживания кубинской диаспоры значения коэффициента перераспределения представлены в таблице 1.

Таблица 1 — Коэффициент перераспределения для зоны концентрации проживания кубинской диаспоры в Майами

	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Президентские выборы	-	0,150	-	0,179	-
Выборы в Сенат США	-	0,136	0,102	-	0,151
Выборы в Палату Представителей США	0,162	0,134	0,201	0,103	0,134

Составлено авторами по данным Florida Department of State [8]

Средние значения, рассчитанные в кандидатской диссертации П. Ваярушина по данному показателю для Президентских выборов по штату Флорида и США в целом составляют 0,08 и 0,07 соответственно [2]. Тем временем,

⁶¹ Миллениалы (англ. «Millenials») — поколение родившихся в последние два десятилетия XX в. и в первые годы XXI в.

для кубинского меньшинства, проживающего на территории Майами этот показатель на Президентских выборах равен 0,18 в 2020 г. и 0,15 в 2016 г. Это говорит о повышенной степени трансформации электорального ландшафта территории, на которой проживают кубинцы. Вероятно, это обуславливается тем, что избирательные участки находятся в колеблющемся штате, где кубинский электорат может внести решающее значение в том, в чью пользу пойдут голоса выборщиков. Увеличивается доля кубинского населения за счёт миллениалов, которые тяготеют к голосованию в пользу Демократической партии. Возможно, по этой причине в соответствии с данными расчётами кубинский электорат демонстрирует трансформацию и нестабильность на президентских выборах в 2010-х гг. Это создаёт непредсказуемость с точки зрения анализа того, насколько сильно на выборах будет оказана поддержка Республиканской партии.

Для выборов в Сенат США и Палату Представителей отсутствуют опорные усреднённые значения по штату Флорида и США в целом. Однако на данном примере можно также пронаблюдать схожую ситуацию с постепенно протекающей трансформацией кубинского электората от выборов к выборам. При этом явка на них зачастую меньше, чем в ходе Президентской кампании, из-за чего даже незначительное её изменение на одном из избирательных циклов может поменять значение коэффициента перераспределения в большую сторону.

Расчитанные нами значения коэффициента вариации для кубинской диаспоры в Майами приведены в таблице 2.

Таблица 2 — Коэффициент вариации для зоны концентрации проживания кубинской диаспоры в Майами

	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Президентские выборы	2,43	-	1,45	-	1,18	-
Выборы в Сенат США	1,57	-	1,31	1,68	-	1,36
Выборы в Палату Представителей США	2,00	2,71	1,04	1,27	1,29	1,50

Составлена авторами по данным Florida Department of State [8]

Средние значения, рассчитанные по данному показателю для Президентских выборов по штату Флорида и США в целом составляют 0,55 и 0,41 соответственно [2]. Для мест концентрации высокой доли кубинского этнического меньшинства этот коэффициент существенно выше. Это говорит о значительных различиях в голосовании данной этнической группы. Вероятно, это также связано с возрастающей долей поддерживающих Демократическую партию миллениалов — движущей силы современного кубинского электората. Также такие показатели могут быть обусловлены увеличивавшейся долей кубинских иммигрантов в первой половине 2010-х гг., когда политика в отношении их приёма в США была не столь жёсткой. Нынешние кубинские мигранты приезжают в США не по той же причине, что и переселенцы из Кубы во время первых волн оттока населения с острова. Тем самым, их цели и взгляды не сильно отличаются от других латиноамериканских иммигрантов, для кото-

рых свойственна поддержка Демократической партии. Именно с президентскими кампаниями 2012 г. и выборами в Палату Представителей того же года связаны наибольшие значения коэффициента вариации. Это наводит на размышления о влиянии иммиграции кубинцев не по причине политических притеснений, что ранее обуславливало отторжение от левого политического блока и поддержку республиканцев, а из-за стремления к улучшению достатка и материального благополучия. Более лояльной в отношении таких мигрантов традиционно считается предвыборная программа Демократической партии.

Расчитанные значения изменения результатов выборов по методу «сдвиг-доля» приведены в таблице 3.

Таблица 3 — Расчёт динамики результатов голосования методом «сдвиг-доля» для кубинской диаспоры в Майами

	2022 г.	2020 г.	2018 г.	2016 г.	2014 г.
Президентские выборы	-	23,5	-	-8,5	-
Выборы в Сенат США	22,6	-	-16,9	16,7	-
Выборы в Палату Представителей США	10,7	3,1	-8,0	1,4	16,0

Составлено авторами по данным Florida Department of State [8]

Период между 2016 и 2018 гг. для кубинской диаспоры ознаменован незначительной сменой вектора в принятии решения по поддержке кандидата от Республиканской партии. Об этом свидетельствуют отрицательные значения по всем основным выборным кампаниям в федеральные выборные органы. Однако на протяжении последних четырёх лет с 2018 по 2022 г. поддержка Республиканской партии продолжает усиливаться во многом за счёт успешной популистской стратегии предыдущего президента США в дипломатических отношениях с Кубой. На последних выборах в Сенат и Палату представителей данный эффект был достигнут благодаря типичной для т. н. колеблющихся⁶² штатов тенденции в снижении поддержки той партии, которую представляет действующий президент.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе применения качественной оценки электоральных предпочтений кубинской диаспоры в избирательных округах Флориды с наибольшей долей кубинцев в структуре населения.

Стоит отметить, что далеко не для всех избирательных округов штата Флорида Бюро переписи населения США предоставляет сведения о доле наличного кубинского населения. Это округа под номерами 14, 23, 24, 25, 26 и 27, границы которых являются результатом джерримендеринга 2012–2022 гг. Исходя из доступных сведений о территориальной структуре расселения кубинцев на уровне графств, муниципалитетов и переписных округов как наиболее дробной единицы сетки административно-территориального деления, можно предположить, что американскими статистическими службами обнаружены значения по округам с наибольшей долей кубинцев.

Все из вышеперечисленных округов, кроме четырнадцатого,

⁶² Колеблющийся штат (англ. “swing state”) — штат, в котором накануне выборов наблюдается примерно равный уровень популярности кандидатов от обеих основных партий.

занимают смежное по отношению к друг другу положение, концентрируясь в округе Майами-Дейд и в агломерации Майами, в частности. Более того, удалённый от остальных, избирательный округ 14, находящийся в пределах агломерации Тампы на западном побережье полуострова, имеет самое низкое значение доли кубинцев в общей численности населения (7,8 %). Жители этого округа за последние 10 лет традиционно поддерживают Демократическую партию, а среди кандидатов нами не было выявлено ни одного подтверждённого случая не только победы, но и участия кубинцев в электоральном процессе. Вследствие этого мы посчитали возможным пренебречь рассмотрением данного округа.

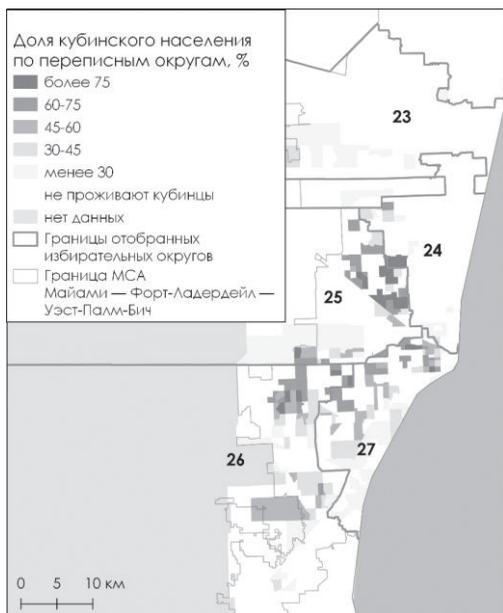

Рисунок 1 — Доля кубинского населения по переписным округам в Палату Представителей США на 2020 г. Составлено авторами по данным Бюро переписи США [5]

В избирательных округах 25, 26 и 27 находятся ареалы наибольшей концентрации представителей кубинской диаспоры в Майами: квартал «Маленькая Гавана», город Хайалия в пригородной зоне и юго-западная часть агломерации Майами (таблица 4). Именно в этих округах на выборах представителей в Конгресс хотя бы раз за рассмотренный период становился кубинец. Причём из-за того, что, как правило, выбранный в начале десятилетия конгрессмен мог переизбираться на данную должность до пяти раз, в двух из трёх округов он сохранял за собой место в Палате Представителей на протяжении четырёх или пяти избирательных циклов. В этих округах кандидаты баллотировались от Республиканской партии. Это подтверждает гипотезу об электоральных предпочтениях среди кубинского населения в пользу представителей

Республиканской партии на выборах более локального охвата, чем президентские.

Таблица 4 — Соотношение между долями кубинского населения, кубинских кандидатов и партийной принадлежностью кандидатов-победителей на выборах в Палату представителей в избирательных округах Майами, 2012, 2014, 2016, 2018 и 2020 гг.

Название избирательного округа	Доля кубинского населения, %	Доля кубинских кандидатов, %	Партия-победитель, 2020 г.	Партия-победитель, 2018 г.	Партия-победитель, 2016 г.	Партия-победитель, 2014 г.	Партия-победитель, 2012 г.
Избирательный округ 23	7,79	6,8	Д ⁶³	Д	Д	Д	Д
Избирательный округ 24	13,59	6,7	Д	Д	Д	Д	Д
Избирательный округ 25	33,34	33,3	Р	Р	Р	Р	Р
Избирательный округ 26	31,73	34,8	Р	Д	Р	Р	Р
Избирательный округ 27	29,95	38,5	Р	Д	Р	Р	Р

Составлено авторами по данным Ballotpedia [6]

Стоит отметить, что несмотря на меньшинство кубинцев в населении 25, 26 и 27 избирательных округов, в них хотя бы один раз за последние 10 лет победу одерживал их кандидат. Причём чаще всего это удавалось в Хайалии и юго-западной части Майами, где в отличие от Маленькой Гаваны соседями представителей кубинской диаспоры не являются другие этно-расовые меньшинства, и где располагается основной ареал расселения кубинцев. Таким образом, даже если они занимают около трети от общей численности избирателей округа, кубинцам удаётся кардинальным образом влиять на результаты выборов на локальном уровне. Во всяком случае, так происходило на выборах в Палату представителей.

В ходе расчёта корреляции Пирсона между долей кубинцев, проживающих в избирательном округе, и долей кубинцев, становившимися кандидатами, значение связи данных величин составило 0,86, что говорит об очень сильной прямой взаимосвязи между этими показателями. Этот факт подтверждает, что независимо от главной этнической группы в пределах таких небольших территориальных единиц, как избирательные округа, представители основного этнического меньшинства способны оказывать влияние на политическую сферу общества путём активности кандидатов на выборах различного уровня. Доля баллотирующихся кубинцев-кандидатов на 1–9 п. п. превышает

⁶³ Здесь и далее: Д — условное обозначение кандидата-победителя от Демократической партии, Р — кандидата-победителя от Республиканской партии.

долно кубинцев в общей численности населения.

Результаты расчёта динамики электоральных предпочтений методом «сдвиг-доля» по избирательным участкам внутри округов для выборов в Палату представителей США, в которых проживает большинство кубинского населения, показывает постепенный спад темпов прироста поддержки кандидатов от Республиканской партии в период с 2012 по 2016 гг., затем переход к поддержке Демократической партии в 2018 г. и вновь увеличение влияния Республиканской партии до выборов 2020 г. Это наглядно демонстрируют результаты выборов 2018 г., когда в 26 из 27 избирательных округов произошла смена партийной принадлежности победивших кандидатов с Республиканской на Демократическую партию. Нередко на промежуточных выборах между избирательными циклами в колеблющихся штатах, к числу которых относится Флорида, происходит смена доминирующей партии. Однако на этом фоне возможное влияние могла оказать чересчур радикальная позиция в отношении политики миграции и поездок на Кубу, с которой до сих пор поддерживает связь проживающая в Майами диаспора. Это могло разобщить сплочённое кубинское сообщество, и поэтому на выборах 2018 г. победу одержали кандидаты Демократической партии некубинского происхождения.

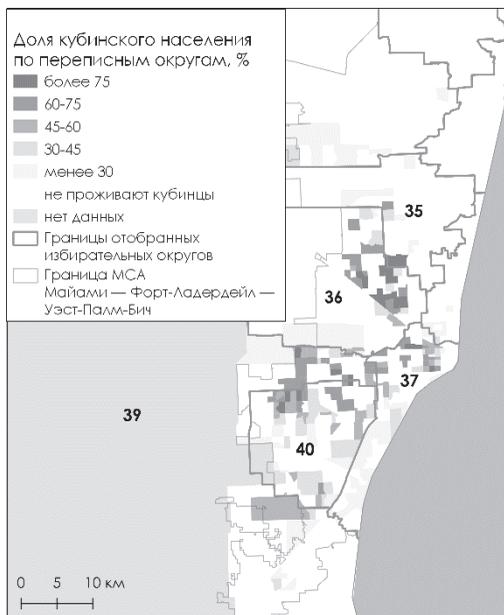

Рисунок 2 — Доля кубинского населения по переписным округам в Сенат штата Флорида на 2020 г. Составлено авторами по данным Бюро переписи США [5]

Упомянутые ранее квартал «Маленькая Гавана» и пригород Майами Хайалия находятся в пределах избирательных округов 37, 36, а ареал компактного проживания кубинцев, сложившийся на юго-западе Майами, поделён

между 39 и 40 округами соответственно. Эти округа лидируют по доле кубинского населения (таблица 5).

Таблица 5 — Соотношение между долями кубинского населения, кубинских кандидатов и партийной принадлежностью кандидатов-победителей на выборах в Сенат штата Флорида в избирательных округах Майами, 2012, 2014, 2016, 2018 и 2020 гг.

Название избирательного округа	Доля кубинского населения, %	Доля кубинских кандидатов, %	Партия-победитель, 2020 г.	Партия-победитель, 2018 г.	Партия-победитель, 2016 г.	Партия-победитель, 2014 г.	Партия-победитель, 2012 г.
Избирательный округ 40	46,0	34,6	-	Д	Р	Р	Р
Избирательный округ 39	51,6	46,7	Р	-	Р	-	Д
Избирательный округ 37	40,6	70,0	Р	-	Д	-	Р
Избирательный округ 36	61,8	42,9	-	Р	Р	Д	Д
Избирательный округ 35	5,8	0,0	Д	-	Д	-	Д

Составлено авторами по данным Ballotpedia [6]

Значение корреляции между долей проживающих кубинцев и долей кандидатов кубинского происхождения составляет 0,7, что говорит о высокой степени связи между данными величинами. В единственном избирательном округе 35, где доля кубинцев самая низкая среди рассматриваемых округов, не было избрано ни одного кандидата, относящегося к данной этнической группе, а представители избирались исключительно от Демократической партии. В остальных округах не менее половины кандидатов баллотировались от Республиканской партии, при этом на протяжении десятилетнего периода они ни разу не оказывались в большинстве.

В различных округах наблюдается разное соотношение между долей кубинцев, проживающих в их пределах, и долей кандидатов кубинского происхождения, начиная от существенного превышения последнего значения в 37 округе до отставания на 19 п. п. в 36 избирательном округе.

Выборы в Сенат штата Флорида (2012-2020 гг.) среди всех рассмотренных зачастую проходили с участием лишь одного кандидата от той или иной партии, т. е. фактически он избирался без конкуренции со стороны кандидатов-самовыдвиженцев или представителей менее значимых и влиятельных в стране или штате политических сил. Вследствие этого подсчёт динамики методом «сдвиг-доля» был существенно усложнён, т. к. довольно редко наблюдалось, когда на протяжении двух циклов подряд проводились конкурентные выборы хотя бы на половине избирательных участков в каждом

из округов. Единственно возможным стали расчёты для 2018 г., показавшие сдвиг в сторону голосования в пользу Демократической партии на 27 %.

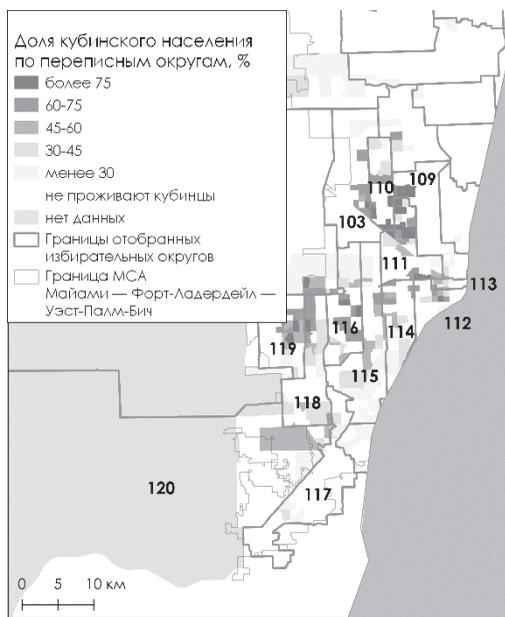

Рисунок 3 — Доля кубинского населения по переписным округам в Палату Представителей штата Флорида на 2020 г. Составлено авторами по данным Бюро переписи США [5]

В границы основного ареала расселения представителей кубинской диаспоры в Майами попадает 13 избирательных округов Палаты представителей штата Флорида (таблица 6). Изучение на более детальном уровне АТД гипотетически должно раскрыть более детально особенности электоральных предпочтений кубинского меньшинства на локальном уровне. Коэффициент корреляции между долей кубинцев, проживающих на территории избирательного округа, и долей идентифицированных кубинских кандидатов в местную Палату Представителей равен 0,76. Это говорит, как и в рассмотренных ранее случаях, о высокой степени взаимосвязи данных показателей, что позволяет заявлять о прямой зависимости между этими явлениями.

Лишь для 4 из 13 избирательных округов характерна преимущественно поддержка кандидата от Демократической партии. Обратная ситуация при этом соответствует округам с долей кубинского населения не менее 30 %. Это подтверждает тот факт, что даже на локальном уровне прослеживается тенденция голосования кубинцев в пользу Республиканской партии. Однако в двух округах с долей кубинцев, превышающей 30 %, выявлено обратное. В 112 округе, где доля кубинцев составляет 30 %, доля кандидатов этой этнической группы существенно уступает доле на 20 п. п. Вкупе с поддержкой Демократической партии в данном округе кубинское сообщество слабо

вовлечено в политические процессы своего избирательного округа. Напротив, в 111 округе при доле кубинцев в значении 30 % и при поддержке Демократической партии отмечается аномально высокая доля кубинских кандидатов. Кубинская община в этом избирательном округе крайне активно участвует в политической жизни, а ряд её представителей баллотируется в Палату Представителей штата. Поддержка Демократической партии обусловлена голосованием на протяжении всех пяти избирательных кампаний за кубинского кандидата именно от этой партии. Поэтому данный округ служит примером того, как на электоральные предпочтения влияет личность кандидата, а не общие тенденции в партийных предпочтениях кубинской диаспоры.

Таблица 6 — Соотношение между долями кубинского населения, кубинских кандидатов и партийной принадлежностью кандидатов-победителей на выборах в Палату представителей штата Флорида в избирательных округах Майами, 2012, 2014, 2016, 2018 и 2020 гг.

Название избирательного округа	Доля кубинского населения, %	Доля кубинских кандидатов, %	Партия-победитель, 2020 г.	Партия-победитель, 2018 г.	Партия-победитель, 2016 г.	Партия-победитель, 2014 г.	Партия-победитель, 2012 г.
Избирательный округ 103	53,6	54,5	Р	Д	Р	Р	Р
Избирательный округ 109	9,4	0,0	Д	Д	Д	Д	Д
Избирательный округ 110	62,2	55,6	Р	Р	Р	Р	Р
Избирательный округ 111	68,8	55,6	Р	Р	Р	Р	Р
Избирательный округ 112	30,3	63,6	Д	Д	Д	Д	Д
Избирательный округ 113	40,5	20,0	Д	Д	Д	Д	Д
Избирательный округ 114	41,3	33,3	Р	Д	Д	Р	Р
Избирательный округ 115	29,4	38,5	Р	Р	Р	Р	Р
Избирательный округ 116	50,2	61,5	Р	Р	Р	Р	Р
Избирательный округ 117	22,2	11,1	Д	Д	Д	Д	Д
Избирательный округ 118	48,6	60,0	Р	Р	Д	Р	Р
Избирательный округ 119	52,1	63,6	Р	Р	Р	Р	Р
Избирательный округ 120	32,9	23,1	Р	Р	Р	Р	Р

Составлено авторами по данным Ballotpedia [6]

Как и в случае с выборами в Сенат штата, в некоторые избирательные циклы для ряда округов выборы не проводились, т. к. от одной из партий мог не баллотироваться кандидат. Чаще всего это характерно для тех округов,

в которых на протяжении всех циклов избирался один и тот же кандидат, как правило, от Республиканской партии.

Рассмотрим динамику электоральных предпочтений в пределах зоны концентрации наибольшего числа представителей кубинской диаспоры в Майами и прилегающих к ним территориями. Для сравнения результатов избирательных кампаний нами использованы данные голосования за Республиканскую партию. Это обусловлено тем, что, во-первых, она — доминирующая политическая сила среди кубинской диаспоры. Во-вторых, это позволяет рассчитать коэффициенты корреляции между результатами голосования за Республиканскую и Демократическую партии на президентских выборах 2012, 2016 и 2020 гг., которые равны $-0,71$, $-0,64$ и $-0,76$ соответственно. Это свидетельствует о сильной обратной взаимосвязи между данными величинами, что позволяет использовать результаты только по одной из партий.

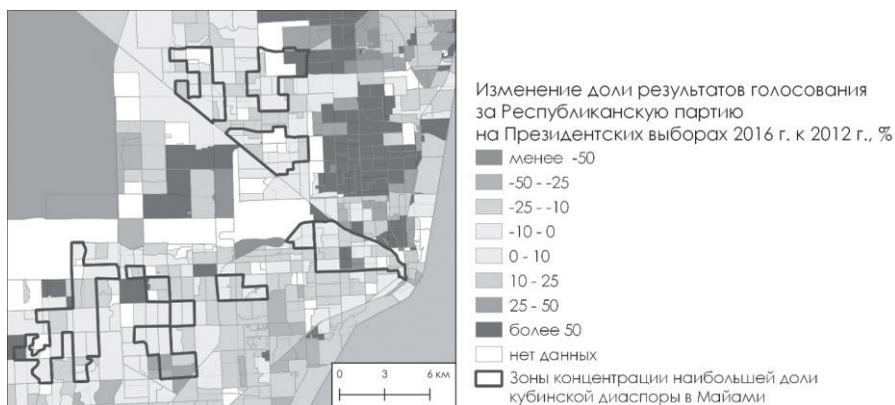

Рисунок 4 — Изменение доли голосов, отданных за Республиканскую партию на Президентских выборах 2012 и 2016 гг. Составлено авторами по данным Florida Department of State [8].

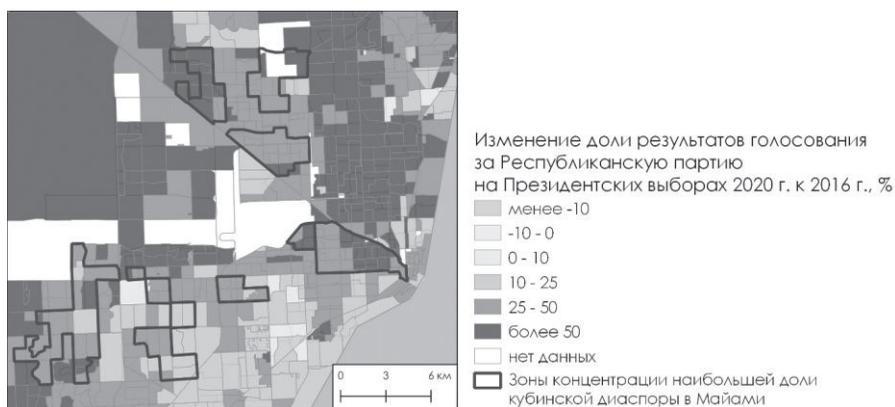

Рисунок 5 — Изменение доли голосов, отданных за Республиканскую партию на Президентских выборах 2016 и 2020 гг. Составлено авторами по данным Florida Department of State [8].

В период между 2012 и 2016 гг., 2016 и 2020 гг. наблюдаются различия в соотношении голосов, полученных кандидатами от партий (рисунки 4, 5). В первом случае кубинская диаспора меняет свои электоральные предпочтения в пользу Демократической партии, а в 2020 г. произошло возвращение привычных тенденций голосования в пользу Республиканской партии. Это подтверждается проведёнными ранее расчётами показателей по методу «сдвиг-доля». Согласно расчётам, в 2016 и 2020 гг. произошли изменения в голосовании кубинцев как в пользу демократов, так и в пользу республиканцев. Повышенное значение коэффициента перераспределения подтверждает значимые изменения в электоральных взглядах среди кубинцев в исследуемый период времени.

Анализ результатов президентских выборов 2016 г. на уровне избирательных округов показывает, что динамика голосования среди кубинцев отличалась от той, которая была у электората остального населения Флориды. В данную выборную кампанию этот штат был колеблющимся, а разрыв составил 1,2 п. п. в пользу кандидата, баллотировавшегося от Республиканской партии. Однако стоит отметить, что это районы, в которых кубинское этническое меньшинство составляет большинство. Соответственно, для большей части населения Флориды электоральные взгляды сдвинулись в сторону Республиканской партии, а для кубинцев — в небольшой степени в сторону Демократической партии. Причиной этого могла быть политика администрации президента Б. Обамы, направленная на нормализацию американо-кубинских отношений, а также заявления Д. Трампа в ходе предвыборной кампании о намерениях снизить политические контакты с властями Кубы. Уже в 2017 г. это обещание было выполнено: было приостановлено действие программы, которая позволяла гражданам Кубы подавать заявки на получение визы в посольстве США в Гаване, что нашло своё отражение в усилении позиций Демократической партии среди кубинской части американского электората.

Список литературы

1. Варюшин П. С. Географические закономерности в основе политической и электоральной систем США // Известия Российской академии наук. Серия Географическая. — 2016. — № 4. — С. 34–42.
2. Александрова А. И., Карасев А. С. Фактор латиноамериканского населения в электоральной географии США // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Восьмые Максаковские чтения», г. Москва, 19 мая 2023 г. / под общ. ред. Д. В. Зайца. — М.: ООО «Сам Полиграфист», 2023 — С. 145–152.
3. 2015, Hispanic Population in the United States Statistical Portrait [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2017/09/18/2015-statistical-information-on-hispanics-in-united-states/> (дата обращения 11.05.2024).
4. After decades of GOP support, Cubans shifting toward the Democratic

- Party [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/06/24/after-decades-of-gop-support-cubans-shifting-toward-the-democratic-party/> (дата обращения 11.05.2024).
5. American Community Survey Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/programs-surveys/acs/data.html> (дата обращения 11.05.2024).
 6. Ballotpedia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ballotpedia.org/> (дата обращения 11.05.2024).
 7. Behind Biden's 2020 Victory [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory/> (дата обращения 11.05.2024).
 8. Florida Department of State. Election Results [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://results.elections.myflorida.com/Index.asp?ElectionDate=11/3/2020&DATAMODE=> (дата обращения 11.05.2024).
 9. Krogstad J. M. Key facts about the Latino vote in 2016 // Pew Research Center [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/10/14/key-facts-about-the-latino-vote-in-2016/> (дата обращения 11.05.2024).
 10. Krogstad J. M. Most Cuban American voters identify as Republican in 2020 // Pew Research Center [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/10/02/most-cuban-american-voters-identify-as-republican-in-2020/> (дата обращения 11.05.2024).
 11. Pew Research Center. Key findings about U.S. immigrants [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/20/key-findings-about-u-s-immigrants/> (дата обращения 11.05.2024).

Трагедия тысячи холмов: предыстория и последствия этнического конфликта тутси и хуту

Pavlyuk S. G.

Tragedy of Thousand Hills: Background and Consequences of Ethnic Conflict between Tutsi and Hutu

Аннотация

Статья посвящена обзору широкого круга проблем, связанных с этническим конфликтом тутси и хуту, в котором сошлись хамитская теория и искусственный колониальный этногенез, проблема защиты этнического меньшинства и право угнетённых масс на восстание, геополитические игры бывших метрополий и европоцентричная слепота международного сообщества по отношению к Африке. География исследования не ограничивается Руандой, на которой традиционно принято сосредотачиваться; также рассматривается соседняя страна Бурунди, где взаимоотношения хуту и тутси в постколониальный период отличаются от устоявшегося после геноцида 1994 г. внешнего стереотипа. Раскрывается история взаимоотношений тутси и хуту как этно-социальных групп с XIX в., анализируются изменения, произошедшие за последние 30 лет. Обращено внимание на то, что сложившийся за эти годы образ Руанды как страны-жертвы уже многие годы, как минимум, развязывает руки автократии Поля Кагаме, а, как максимум, готовит почву для нового витка конфликта.

Ключевые слова: Африка, Бурунди, Руанда, тутси, хуту, этнический конфликт

Abstract

The article gives a broad perspective of ethnic conflict between Hutu and Tutsi in which the Hamitic theory was mixed with the artificial colonial ethnogenesis, the protection of ethnic minorities clashed with the right of the oppressed for the revolt, and the geopolitical rivalry of former colonial powers faced off against Eurocentric blindness of international community towards the problems of Africa. Geography of the research is not following the traditional framework limited to Rwanda, but also takes in the account its neighboring country, Burundi. Interactions between Hutu and Tutsi in post-colonial period in Burundi differ from the external stereotype established after the genocide of 1994. The article reveals the history of Hutu and Tutsi relations as ethno-social groups since XIX century as well as the changes occurred in the last 30 years. It is revealed that the image of Rwanda as the victim-country helps the autocratic regime of Paul Kagame to remain in power and may even prepare the ground for the next round of the conflict.

Keywords: Africa, Burundi, ethnic conflict, Hutu, Rwanda, Tutsi

Введение

В 2024 г. геноциду народа тутси в Руанде, в результате которого погибли, по средним оценкам, около 800 тыс. чел., исполнилось 30 лет. О причинах, ходе и последствиях этих трагических событий написано много книг: документальных, художественных и научных (в том числе на русском языке [1]). Сняты несколько ярких художественных фильмов. К опыту конфликта возвращаются и много лет спустя, будь то исследование влияния государственной пропаганды для возгонки массовой истерии и ненависти, обращённую на конкретную группу населения; или опыт использования международного арбитража для преодоления последствий этнических конфликтов. Можно с уверенностью сказать, что конфликт тутси и хуту — самый известный среди широкой публики этнический конфликт в Африке.

Однако большинство подобных исследований концентрируется исключительно вокруг событий апреля-июля 1994 г., создавая чёрно-белый нарратив хороших тутси и плохих хуту. В лучшем случае обвинение падает на бельгийских колонизаторов, которые искусственно срежиссировали подобное этническое разделение единой руандийской нации (такова официальная позиция современных властей Руанды). Лишь самые подробные исследования рассматривают варианты этногенеза народов тутси и хуту, приводимых как этнографами, так и обеими сторонами конфликта. И уж совсем редко в исследовании данного конфликта география не ограничивается границами Руанды, а простирается также в не менее сложные и кровавые взаимоотношения двух народов в соседней Бурунди, а также в этнополитические союзы эмигрантских групп тутси с нилотскими народами Уганды.

Данное исследование не может претендовать на всесторонний анализ заявленного этнического конфликта. Из-за ограниченного объёма статьи мы не рассматриваем перенос конфликта хуту и тутси на территорию Заира, который стал триггером как первой, так и второй Конголезских войн. А также современную инкарнацию конфликта на востоке ДРК, где действуют как вооружённые группировки тутси («Движение 23 марта» или M23), так и ополчение хуту («Демократические силы за освобождение Руанды», более известные под латинской аббревиатурой FDLR). Мы сконцентрируемся на взаимоотношениях хуту и тутси на территории сначала королевств, потом европейских колоний, а затем и независимых республик Руанда и Бурунди. Как две эти этносоциальные группы превратились в этносы, какую роль в этом сыграли европейцы, как пошагово шёл процесс кровавой эскалации этнического конфликта, пиком которого стали жуткие сто дней апреля-июля 1994 г., и почему мир не смог вовремя остановить этот кошмар?

Сто дней во власти безумия

6 апреля 1994 г. самолёт с президентом Руанды Жювеналемом Хабьяриманой был сбит на подлёте к аэропорту Кигали ракетой с земли. Вместе с ним на борту находился президент соседней Бурунди, политики возвращались с мирной конференции в Танзании, посвящённой прекращению насилия

между этносами тутси и хуту. Оба погибли на месте.

В Руанде и Бурунди, получивших независимость в 1962 г., многие века бок о бок проживали земледельцы-хуту и скотоводы-тутси. Хуту составляли большинство населения (около 85 % в обеих странах), но верховодили в одноименных королевствах именно тутси. Независимость вывела на первый план этнический конфликт двух народов: оба государства периодически сотрясали взаимные погромы, волны беженцев и массовые убийства на этнической почве. В Руанде у власти закрепилось большинство хуту. Многие тутси бежали в соседние Конго и Уганду, где сформировали отряды вооружённого сопротивления, самым успешным из которых стал Руандийский патриотический фронт (РПФ).

С 1990 г. начинается вооружённое противостояние: РПФ переходит государственную границу и оккупирует северо-восточные районы Руанды. Сотни тысяч хуту вынуждены бежать в другие части страны. Маховик насилия раскручивается стремительно — в подконтрольной правительству Хабьяримане Руанде происходят погромы и массовые убийства тутси, а также усиливается экстремистская идеология «Власть хуту», требующая любыми средствами избавиться Руанду от тутси. Её разделяют несколько политических партий, а также вооружённые ополчения. Вокруг президента Хабьяриманы формируется *аказу*, ближний круг радикальных политиков. Сам Хабьяримана, бессменный правитель страны с 1973 г., считается умеренным хуту, но на него давят представители аказу, не готовые допустить тутси в правительство и армейское руководство. Одновременно ООН требует от президента сформировать переходное правительство под угрозой вывода из страны миротворческого контингента⁶⁴. В итоге Хабьяримана соглашается провести церемонию присяги переходного правительства и парламента, куда войдут представители всех противоборствующих политических партий обоих народов. Церемония назначена на 8 апреля, сразу по возвращении президента из Танзании.

Кто убил президента накануне формирования переходного правительства, до сих пор неизвестно. Официальный Кигали тут же обвинил в преступлении повстанцев РПФ (которые якобы саботировали мирные переговоры, считая, что на поле боя добьются большего). Того же мнения поначалу придерживались и французские власти, главный спонсор правительства Хабьяриманы. Уже после кровавых событий апреля-июня 1994 г. набрала популярность другая версия: самолёт сбили по приказу высокопоставленных сторонников «Власти хуту», которые не могли допустить появления межэтнического правительства. Прямых доказательств обеих версий нет по настоящий день.

Так или иначе, вопрос о том, кто сбил президентский самолёт — не ключевой для понимания руандийского геноцида. Пуск ракеты по самолёту президента, как за 90 лет до этого выстрелы в Сараево, стал лишь поводом

⁶⁴ Миссия ООН по оказанию помощи Руанде создана в октябре 1993 г. и должна была способствовать окончанию гражданской войны между федеральной властью и РПФ. На 6 апреля 1994 г. она состояла из примерно 2,5 тыс. военнослужащих из Бангладеш, Бельгии, Ганы и Туниса.

к началу хорошо подготовленного стодневного кошмара.

В первые же часы после крушения самолёта власть в стране переходит к представителям аказу. Созданный «кризисный комитет» немедленно начинает убивать политических оппонентов. Уже утром 7 апреля была убита премьер-министр Руанды Агата Увилигингйimana, представительница умеренной партии хуту. Как первый человек в стране после смерти президента, она собралась выступить на радио и призвать руандийцев к спокойствию. Охранявшие её резиденцию бельгийские миротворцы из контингента ООН попали в плен, а впоследствии были жёстко изувечены и убиты. В тот же день были убиты ключевые фигуры политической оппозиции и просто умеренные министры, судьи, журналисты, правозащитники.

За сутки в Кигали сторонники «Власти хуту» уничтожили как любую политическую оппозицию, так и представителей либеральной части общества, чьи голоса могли быть услышаны внешним миром. Слаженные действия президентской гвардии, полиции и отрядов *интерахамве* (банд ополченцев-хуту), ездивших от адреса к адресу, не оставляют сомнения, что акцию спланировали заранее. К вечеру 7 апреля начались массовые убийства обычных тутси в престижных кварталах столицы. Действовали методично, по спискам: уже в первый день геноцида жертвы исчислялись сотнями.

Между тем, в стране продолжалась гражданская война. И РПФ, отвечая на приход к власти радикалов-хуту, начал наступление на столицу. К 12 апреля повстанцы уже были на окраине Кигали⁶⁵. Это послужило оправданием полномасштабного геноцида народа тутси на территории всей страны.

Но слово «геноцид» в Руанде тогда, конечно, никто не произносил. Официально происходящее называлось «работой». Не случайно дословный перевод интерахамве — «работающие вместе». За «работу» должны были взяться все хуту в стране. Полная вовлечённость, кровью должны быть помазан каждый. Кто отлынивает — пусть пеняет на себя. «Те, кто ждёт, что другие будут работать за него, кто думает, что это их не касается... пусть убираются подальше от нас» [1]. Это речь временного президента Руанды Теодора Синдикубвабо. До того, как стать спикером парламента при Хабьяримане, он работал врачом-педиатром.

Для организации «работы» работников нужно хорошо информировать — и сегодня геноцид в Руанде часто вспоминают в контексте воздействия пропаганды на массовую аудиторию. Инструкции хуту получали по «Свободному радио тысячи холмов»: его деятельность и по сей день остаётся, возможно, самым одиозным примером разжигания ненависти во второй половине XX в. «Радио в Руанде было сродни Гласу Божьему. Оно призывало к насилию и многие откликались, полагая, что теперь у них есть санкция на эти действия», — писал руководитель миссии ООН в Руанде Ромео Даллэр [5].

Радиоэфир полнился призывами убивать тутси; объяснениями, что это не люди, а змеи и тараканы; псевдоисторическими примерами вероломства

⁶⁵ Полностью город будет взят повстанцами лишь 4 июля 1994 г.

тутси как народа; требованиями не останавливаться, пока не будет уничтожен последний противник. Фраза «Могилы пока ещё не полны», призывающая вернуться в уже «зачищенные» места и проверить, не осталось ли там недобитых тутси, стала символом этой макабрической литургии, у которого были свои главные теноры.

До трети всего эфира занимали передачи Кантано Хабимана, настоящего стахановца пропаганды — в наши дни он бы вёл многочасовые телепередачи и стримы на ютубе. В дни геноцида Хабимана подробно рассказывал, как определить тутси по росту и внешнему виду: «Увидишь его маленький нос — сразу сломай его». Другой звездой «Радио тысячи холмов» была Валери Бемерики. Ещё до начала геноцида она распространяла в своих передачах, как бы сейчас сказали, фейки о ритуальных убийствах, которыми занимаются повстанцы-тутси: якобы они вырезают у хуту сердца и поедают человеческую плоть. А в апрельских эфирах она стала знаменита призывами использовать мачете, чтобы не тратить на «тараканов» пули.

Абстрактными призывами ведущие «Радио тысячи холмов» не ограничивались. Хабимана постоянно сообщал фамилии, адреса и номера автомобилей тутси; Бемерики тоже могла озвучить в эфире номер машины «семейства тараканов», что приближается к блокпосту в центре Кигали, а через полчаса поздравить людей на этом посту, которые должным образом прореагировали и «избавились» от тутси [6].

«Радио тысячи холмов» вводило в исступление. Стирало разницу между вооружённым повстанцем и мирным соседом. Объясняло, почему надо убивать женщин-тутси (они родят новых тутси) и детей-тутси (они участвуют в войне наравне со взрослыми). Убеждало, что хуту просто защищают демократию, — ведь хуту в Руанде больше, и они веками жили под гнетом пришельцев-тутси. В общем, выстраивало в головах слушателей понятную картину мира: мы правы, они нет, поэтому их нужно убивать.

В условиях, когда альтернативная точка зрения выкорчевана, семена пропаганды падают на подготовленную почву. Убийства в Руанде стали методичными и повсеместными. Люди демонстрировали полную отстранённость, как при тяжёлой и монотонной сельхозработе. Массовые убийства как прополка огорода.

Впрочем, хладнокровно действовали далеко не все. «Это было как убивать змей», «Время ненависти. Наши головы были в горячке», «Количество трупов делало нас счастливыми», «У нас была задача и мы выполнили её. Я был горд и счастлив» — так звучали свидетельства некоторых акторов геноцида [1].

Возможно, в Руанде развернулся первый в истории геноцид (и точно — первый хорошо исследованный), который охватил все слои общества. Убивали не только солдаты, спецслужбисты и люди из парамилитаристских образований вроде интерахамве, но и обычные крестьяне, горожане, рабочие. Убивали все.

Тут же, Впрочем, важно оговориться: *требовали* убийств ото всех

хуту, невзирая на их работу, место проживания или классовую принадлежность — но далеко не все откликнулись на бесчеловечные призывы. Известно много примеров, когда хуту прятали или спасали тутси: родственников, друзей или даже незнакомых людей. Самый известный пример — отель «Тысяча холмов», менеджер которого, хуту Пол Русесабагина, укрыл в отеле и защитил около 1 300 беженцев.

Увы, так везло немногим, и найти убежище было очень сложно. Тутси пытались спастись в церквях, где с древнейших времён гонимые искали защиту, — и руандийские храмы стали свидетелями самых массовых побоищ. В одном из них, в местечке Мугенеро, убили до 7 тыс. человек. Беженцев в той церкви укрывали священники-тутси. Они понимали, что на следующий день за ними придут, и написали письмо своему руководителю, пастору-хуту. Отчаяние их просьбы о помощи резко контрастировало с официальным тоном текста: «Мы вынуждены сообщить Вам, что завтра будем убиты вместе со своими семьями». По свидетельству выживших, ответ был коротким: «Ваша проблема уже нашла решение. Вы должны умереть» [7].

Маховик безумия раскручивался. В первые недели апреля охотились за «чистыми» тутси, оставляя в стороне тех, кто породнился с хуту или полукровок, но вскоре стали убивать и их. Как сказал один из выживших, если бы это не закончилось, убийцы начали бы уничтожать друг друга за недостаточное рвение.

Всё это происходило при полном попустительстве стран Запада. В первые недели они вообще трактовали происходящее как обострение столкновений между военными группировками и не заботились ни о чём кроме эвакуации посольств. Эвакуировать, как водится, полагалось лишь иностранных граждан. Руандийские сотрудники посольства США остались в Кигали, хотя работники-тутси умоляли вывезти их из страны. Французы отказали в эвакуации даже тем тутси, которые находились в браке с французскими гражданами.

И даже когда стало понятно, что происходит как минимум этническая чистка, западные правительства не поспешили на помощь. 15 апреля, когда убийства шли уже несколько дней, в «New York Times» вышла статья с говорящим заголовком «Для Запада Руанда не стоит политических свеч» [12]. После событий в Могадишо октября 1993 года⁶⁶ США испытывали «сомалийский синдром» и были не готовы отправлять войска в Африку. Франция и вообще сотрудничала с правительством хуту (по крайней мере, до гибели Жювенала Хабьяриманы) и опасалась, что победа РПФ ослабит её позиции в Африке в угоду Великобритании, — поэтому вмешиваться казалось невыгодно.

Лишь 21 апреля ООН выпустила резолюцию, осуждающую «продолжающееся насилие в Руанде, которое ставит под угрозу жизнь и безопасность

⁶⁶ В ходе неудачной военной операции 3–4 октября американский контингент миротворцев ООН вступил в городские бои с превосходящими силами сомалийских повстанцев в центре Могадишо. Погибли 18 американских солдат. События легли в основу известного фильма Ридли Скотта «Падение Чёрного ястреба» (2001).

гражданского населения» [15], но ни словом не упоминающую о причинах и виновниках насилия. Зато в резолюции говорилось о минимизации контингента ООН.

Для сравнения: в те же годы шла война в Боснии. И на следующий день после обтекаемых заявлений о Руанде, 22 апреля, ООН опубликовала резолюцию о ситуации в боснийском городе Горажде. Тон резко отличался. Документ содержал и резкое осуждение одной из сторон конфликта (военных подразделений боснийских сербов), и выражение готовности увеличить воинский контингент в стране, и угрозу «принятия дополнительных мер», если требования не будут выполнены [16]. В резолюции несколько раз упоминались Российская Федерация, США и Европейский Союз; подчёркивались их усилия по решению конфликта. Уже на следующий день, после авиаударов НАТО, боснийские сербы пошли на частичный отвод войск. Не в первый и не в последний раз вооружённый конфликт в Европе окажется важнее для мирового сообщества, чем кровавые события в Африке.

Впрочем, масштабы убийств в Руанде таковы, что вскоре отворачиваться и смотреть в другую сторону становится невозможно. 23 апреля термин «геноцид» впервые использован в обзоре ЦРУ [3]. 26 апреля, в день начала первых в истории ЮАР всеобщих выборов Нельсон Мандела призывает остановить резню в Руанде. 16 мая Франция называет происходящее геноцидом, возлагая ответственность за убийства на руководство Руанды. 25 мая этот термин употребляет генеральный секретарь ООН Бутрос-Гали, характеризуя события в Руанде как провал всего мирового сообщества. Американское правительство использует термин «геноцид» лишь 16 июня, после серьёзного давления со стороны журналистов и правозащитников: ведь если публично признать геноцид, следующий логичный шаг — отправка войск.

В итоге 23 июня воинский контингент в Руанду отправит Франция (операция «Бирюза» под мандатом ООН), но к этому времени почти вся территория страны находится под контролем РПФ. К середине июля боевые действия официально заканчиваются: войска хуту выдвинуты в соседние страны. Туда же устремляются до 2 млн беженцев-хуту (из примерно 8-миллионного населения страны), опасаящихся мести тутси. Миру открывается шокирующая картина, насколько жестокими и массовыми были убийства — оценки численности погибших быстро доходят до миллиона (по версии РПФ).

В настоящее время оценки жертв геноцида 1994 г. разнятся от 500 тысяч до миллиона человек. ООН называет цифру в 800 тыс. человек [14]. Руанда в одночасье стала одной из самых известных стран Африки. А тутси и хуту — едва ли не самыми известными среди сотен народов Чёрного континента. И спустя тридцать лет учёные спорят об их совместной истории и причинах этнического конфликта, взорвавшегося ста кошмарными днями 1994 г.

Пятьсот лет вместе

Все три часа, что автобус пробирается из Кигали в Гисейни, вдоль дороги идут люди. Нет ни одной минуты, чтобы шоссе осталось бы пустынным.

Руанда — самая густонаселённая страна континентальной Африки: согласно переписи 2022 г., плотность населения здесь достигла 503 чел/км². Это четырнадцатый показатель в мире, если считать страны-члены ООН. А если отбросить карликовые государства и небольшие острова, то опережают Руанду только Республика Корея и Ливан (которых Руанда, судя по темпам роста, обгонит в ближайшие пару лет), а также Бангладеш.

Вторая страна континентальной Африки по плотности населения — соседняя с Руандой Бурунди (450 чел/км²). Вообще регион вокруг озера Виктория — один из самых густонаселённых во всей Африке. Подобная теснота проживания на землях, которые делят разные народы, нередко приводила к этническим конфликтам. Например, между нилотами-луо и банту-кикуйю в кенийской Рифтовой долине. Или между тутси и хуту в Руанде и Бурунди.

Хотя самый известный этнический конфликт в Африке далеко не все считают этническим. В музее геноцида в Кигали поясняющие таблички заявляют: в Руанде жил единый народ ньяруанда. Кто-то занимался скотоводством (тутси), кто-то земледелием (хуту), кто-то лесным хозяйством (тва). А потом пришли колонизаторы, провозгласили представителей различных социально-экономических ниш разными этносами, раздали паспорта с указанием народности и тем самым заложили основу для конфликта.

На сегодняшний день нет сомнения, что к моменту прихода колонизаторов⁶⁷ в монархических государствах Руанда и Бурунди (Урунди) сложились собственные нации и собственные, хотя и близкие языки (киньяруанда и кирунди соответственно)⁶⁸. Что в королевстве Руанда, что в королевстве Бурунди население чётко делилось на три этносоциальные группы: хуту, тутси и тва. На момент переписи населения, которую провели бельгийцы в 1933 г., в обеих монархиях проживало примерно 85 % хуту, 15 % тутси и менее 1 % тва. Тва — самые древние жители этого региона. Это малочисленные пигмеи, жившие охотой и собирательством, чьё социально-экономическое развитие находилось на уровне мезолитического общества (как у аборигенов Австралии или бушменов Калахари). В районе X в. сюда пришли хуту, типичные представители земледельческих народов банту, которые заселяли обширные территории Восточной, Экваториальной и Южной Африки в ходе так называемой миграции банту с V в. до н. э.

Тутси в Руанде и Бурунди появились в районе XV–XVI вв. Внешне они напоминали скорее представителей нилотских племён: были выше хуту

⁶⁷ Немецкие колониальные власти утвердились на территории королевств Руанда и Бурунди в 1894–1898 гг. После Первой мировой войны эти территории были переданы Бельгии как подмандатная территория Руанда-Урунди.

⁶⁸ Скорее всего, в прошлом это был единый язык, но с образованием и возвышением королевств произошло разделение этих языков по государственной принадлежности (примерно как сербско-хорватский язык Югославии был официально разделён на сербский и хорватский после 1991 г.). Сегодня принято говорить о диалектном континууме (то есть цепочке диалектов, мало отличающихся друг от друга) руанда-рунди, который помимо указанных двух государств охватывает область Кисоро в Уганде и провинции Северное и Южное Киву в ДРК.

(в начале XX в. немецкие антропологи говорили о 12-сантиметровой разнице среднего роста хуту и тутси; в 1970-х — о 10-сантиметровой [10]), с более «европейскими» чертами лица. Вероятно, они пришли из верховий Нила (тогда как хуту — либо с плато Катанга, либо из района озера Чад). Скотоводы-тутси покорили земледельцев-хуту, сформировав правящий класс в обоих королевствах.

Доминирование скотоводческих племён над земледельческими — вполне обычная история для региона: в соседней Уганде в доколониальном королевстве Анколе ведущую роль тоже играли скотоводы (этнос хима), а подчинённую — земледельцы (этнос ира). Да и история Старого Света знает немало примеров как более пассионарные скотоводческие народы покоряли более миролюбивых землепашцев.

Со временем подобное разделение превратилось из этнического в социально-экономическое и стало напоминать скорее индийские касты (джати). Скотоводы-тутси были знатью и воинами, земледельцы-хуту — зависимыми крестьянами и жрецами, тва — слугами. Причём, изначально, видимо, переход из одной этносоциальной группы в другую был запрещён. Но, с течением времени, участились не просто смешанные браки, но и примеры прямого перехода из хуту в тутси и наоборот. Если тутси разорялся или терял своё стадо в результате падежа скота, он вынужден был податься в батраки и в глазах общины становился хуту. И наоборот, если хуту богател и покупал себе скот, он считался тутси.

Яркий пример конструктивистского подхода формирования этноса, когда на первый план выходят не примордиалистские, биологические характеристики (рост, цвет кожи, черты лица), а социальные. Другими словами, этническая идентичность зависит не от внешнего вида и происхождения, а от собственной и общественной идентификации, выраженной через соблюдение социальных норм и ценностей.

Немецкие колонизаторы приняли такое «кастовое» разделение и сохранили монархию тутси. Типичный пример косвенного управления колонией, на котором часто основывался не только немецкий, но и британский колониализм: сохраняется местная элита, система управления и сбора налогов, над которой ставится генерал-губернатор.

Разделение жителей Руанды и Бурунди на два народа немецкие антропологи восприняли как очередное доказательство принятой в европейской антропологии конца XIX в. хамитской теории. Более европейских на лицо тутси они сочли примером тех самых хамитских народов, что располагаются выше по цивилизационной лестнице благодаря своим «кавказоидным генам».

Бельгийцы, забравшие контроль над двумя странами после Первой мировой войны, пошли ещё дальше и после переписи 1933 г. выдали жителям колоний паспорта, где был указан их этнос. Сегодня это считается ключевым доказательством вины европейцев в последовавших конфликтах. После введения системы паспортов переход между «кастами» стал невозможен.

Когда в Африке начались процессы деколонизации, бельгийцы по-

чувствовали опасность от «элиты», то есть тутси (среди них пошли разговоры о независимости), и стали заигрывать уже с большинством-хуту. Ещё одно распространённое обвинение в адрес европейцев: в 1950-е гг. они сделали многое, чтобы настроить хуту против правящего меньшинства тутси. Уже к обретению независимости в 1962 г. в обоих государствах существовали партии, придерживавшиеся радикальной идеологии «Власть хуту». Тутси же они предлагали, повторяя тезисы хамитской теории, убираться обратно в Эфиопию.

Насилие между двумя этносами вспыхнуло даже раньше объявления независимости. Уже в 1959 г. попытки властей тутси (вокруг монарха успела сложиться правящая партия Национальный Руандийский Союз — НРС) справиться с политическими лидерами политической партии хуту вызвали крестьянское восстание, быстро переросшее в погромы тутси. В первый, но не в последний раз в современной истории страны в ход пошли мачете, топыги и другие сельскохозяйственные орудия. 120 тыс. тутси бежали из страны, в основном в соседние Уганду и Конго. Так начали создаваться диаспоры тутси за рубежом. В Конго они получают название баньямуленге и станут важным актором конголезских войн. В Уганде тутси создадут РПФ и начнут ту самую войну с правительством Руанды, которая закончится трагедией 1994 г.

Между тем в 1962 г. к власти в Руанде окончательно пришли хуту. Последний монарх тутси укрылся в Уганде, где тут же призвал представителей своего этноса вернуть себе власть. Молодые тутси пошли в партизанские отряды, члены которых называли себя *иньензи*, «тараканы». Тридцать лет спустя «Радио тысячи холмов» распространит это прозвище на всех тутси и будет призывать «убивать тараканов».

В ноябре того же года иньензи собрали в Бурунди большой отряд беженцев-тутси и попытались отвоевать Кигали. Бельгийские военные, которые ещё не успели покинуть страну (независимость Руанды была провозглашена 1 июля 1962 г.), организовали оборону армии хуту и остановили отряды иньензи на мосту через реку Ньябарунго в 25 км от столицы. Власти хуту не преминули воспользоваться нападением, чтобы избавиться от политической оппозиции, — якобы у одного из убитых иньензи был найден список политиков НРС, которых захватчики планировали поставить во главе страны. Тут же начались масштабные репрессии против партийцев НРС и их сторонников. Как и спустя тридцать лет, полицид быстро перерос в геноцид: убивать стали не по политическому, а по этническому признаку. Погибло, по разным данным, от 50 до 130 тыс. тутси.

В 1966 г. итальянские режиссёры Гуальтьеро Якопетти и Франко Проспери выпустили документальный фильм «Прощай, Африка» (“Africa addio”): масштабное полотно конца колониальной эры в Восточной и Южной Африке. Вместе с фильмом вышла книга, где итальянцы делились впечатлениями о съёмочном процессе. Нашлось в книге место и для главы про резню тутси в 1962 г. Текст особенно интересен тем, что фиксирует нарративы каждой из сторон конфликта в 1960-е гг., задолго до событий 1994 г., после которых подобные высказывания изрядно скорректируют [4].

Так, тутси на заре независимости страны считали, «что всегда были в Руанде». По их легенде первый король Руанды перед смертью призвал трёх своих сыновей Гатутси, Гахуту и Гатва, дал каждому по кувшину молока и приказал беречь его как зеницу ока. Гатва выпил всё молоко; Гахуту заснул и случайно пролил половину кувшина; и только Гатутси выполнил поручение отца, а в благодарность ему и его детям было завещано всё королевство. Первый правитель повелел Гахуту поступить в услужение к своему брату, а Гатва и вовсе прогнал из королевства в леса. С тех пор, по версии тутси, и повелось, что хуту, по сути, находятся в феодальной зависимости.

В королевствах Руанда и Бурунди такая система называлась *убухаке* или *убуретва*: хуту получали от тутси скот или землю в обмен на работу. Якобы любой хуту мог подойти к тутси с кувшином пива и попросить его об *убухаке*: «Я прошу тебя о молоке⁶⁹. Сделай меня богатым. Будь моим отцом». Если тутси принимал кувшин, он не только становился работодателем, но и обещал хуту защиту — например, от арабских работорговцев.

Неудивительно, что хуту не разделяли этот патерналистский нарратив, характерный для любого феодального общества, будь то рассказы о благодушных помещиках Российской империи («добрый барин») или о рабовладельческом Американском Юге («гуманный плантатор»). Хуту, вспоминая систему *убухаке*, упирали на века унижений и социального апартеида: выбраться из яра было так же сложно, как и российскому крестьянину выкупить себя из крепостного права. Хуту доставалась вся грязная работа. Например, женщинам-тутси было не по статусу ходить по холмам Руанды и Бурунди — и их носили на паланкинах слуги-хуту. В 1959 г. западный турист описал гигантского воина-тутси на велосипеде, который «не затруднял себя постыдным ремеслом кручения педалей». Вместо этого слуги-хуту и держали велосипед в вертикальном положении, и толкали его вперёд [4].

Незамеченный геноцид

В том же 1966 г., когда вышел фильм «Прощай, Африка», в Бурунди рухнула монархия. Произошёл военный переворот, в результате которого к власти пришёл 26-летний капитан Мишель Мичомbero, уже успевший побывать министром обороны. Мичомbero, этнический тутси, решительно боролся с угрозой прихода хуту к власти: перед глазами уже были пример соседней Руанды и рассказы беженцев. Ещё в 1965 г. в бытность министром обороны он подавил восстание армейцев-хуту, стремившихся захватить власть в стране. По традиции за этим последовали репрессии и масштабные чистки армии от хуту. 29 апреля 1972 г. на фоне правительственного кризиса на юге Бурунди начинается масштабное восстание хуту при поддержке вооружённых отрядов из соседнего Заира⁷⁰. Мичомbero в ответ «мстит в масштабах доселе

⁶⁹ Имеется в виду коровье молоко, — отсылка к тому, что у тутси есть скот.

⁷⁰ В Бурунди их называли мулеллисты в честь Пьера Мулеле, соратника Патриса Лумумбы и лидера восстания Симбы против власти президента Мобуту в Восточном Конго (Заире) в 1964–1965 гг.

невиданных в независимой Африке» [11]. Власти Бурунди арестовывают и уничтожают любых хуту с образованием, способных влиять на настроения масс: учителей, священников, административных и банковских служащих. В историю Бурунди события 1972 г. войдут под термином «Икиза» (катастрофа). По разным данным, погибло от 100 до 300 тыс. хуту. Ещё 200 тыс. бежали в Руанду.

10 мая посол США в Бурунди в своём отчёте в Вашингтон назвал эти события «селективным геноцидом». Тот же термин употребляют и премьер-министр Бельгии, и большинство исследователей этнических конфликтов в Восточной Африке. Хотя, как отмечает канадский историк Тимоти Стэплтон, ряд учёных, специализирующихся на геноциде 1994 г. в Руанде, склонны преуменьшать масштаб событий 1972 г. и намеренно не используют термин «геноцид» [13].

Впрочем, термин «геноцид», который использовали некоторые западные политики в отношении событий в Бурунди в 1972 г., не дошёл ни до официальных заявлений, ни до газетных статей международных СМИ, — уничтожение десятков и сотен тысяч человек будто бы не заметили. В книге «Селективный геноцид» конфликтолог Рене Лемаршан пытается понять, как мир остался в «счастливом безразличии по отношению к одной из самых жестоких примеров резни в истории в рамках одного небольшого государства»? Он приходит к выводу, что «международная совесть» базируется не на всеобщей приверженности общечеловеческим моральным ценностям, а на совпадении с ними национального и общественного интереса. В дни геноцида хуту в Бурунди западная пресса подробно освещала убийство 400 жителей Мозамбика португальскими военными⁷¹. Эта трагедия была понятнее широкому читателю: в фокусе оказались неокOLONиализм и жестокость одной из последних диктатур Европы. А Бурунди, замечает Лемаршан, «была слишком далёкой и слишком экзотической, чтобы вызвать озабоченность элит или сочувствие общества в странах Запада» [9].

Очередной всплеск насилия в Бурунди произошёл в 1993 г. В июне в стране избрали первого президента-хуту Мельхиора Ндадае, но уже в октябре его убили военные-тутси во время неудачного военного переворота. В ходе массовых погромов и убийств на этнической почве погибло, согласно оценке ООН, 116 тыс. человек. Пропорции неизвестны, но большинство исследователей склоняются к тому, что жертв оказалось больше среди тутси. По свидетельству западных журналистов Бужумбура превратилась в моноэтнический город, куда хуту могли заходить только в дневное время [8].

В любом случае, эти погромы удобно легли в нарратив пропаганды в соседней Руанде, где «Радио тысячи холмов» использовало их в качестве примера вероломства тутси, которым никогда не ужиться рядом с хуту.

Мобуту был традиционным союзником властей Бурунди, так что интересы восставших хуту и мулелистов совпали.

⁷¹ Мозамбик был португальской колонией до 1975 г.

Западная пресса события в Бурунди вновь почти не заметила, — на этот раз на фоне драматических событий октября 1993 г. в Москве и Могадишо. Молчание международного сообщества об убийствах в Бурунди, по мнению историка и правозащитницы Элисон Де Форж, возможно самой известной исследовательницы геноцида 1994 г., «привело к катаклизму в Руанде» [6]. Прервалось молчание лишь после зверств невиданных масштабов, то есть, слишком поздно.

Тридцать лет спустя

После геноцида 1994 г. Руанда стала совсем другой страной. Изменился даже флаг: новые власти убрали один из panaфриканских цветов, — красный, традиционно символизировавший кровь, пролитую за независимость. Решив, что крови в истории Руанды уже более чем достаточно, красный заменили небесно-голубым. Новая горизонтальная полоса занимает всю верхнюю половину полотнища. Она символизирует мир.

Изменили и государственный язык. К официальным киньяруанда и французскому добавили английский (в 2008 г.) и суахили (в 2017 г.). Последнее — следствие интеграции в Восточноафриканское сообщество; ведь остальные его члены (Кения, Танзания и Уганда) используют этот язык как официальный. Что касается английского, то официально — это декларация стремления в международную среду, развития бизнеса, привлечения инвестиций. Неофициально — многие руандийцы не хотят больше говорить на французском языке, так как это напоминает им как о временах этнической розни, так и о спорной роли Франции в истории страны.

А совсем неофициально — это пожелание главы РПФ и бессменного лидера Руанды с 1994 г. Поля Кагаме⁷², который большую часть жизни прожил в англоязычной Уганде. Семья Поля эмигрировала в 1959 г., когда будущему президенту было два года, пополнив диаспору тутси в соседних с Руандой странах. В Уганде тутси было особенно комфортно из-за родственных отношений с этносом хима (бахима), населявшем юго-запад страны. Когда в конце 1970-х гг. президент-северянин Милтон Оботе стал притеснять народы юго-запада, а тутси и вовсе попытался выдворить обратно в Руанду, последние с энтузиазмом включились в вооружённую политическую борьбу за власть в стране на стороне хима. В итоге, когда повстанцы захватили Кампалу в январе 1986 г., около четверти от их Национальной армии сопротивления составляли тутси. Президентом Уганды стал представитель этноса хима Йовери Мусевени, который, в свою очередь, в качестве благодарности стал помогать уже РПФ и Полю Кагаме вернуться к власти в Руанде.

Но поменять флаг и забыть язык — не значит простить убийц. После 1994 г. новые власти Руанды предприняли серьёзные усилия, чтобы, с одной стороны, не допустить масштабных погромов и линчеваний возмездия, а,

⁷² Формально Кагаме президент страны лишь с 2000 г., но де-факто он у власти в Руанде с лета 1994 г.

с другой, чтобы преступления были каталогизированы, систематизированы, расследованы, а виновные — понесли наказание. Даже с учётом массовой эмиграции хуту под подозрением в участии в геноциде оказались более миллиона человек.

Судебная система страны была не в состоянии справиться с таким объёмом работы. Поэтому власти возродили институт локальных судов общины *гачача* («невысокая трава»). Все преступления были разделены на несколько категорий: первая (охватившая организаторов и координаторов геноцида, а также насильников) стала юрисдикцией государственного суда, а вторая (рядовые убийцы, соучастники пыток и надругательств над трупами) и третья (вандалы и грабители) попали в ведение гачача. Гачача действовали до 2012 г. и рассмотрели около двух миллионов дел по всей стране, причём 25 % из них закончились оправданием обвиняемых [18]. В зависимости от признания вины и степени раскаяния обвинённый в третьей категории преступления мог получить от года до 7 лет тюрьмы; второй категории — от 20 до 30 лет. Максимальное наказание для первой категории — пожизненное заключение. Именно к такому сроку приговорили ведущую и пропагандиста «Радио тысячи холмов» Валери Бемерики. Её коллега Кантано Хабимана смог скрыться в Заире, где умер в 2002 г. Опыт института гачачи воспринимается неоднозначно, как жителями страны, так и исследователями. С одной стороны, он помог проговорить травму и восстановить хоть какой-то мир внутри отдельно взятого сообщества. Осознание причин и последствий трагедии, возможно, поможет перелистнуть эту страшную страницу в истории страны и оставить межэтническую вражду в прошлом. С другой стороны, есть многочисленные свидетельства, что подобные суды были использованы для сведения личных счетов, захватов земли и собственности. Также, в этих судах судили почти исключительно хуту, оставляя незамеченными схожие преступления, совершенные РПФ.

Для главных виновников геноцида был создан специальный орган ООН, международный трибунал по Руанде, который с 1994 по 2015 гг. рассмотрел 93 дела министров, высокопоставленных военных и пропагандистов. Многим из них вынесен максимально возможный приговор: пожизненное заключение (например, главу «кризисного комитета» и организатора интерахамве полковника Теонеста Багосору⁷³). Но даже после завершения работы этого трибунала сохранился «остаточный» механизм, позволяющий судить обвиняемых, которые на момент трибунала находились в бегах. Именно по нему в 2020 г. был арестован Фелисьен Кабуга, владелец «Радио тысячи холмов». По состоянию на 2023 г. суд в Гааге⁷⁴ над ним приостановлен из-за состояния здоровья 90-летнего обвиняемого.

С 1994 г. Руанда — страна на особом счету у международного

⁷³ Скончался в тюрьме в 2021 г.

⁷⁴ Остаточные процессы по уголовным трибуналам по Югославии и по Руанде под эгидой ООН проходят в Гааге или в Аруше. Эти трибуналы не следует путать с Международным Уголовным Судом, учреждённым на основе Римского Статута, и также расположенным в Гааге.

сообщества: западный мир постарался загладить своё равнодушие в те страшные апрельские дни и буквально залил Руанду деньгами и инвестициями. К 2023 г. ежегодная международная помощь стране превышает 1 млрд долл. США, что составляет более 40 % её национального бюджета [2]. Объёмы международной помощи Руанде на душу населения в два раза превышают помощь Уганде и в полтора раза — Кении. Финансирование работает: Руанда — лидер Восточной Африки в области развития банковского сектора, благоприятной среды для частного бизнеса, инвестиционного климата. Руандийский франк — стабильная валюта. Руанда вообще и Кигали в частности на фоне более крупных соседей по региону поражают чистотой и опрятностью. В стране даже запрещены полиэтиленовые пакеты: их изымают на границе.

Руанду было принято называть Африканской Швейцарией из-за рельефа, но теперь это верно и с точки зрения социально-экономического контраста с соседними странами. В Кигали все мототакси ездят в фирменных шлемах и куртках с личными номерами на них. Пассажиру тоже предоставляется шлем: пока его не наденешь, мототакси не может стартовать. К тому же все такси здесь ездят аккуратно и по правилам. Для сравнения, в соседней Кампале мототакси гоняют по улицам как в последний раз: о куртках с номерами и тем более о шлемах для пассажиров никто не слышал.

Впрочем, не сказать, что в Руанде всё безоблачно: экономические успехи достигаются в условиях авторитарной власти Поля Кагаме, который правит страной почти 30 лет. Оппозиция давно подавлена. Бывшие товарищи Кагаме по взятию Кампалы в 1986 г. и созданию РПФ Фаустин Няваса (бывший начальник Генштаба) и Патрик Карегея (бывший руководитель разведки страны) отправились в изгнание за критику диктаторских методов правления президента. Карегея был убит в Йоханнесбурге в 2014 г. Няваса пережил покушение там же в 2010 г. Оппозиционного журналиста Жана-Леонарда Ругамбаге⁷⁵, начавшего расследование этого покушения, застрелили в Кигали через несколько дней. Вскоре полиция задержала его убийц, которые якобы мстили Ругамбаге за убийство родственника в 1994 г.⁷⁶

Пол Русесабагина, тот самый герой из отеля «Тысяча холмов»⁷⁷, спасший множество жизней во время геноцида, также стал критиком президента, объявив президентские выборы 2003 г., в которых Кагаме набрал более 90 % голосов, недемократическими. В стране тут же развернулась кампания по очернению Русесабагина: выжившие в отеле внезапно принялись обвинять его во лжи и подтасовке фактов [17]. В 2020 г. в результате операции руандийских спецслужб его выманили из США, где он постоянно проживал, и привезли в Кигали (Русесабагина думал, что самолёт, в который он садится,

⁷⁵ Он был редактором газеты *Umuvugizi*, которая незадолго до этого была закрыта властями, но продолжала выходить онлайн.

⁷⁶ Ругамбаге действительно был обвинён в убийстве нескольких тутси во время геноцида, но оправдан гачача в 2006 г.

⁷⁷ В фильме «Отель Руанда» (2004) его сыграл американский актёр Дон Чидл и получил номинацию на «Оскар» за лучшую мужскую роль.

доставит его на выступление в Бурунди). В 2021 г. Пола осудили на 25 лет за терроризм. Но в мае 2023 г. после продолжительного давления США, ЕС и ООН Кагаме все-таки выпустил своего критика из тюрьмы.

Когда на улицах Кигали автор статьи спрашивал её жителей: хуту они или тутси — они обиженно отвечали: «мы руандийцы». Действительно, официальная позиция нынешнего правительства страны — в Руанде живёт один народ, руандийцы. Но различные этнические нарративы никуда не делись. Как отмечает исследователь руандийского геноцида Мамдами Махмуд, достаточно просто понять, с представителем какого этноса ты говоришь, по интерпретации истории. Если руандиец начинает рассказывать, что разница между хуту и тутси была лишь социо-экономическая (одни богатые скотоводы, другие — бедные земледельцы), то перед тобой тутси. А если, по мнению собеседника, разница — социобиологическая: народы были изначально разными, причём тутси пришли позже и завоевали хуту, то ты общаешься с хуту [10].

Согласно отчёту Фонда Бертельсмана⁷⁸ по Руанде за 2022 г., и спустя почти тридцать лет после геноцида в стране продолжают земельные конфликты, а суды гачача совсем не способствовали росту доверия между тутси и хуту. Последние по-прежнему уверены, что государством управляют тутси, и именно они получают лучшие земли в стране [19].

Хватает в Руанде и других проблем. Армия страны активно участвовала в обеих войнах в Конго, до сих сохраняются амбиции на экономику соседа. Искрят отношения соседей-автократов, руандийца Кагаме и угандийца Мусевени. О, конечно, помогли друг другу прийти к власти, но с тех пор не раз ссорились и мирились. Зато в Руанде уже три десятилетия нет кровавых столкновений, чем, к сожалению, не может похвастаться Бурунди. Гражданская война тутси и хуту 1993–2005 гг. унесла там около 300 тыс. жизней. Введение миротворцев и избрание компромиссного президента-хуту Пьера Нкурунзиза помогло не до конца. Радикальная партия хуту ещё несколько лет после официального окончания боевых действий отказывалась сложить оружие. А с 2015 г. после решения Нкурунзиза идти на третий срок в стране начались беспорядки среди тутси. Экономическая помощь стране, если и выделяется, то в несравнимо меньших объёмах, нежели Руанде.

В типичном, казалось бы, африканском конфликте двух народов сошлось всё: хамитская теория и искусственный колониальный этногенез, проблема защиты этнического меньшинства и право угнетённых масс на восстание, геополитические игры бывших метрополий и европоцентричная слепота международного сообщества по отношению к Африке. А ещё сложившийся образ страны-жертвы, что уже многие годы, как минимум, развязывает руки автократии Поля Кагаме, а, как максимум, готовит почву для нового витка конфликта. Важно продолжать распутывать этот клубок, чтобы, с одной стороны,

⁷⁸ Показатель уровня развития и управления процессами политических и экономических преобразований в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Публикуется независимым Фондом Бертельсмана (Германия) с 2006 г.

конфликтологи перестали получать новый материал из этого региона, а с другой, чтобы это знание помогло погасить или даже предотвратить этнические противостояния и войны соседей в других частях планеты. Если на чужом горьком опыте вообще возможно чему-то научиться.

Список литературы

1. Кривушин И. В. Сто дней во власти безумия. Руандийский геноцид 1994 г. — М.: НИУ ВШЭ, 2015. — 528 с.
2. Aikins E. Could FDI be Rwanda lifeline as donors pull the plug? // Institute for Security Studies, 27.04.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issafrica.org/iss-today/could-fdi-be-rwandas-lifeline-as-donors-pull-the-plug> (дата обращения 05.09.2024).
3. Carroll R. US chose to ignore Rwanda genocide // The Guardian 31.03.2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2004/mar/31/usa.rwanda> (дата обращения 05.09.2024).
4. Cohen J., Jacopetti G., Prosperi F. Africa Addio. — NY: Ballantine Books, 1966. — 320 p.
5. Dallaire R. Shake Hands with the Devil. — NY: Da Capo, 2003. — 592 p.
6. Des Forges A. Leave None to Tell the Story: Genocide in Rwanda. — New York, 1999. — 789 p.
7. Gourevitch P. We Wish to Inform You that Tomorrow We Will Be Killed with Our Families. — London: Picador, 1998. — 355 p.
8. Jennings C. Across the Red River. Rwanda, Burundi and the Heart of Darkness. — Phoenix: Gollancz, 2000. — 349 p.
9. Lemarchand R., Martin D. Selective Genocide in Burundi. — London: Minority Rights Group International, 1974. — 21 p.
10. Mamdani M. When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda. — Princeton: Princeton University Press, 2001. — 364 p.
11. Meredith M. The State of Africa. A history of fifty years of Independence. — Johannesburg–Capetown: Jonathan Ball Publishers, 2006. — 752 p.
12. Sciolino E. For West, Rwanda Is Not Worth the Political Candle // New York Times, 15.04.1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1994/04/15/world/for-west-rwanda-is-not-worth-the-political-candle.html> (дата обращения 05.09.2024).
13. Stapleton T. A History of Genocide in Africa. — Praeger Security International, 2017. — 268 p.
14. 25 лет геноциду против тутси в Руанде: как это было // Новости ООН 7.04.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352631> (дата обращения 05.09.2024).
15. Резолюция 912 (1994), принятая Советом Безопасности 21 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/190/87/PDF/N9419087.pdf> (дата обращения 05.09.2024).
16. Резолюция 913 (1994), принятая Советом Безопасности 22 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds->

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/190/99/PDF/N9419099.pdf (дата обращения 05.09.2024).

17. Руанда: страна со шрамом // Фильм для Youtube, 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7q9eVyQzSqA> (дата обращения 05.09.2024).
18. Closure of Gacaca // UNDP Rwanda, 21.01.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.undp.org/rwanda/news/closure-gacaca> (дата обращения 05.09.2024).
19. Rwanda Country Report 2024 // BTI Transformation Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/RWA> (дата обращения 05.09.2024).

Австралийский сёрфинг как креативная индустрия: пример сёрф-хаба Восточного побережья

Cherepnina T. S.

Australian Surfing as a Creative Industry: The case of the East Coast Surf Hub

Аннотация

Сёрфинг с каждым годом всё больше становится не только способом проведения досуга, но и культурной ценностью и национальной гордостью. Австралия — страна, полностью окружённая океаном, предпринимает усилия по стимулированию развития сёрфинга как вида туризма, а также брендов по производству оборудования для сёрфинга. Выделяются всемирно известные бренды Квиксилвер (Quiksilver), Биллабонг (Billabong) и Рип Керл (Rip Curl), именующиеся «Большой тройкой». Помимо «Большой тройки» в Австралии существуют многочисленные небольшие предприятия по производству оборудования, которые преобразовывались в креативные сёрф-хабы (сёрфинг-кластеры). В статье через призму институциональной географии и концепции кластерного развития по М. Портеру подробно рассмотрен один из наиболее крупных в стране сёрф-хабов, расположенный на Восточном побережье Австралии на границе штатов Квинсленд и Новый Южный Уэльс (города Голд-Кост и Твид-Хедс). Постепенная переориентация потребителей с мировых брендов на локальные, а также успех такой креативной комплексной отрасли свидетельствуют о важности фактора географической близости, положительно влияющей на выстраивание взаимодействия различных малых предприятий, на развитие и укрепление связей (технологических, экономических, исторических и культурных).

Ключевые слова: сёрф-хаб Голд-Кост и Твид-Хедс, сёрфинг-индустрия, кластеризация производства, Австралия

Abstract

Every year surfing is becoming not only a way of spending leisure time, but also an object of cultural value and national pride. Australia, completely surrounded by the ocean, is trying to actively stimulate the development of surfing as a type of tourism, as well as surfing equipment national brands, including the world-famous Quiksilver, Billabong and Rip Curl, called the “Big Three”. In addition to the “Big Three”, there are numerous small enterprises for the production of surf equipment in Australia, which have been transformed into creative surf hubs (surfing clusters). In this article, through the prism of institutional geography and the concept of cluster development (according to M. Porter), one of the largest surf hubs in the country, located on the East Coast (the cities of Gold Coast and Tweed Heads) on the border of the states of Queensland and New South Wales, is studied in detail.

The gradual reorientation of consumers from global brands (the “Big Three”) to local ones, as well as the success of such a creative complex industry, indicate the importance of geographical proximity factor. In fact, it has a positive effect on building interaction between various small surf enterprises developing and strengthening their ties (technological, economic, historical and cultural).

Key words: Gold Coast and Tweed Heads surf hub, surf manufacturing, cluster manufacturing, Australia

Введение

Развитие любого вида спорта и признание его мировой общественностью важно рассматривать с географической точки зрения, так как от этого во многом зависит степень привлекательности для туристов, самих спортсменов и фанатов, а также для исследователей того или иного спортивного феномена. История сёрфинга насчитывает уже около девяти веков. В его превращении в современный вид спорта первостепенным фактором стало географическое положение. Поэтому ярче всего социально-экономические особенности развития сёрфинга можно изучить.

Австралия — это уникальная страна для занятий сёрфингом, длина её береговой линии составляет 35 877 км (без островов). Здесь можно встретить почти все виды берегов по их геоморфологическим особенностям (от пляжей с белоснежным песком до скалистых бухт) и постоянные волны разной высоты и мощности. Поэтому в Австралии сёрфингом можно заниматься при любом уровне подготовки. В стране насчитывается более 10 тыс. пляжей и 1490 сёрфинг-дестинаций⁷⁹ [18]. С учётом того, что 85 % австралийцев живут вблизи побережья, вполне естественно полагать, почему такой водный вид спорта как сёрфинг так широко распространён в этой стране.

Сёрфинг с каждым годом становится все более востребованным как вид спорта, а также как захватывающее зрелище и аттрактив для туристов, что произошло во многом благодаря его включению в список олимпийских видов спорта в 2021 г. В настоящее время в мире насчитывается примерно 35 млн сёрфингистов, из которых 13,5 млн приходится на США, 6,5 млн — на Австралию и Океанию, 6 млн — на Азию и по 4,5 млн на Европу и Африку соответственно [12].

Исследование феномена сёрфинга важно тем, что его можно изучать как с позиций различных научных дисциплин, так комплексно. Примечательно то, что большая часть исследований сёрфинга была проведена в последние десятилетия, что делает данную сферу относительно молодой областью в науке. Социологические исследования сёрфинга проводятся с целью выявления взаимосвязи между феноменом сёрфинга и национальной идентичностью Австралии [9]. Сёрфинг с экономической точки зрения изучается, в первую

⁷⁹ Сёрфинг-дестинация (сёрфинг-спот) — местность с необходимыми условиями для занятий сёрфингом. В кругу сёрфингистов принято говорить, что одинаковых сёрф-спотов не бывает, потому что каждый из них — это уникальное сочетание природных условий, влияющих на формирование волн.

очередь, как прибыльная отрасль туристского сектора. Было подсчитано, что ежегодно мировая индустрия сёрфинга оценивается в 7 млрд долл. США [6]. Учитывая такую популярность и прибыльность, были проведены отдельные исследования вклада в экономику государства проведения соревнований по сёрфингу [3], создания сёрфинг-курортов [2], развития сёрфинг-туризма [4]. В нашей статье сёрфинг рассматривается с точки зрения креативного ремесла, в котором Австралия преуспела как на международном, так и на локальном рынках. Особенности такой комплексной отрасли особенно важно отразить на примере небольших «точек роста», которые смогли за счёт своей специфики и высокой значимости для локальных сёрфингистов, организоваться в промышленную агломерацию на границе двух штатов — Нового Южного Уэльса и Квинсленда.

Креативный сёрфинг-кластер

Креативный сёрфинг-кластер представляет собой объединение дизайнеров-производителей, работающих по индивидуальным заказам, которые делают доски для сёрфинга (сёрфборды); специалистов, занимающихся производством плавников⁸⁰ для сёрфбордов и гидрокостюмов для сёрфингистов [8]. В индустрии за каждым брендом также закреплены собственные дизайнеры одежды, фотографы, специалисты по рекламе и маркетингу, верстальщики веб-сайтов онлайн-магазинов и иные представители творческих профессий, работающих для продвижения мастерских.

Особенность производства досок для сёрфинга заключается в том, что предприятия по их изготовлению должны быть чётко привязаны к конкретному месту. Основная причина в том, что модели досок зависят от запросов потребителей, местных сёрфингистов, а также от характера волн. Со временем в Австралии образовались отличительные региональные стили досок для сёрфинга — стили, которые наилучшим образом соответствуют местным волнам и которые отражают суть сёрфинг-субкультуры в этих местах.

Доска для сёрфинга может быть создана либо с нуля, либо вырезана из специальной заготовки для доски, большого куска пены из полистирола. После выбора материалов мастер изготавливает сёрфборд вручную или при помощи формовочных машин, которые позволяют облегчить трудоёмкие работы по производству специальных форм [15]. В данном случае речь идёт о правильном выборе формы доски для сёрфинга, потому что от него зависит, как сёрфингист будет чувствовать себя на ней во время катания. После придания формы традиционная доска покрывается стекловолокном, чтобы она была более прочной во время столкновения с волнами, и полиэфирной смолой. Далее к доске прикрепляются плавники. Производство каждого сёрфборда — это возможность для самовыражения и совершенствования. К каждому заказу на малых предприятиях мастера находят индивидуальный подход и

⁸⁰ Качественно произведённые плавники особо важны, потому что это устройство, которое обеспечивает стабильность, контроль и направление во время катания на доске для сёрфинга. Обычно сёрфборд насчитывает от одного до пяти плавников [14].

производят ценный продукт интеллектуального и творческого труда. Особенность индустрии заключается в том, что клиентам выгоднее приобретать сёрфснаряжение у местных специалистов, которые хорошо знакомы с погодными условиями той или иной местности, типами дна и волн, потому что они сами также занимаются сёрфингом.

По количеству зафиксированных сёрфинг-предприятий лидируют штаты Новый Южный Уэльс (НЮУ) и Квинсленд (соответственно, более половины и ¼ всех предприятий) (таблица 1). В штате Виктория предприятия концентрируются в городе Торки (негласная столица сёрфинга в Австралии) и его пригородах. Меньше всего мастерских (всего 2) расположено в Тасмании. Штат Северные территории не представлен по причине отсутствия там качественных и безопасных сёрфинг-дестинаций, из-за чего производство сёрф-оборудования могло бы быть убыточным. Важно отметить, что производство в каждом всегда тяготеет к прибрежным городам, располагаясь в районах вблизи основных пляжей.

Таблица 1 — Распределение сёрфинг-мастерских по штатам Австралии (2023)

Штат	Количество сёрфинг-предприятий
Новый Южный Уэльс	186
Квинсленд	88
Виктория	31
Западная Австралия	28
Южная Австралия	13
Тасмания	2

Составлено автором по данным Surfers и Broadcave.

Для более детального изучения креативного сёрф-кластера был выбран пример двух городов в штатах Квинсленд и НЮУ — Голд-Кост и Твид-Хедс. Это яркий пример самого прибыльного и интегрированного сёрфинг-кластера Австралии, объединяющего производство модной одежды, аксессуаров и досок для сёрфинга. В кластере расположено большое количество малых сёрф-предприятий (102), которые изготавливают сёрф-оборудование на заказ, что особо ценится среди сёрф-сообщества [8].

Для выявления особенностей креативного сёрф-кластера были собраны данные по расположению составляющих его объектов:

- предприятия, производящие сёрфборды;
- предприятия, производящие гидрокостюмы;
- предприятия, производящие плавники для сёрфбордов;
- компания-поставщик пенопластовых заготовок;
- предприятия, производящие формовочные машины.

Данные о предприятиях, производящих сёрфборды и гидрокостюмы, были получены с электронных ресурсов Бордкейв (Boardcave) [10] и Шейперс (Shapers) [13], собирающих информацию обо всех малых сёрф-предприятиях в Австралии. Далее при наличии открытых данных из отчётов компаний или с их веб-сайтов была получена информация о том, где они закупают

материалы, и есть ли в наличии у них собственные формовочные установки.

Сёрфинг-индустрия — это сложная отрасль с комплексным созданием сёрф-оборудования, где на разных стадиях производства могут быть задействованы люди различных компетенций и навыков, между которыми должны быть выстроены крепкие связи. Малые предприятия по производству товаров для сёрфинга и последующая их продажа отличаются тем, что это специфические активы.

Специфические активы — это активы, которые обладают значительной ценностью в определённых ситуациях или сделках, но сильно теряют свою стоимость или полезность при попытке применить их в других сферах. Их ключевая особенность заключается в том, что они трудно адаптируются для иных задач или проектов без значительных потерь в стоимости.

Американский экономист О. Уильямсон выделял основные черты специфических активов: узкоспециализированное использование, сложность замены и риск зависимости. Активы сёрфинг-индустрии предназначены для развития конкретного вида спорта, поэтому за пределами сферы влияния их использование может быть крайне ограничено (например, сёрфинг-доски, которые изготавливаются для катания в открытом океане, совсем не подходят для занятий сёрфингом в бассейнах с искусственной волной из-за технологии изготовления). Сложность замены того или иного элемента из числа сёрф-товаров напрямую влияет на риск зависимости между различными этапами производственной цепочки друг от друга.

Существует четыре основных типа специфичности активов [1]:

- специфичность их местоположения;
- специфичность физических активов;
- специфичность человеческих активов;
- специфичность целевых активов.

Специфичность местоположения обуславливается низкой мобильностью активов в связи со значительными издержками при их передвижении или вводе в действие. В случае сёрфинг-индустрии продукция реализуется на ограниченной территории в прибрежной зоне с пляжами, которые пользуются большой популярностью у сёрфингистов.

Специфичность человеческих активов определяется наличием квалифицированных кадров, которые были обучены конкретным производственным навыкам и способны работать с максимальной полезностью и отдачей только в определенной отрасли. Уникальность в сфере сёрф-производства достигается чаще всего за счёт передачи знания и опыта из поколения в поколение; меняется только мера адаптации для изобретения новых методов работы с материалами для изготовления досок, костюмов, плавников и проч.

Человеческая деятельность с точки зрения концепции институциональной географии может быть изучена на разных уровнях от глобального до локального. В этом заложено то, как именно управлять и организовывать экономическую деятельность, исходя из местных институтов. Институты

имеют общие черты на разных территориях, но становятся специфичными для определенного места. Такое воплощение специфичности успешно реализуется в кейсе малых мастерских в австралийской сёрф-индустрии, потому как такой тип предприятий тяготеет к интеграции. Интегрирование и взаимодействие составных частей сёрф-кластера между собой путём обмена знаниями и сохранения культурных традиций конкретной местности гарантируют повышенную производительность, прибыльность и инновации. Таким образом, интеграция предприятий способствует возникновению феномена кластеризации, что будет проиллюстрировано подробнее на примере городов Голд-Кост и Твид-Хедс.

Феномен пространственной кластеризации производства: пример агломерации Голд-Кост и Твид-Хедс как креативного сёрф-хаба

Города Голд-Кост и Твид-Хедс — это типичные австралийские прибрежные города с высоким уровнем жизни, в которых до начала 2000-х гг. наблюдались одни из самых высоких темпов роста населения в стране в основном за счёт миграционных потоков из южных австралийских штатов, а также из-за рубежа. Данные города традиционно ассоциируются с атмосферой элитных австралийских курортов, плотно застроенных высокоэтажными зданиями на первой линии у океана с золотистыми песчаными пляжами. Однако в мире сёрфинга оба города играли ключевую роль как для развития спорта внутри страны, так и за её пределами. В середине XX в., когда сёрфинг только начал набирать популярность в Австралии, Голд-Кост и Твид-Хедс были одними из первых городов, где были открыты первые доступные для спортсменов пляжи Снаппер Рокс (Snapper Rocks), Кирра (Kirra) и Баррел Бич (Burleigh Beach). К 1960–1970 гг. эти места уже были известны как идеальные локации для сёрфинга, и здесь формировалась уникальная сёрфинг-культура, которая привлекала внимание не только местных жителей, но и международных сёрфингистов. Ныне среди сёрфингистов они признаны исторически и культурно значимыми как стартовая точка в истории развития австралийского сёрфинга. Данные сёрф-споты также были утверждены одними из лучших в мире из-за качественных волн доступных почти круглый год, что привлекает как профессионалов, так и любителей сёрфинга.

Оба города в дополнении друг к другу повлияли и на развитие сёрфинг-индустрии и продажи качественного сёрфинг-оборудования. Немаловажным событием было ещё то, что в 1973 г. в Голд-Кост была основана компания Биллабонг (Billabong), которая входила в «Большую тройку» наравне с Квиксилвер (Quicksilver) и Рип Керл (Rip Curl), пионерами в мировой креативной сёрф-индустрии.

Город Голд-Кост расположен на юго-востоке штата Квинсленд, на побережье Тихого океана, примерно в 80 км к югу от Брисбена, столицы штата. По данным на 2023 г., население составляет более 700 тыс. чел., что делает его шестым по численности городом в Австралии. С 2021 по 2022 гг. население Голд-Коста выросло на 2,1 %. Такие темпы роста позволяют опередить

по темпам Брисбен, штат Квинсленд и средний показатель по всей стране. За последние 20 лет экономика Голд-Коста росла со скоростью 3,8 % в год, что выше, чем во многих других штатах. Рост валового регионального продукта (ВРП) Голд-Коста в 2021–2022 гг. превысил средние темпы роста за последние два десятилетия. Это свидетельствует о значительном восстановлении после экономических проблем, вызванных COVID-19. Увеличение ВРП на 5,9 % в годовом исчислении в период с 2021 по 2022 гг., превысившее ранее прогнозируемый рост на 4,8 %, свидетельствует о значительном восстановлении экономической активности [11]. Туризм остаётся основной экономикой города Голд-Кост, ежегодно сюда приезжает более 11,5 млн туристов, 4 млн из которых посещают город с целью занятий сёрфингом. По последним доступным данным за 2019 г., сёрфинг принёс городской экономике более 3,2 млн долл. США [16]. По заявлениям руководителей нескольких компаний, базирующихся в Голд-Косте, здесь ежегодно производят не менее 50 % всех досок для сёрфинга в Австралии, что подчёркивает важность регионального кластера для австралийской индустрии сёрфинга [5].

Твид-Хедс находится на северо-восточном побережье штата Новый Южный Уэльс, прямо на границе с Квинслендом и примыкает к своему «городу-близнецу» Кулангатта (пригород Голд-Коста), что делает его частью приграничной промышленно-креативной агломерации с Голд-Костом. Расстояние до центра Голд-Коста составляет примерно 30 км. Население Твид-Хедс составляет около 55 тыс. чел. (на 2023 г.). Город входит в состав более крупного региона Твид-Шир (Tweed Shire), в котором проживает более 90 тыс. чел [17]. В 2023 г. экономика города также зависел от туризма, ключевую роль также играл близлежащий пригород Голд-Коста — Кулангатта. Благодаря своему расположению на границе с Голд-Костом и близости к известным пляжам и национальным паркам, часть туристских потоков устремляется именно в Твид-Хедс как в более спокойное место отдыха. В 2023 г. Твид-Хедс привлек в общей сложности 803 тыс. туристов (из них треть были сёрфингистами), что на 16,5 % больше по сравнению с предыдущим годом [5].

Исследователи дают характеристику сёрф-кластеру как мелкомасштабному, управляемому на местном уровне, органично развивающемуся на границе двух штатов сектору экономики. Рынок сёрф-товаров, которые производят местные компании, весьма устойчив, но не без эпизодической помощи со стороны правительств обоих штатов и федерального правительства [5]. Первое производственное предприятие по изготовлению сёрфбордов открылось в январе 1962 г. в Голд-Косте. Это была маленькая мастерская в арендованном гараже неподалёку от пляжа Кирра (одноименный сёрф-спот), которую возглавил сёрфингист Джо Ларкин. До открытия данной мастерской всем сёрфингистам в округе приходилось либо изготавливать доски самостоятельно, что было дорогостоящим занятием, либо приобретать их у одного из немногих дистрибьютеров, производивших их в Сиднее. В эти же годы началось бурное развитие Голд-Коста и Твид-Хедс как туристских курортов, куда устремлялось большое количество австралийских туристов. Пляжная

культура манила людей, ведь территория обладала подходящим потенциалом: десятки километров ещё мало застроенного побережья с белоснежным песком и кристально чистой водой. Сёрф-бизнес стал востребованным, помимо мастерской Джо Ларкина, в пригородах Голд-Коста начали постепенно открываться другие предприятия. Однако на тот момент они в большей степени были ориентированы на небольшое количество клиентов, производство товаров было ориентировано на «своих» клиентов.

Уже на раннем этапе было понятно, что такая сложная и ресурсозатратная отрасль, как сёрф-индустрия не сможет существовать в виде разрозненных в территориальном отношении мастерских, где изготавливают разные предметы сёрф-оборудования. Проблемы, предшествующие реструктуризации будущего хаба в регионе, стояли остро из-за нехватки квалифицированных кадров (поэтому многим мастерам приходилось работать и шейперами, и формовщиками, и дизайнерами), а также из-за сложностей в поставке материалов для производства. Продвижению бизнеса и наращиванию капитала на раннем этапе мешало отсутствие эффекта масштаба, так как предприятия были рассредоточены в соседних пригородах и не контактировали между собой. При содействии городских властей и развитии бизнес-партнерства в сёрф-сообществах⁸¹ Голд-Коста и Твид-Хедс, мастерские «вышли» из съемных гаражей, что обусловило начало активной трансформации производства [5].

Развитию сёрф-агломерации поспособствовали три ключевых фактора. Во-первых, предприятия не могли размещаться хаотично, так как важно было располагаться ближе к конкретным пляжам и сёрф-спотам. Успех в расширении кластера был связан с его прилегающим положением к известным пляжам Голд-Коста и его пригородов (Сёрферс-Парадайз, Майами, Берли-Хедс и Куррумбин).

Слияние с городом Твид-Хедс в соседнем штате произошло «случайно» в результате работ по откачке песка, проводимых на приграничном пляже Твид-Ривер. На стыке двух штатов стихийно начали формироваться несколько сёрф-спотов, которые стали активно посещать сёрфингисты обоих штатов. Благодаря этому слиянию и активизации местных сёрф-сообществ по обе стороны от границы штатов ключевые сёрф-предприятия Голд-Коста получили практически неограниченный рынок сбыта. Во-вторых, размещение предприятий, реализующих сёрф-продукцию, стало привлекать растущий потребительский рынок (то есть, сёрфингистов) и ключевых поставщиков материалов. На карте (рисунок 1) видно, что в пригородах Берли-Хедс и Куррумбин высокая плотность предприятий по производству сёрфбордов соседствует с несколькими компаниями, которые занимаются производством и поставками пенопластовых заготовок для досок, при этом данные объекты расположены

⁸¹ Под сёрф-сообществом (surf community) понимается объединение сёрфингистов, которое возникает в любом населённом пункте, где расположены сёрфинг-дестинации. Каждое сёрф-сообщество ведёт активную деятельность в социальных сетях, публикуя анонсы ближайших соревнований, локальные новости, связанные с пляжными зонами, информацию о качестве воды и волн, чистоте пляжей и их загрязненности.

в центре кластеров. Известно, что крупнейший в Австралии производитель пенопластовых заготовок, компания Бурфорд (Burford), специально перевезла своё производство в Голд-Кост в середине 1970-х гг., чтобы быть ближе к новому развивающемуся сёрф-кластеру.

В-третьих, законы городского планирования в Австралии учитывают прибыльность и состояние отраслей, которые размещены вдоль побережья. Поэтому в рамках мер поддержки местных производителей, вкладывающихся в городскую экономику, предлагалась доступная и относительно дешёвая земля для размещения предприятий. Это привело к тому, что основные кластеры расположены в окрестностях Берли-Хедс, Куррумбина и Твид-Хедс. Там же рядом друг с другом находятся разные типы объектов, включённые в сёрф-производство.

Рисунок 1 — Креативный сёрф-кластер в городах Голд-Кост и Твид-Хедс. Составлено автором

В ходе нашего исследования было выявлено 102 предприятия, производящих сёрфборды, восемь предприятий, где производят гидрокостюмы, две мастерские, где производят плавники, четыре объекта, где предприятия закупают пенопластовые заготовки и расположение трёх производств формовочных машин. Как можно увидеть на карте (рисунок 1), все звенья, включённые в производство сёрф-оборудования, расположены в непосредственной близости друг к другу. В контексте изучения данного сёрф-хаба важно понять, каким образом близость предприятий различных фирм, конкурирующих между собой, способствовала пространственной кластеризации креативного производства. Креативную сёрфинг-индустрию можно назвать кустарным производством, потому что зарождение каждого бренда начиналось на локальном уровне, чаще всего с простого ремонта сёрфбордов или изготовления сёрф-оборудования для себя лично или близких друзей. Укрупняясь, производители нанимают персонал на постоянной основе, но из-за сезонности, когда зимой на курорты приезжает меньшее число туристов, и нечёткого графика работы в отрасли наблюдается активная текучка кадров. Высококонкурентная среда, возникающая между локальными брендами, неизбежна, но её можно рассматривать и как достоинство, и как недостаток. Положительная сторона конкуренции в такой специфичной отрасли благоприятно может влиять на инновации, которые важны для всех компаний, занятых в деле. Сотрудники в таких компаниях набираются не только по профессиональному принципу, но и на основе того, что, будучи сёрфингистами, они способны ориентироваться в предпочтениях потенциальных покупателей определять, что именно нужно потребителю. С другой стороны, конкуренция приводит к постоянным расходам на переподготовку персонала и утрате интеллектуальной собственности.

В настоящее время можно утверждать, что сёрф-кластер работает в рамках классической теории Майкла Портера, который утверждал, что кластер — это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и проч.) и связанных с ними организаций, действующих в определённой сфере и взаимодополняющих друг друга [7]. В случае с сёрфингом это городские власти, образовательные учреждения (сёрф-школы), компании-спонсоры спортивных соревнований и экологические организации, которые поддерживают связи с местными сёрф-сообществами для привлечения внимания общественности к проблемам загрязнения океана и прибрежных территорий.

Майкл Портер выделял два типа кластеров — «итальянский» и «японский». В «итальянском» типе (вертикальном) происходит обмен информацией между отраслями-покупателями, поставщиками и родственными отраслями. При такой стратегии также важно присутствие смежных этапов производственного процесса, где важно понимать, кто именно из участников сети является инициатором и конечным исполнителем инноваций в рамках кластера. «Японский» кластерный тип (горизонтальный) связан с активной конкуренцией в каждой отдельной отрасли, причём несколько отраслей или секторов могут входить в более крупный кластер (например, система мегакластеров

в экономике Нидерландов) [7]. Нельзя утверждать точно, что исследуемый сёрф-кластер относится к «итальянскому» или же к «японскому» типам, потому как при всей специфичности отрасли, где вечная конкуренция не препятствует повсеместному обмену опытом и информацией, характер спроса не меняется. Стоит отметить, что это применимо в данной индустрии только на локальном масштабе, когда речь идёт о небольших производствах. Успех такой пространственной кластеризации сёрф-производства «по-австралийски» в том, что чёткий набор предприятий работает исключительно на локальных клиентов, а не на массовое потребление. Для такой потребителей как сёрфингисты важны история и ценности бренда, общение с единомышленниками и творческий подход в выборе оборудования. Активная конкуренция между мастерами только укрепляет уверенность клиентов в их выборе.

Данный сёрф-кластер имеет много общих черт с другими промышленными агломерациями [5, 8]. В частности, это близкое размещение фирм-участников, репутация высококонкурентного центра инноваций, быстрая передача и распространение информации. За последние 50 лет этот динамичный сектор, зародившийся буквально в «гаражах», в совокупности стал ежегодно приносить 3,3 млрд долл. выручки, что вносит значительный вклад в местную экономику. Промышленный район Голд-Кост и Твид-Хедс теперь представляет из себя инновационное сообщество специалистов, где имеется лёгкий доступ к поставщикам высококачественных материалов; все производственные звенья контролируются современными инструментами городского планирования. Такими инструментами являются учёт прибыльного бизнеса и производственных объектов при разработке городской стратегии развития, а также проектирование общественных пространств экспериментального формата, связанных с сёрф-производством: открытие новых сёрф-школ, а также профессиональных курсов, кофеен и специализированных магазинов. Несмотря на то, что производство досок для сёрфинга считается относительно низкодоходной отраслью, его можно считать важнейшим элементом брендинга и маркетинга сёрф-агломерации. При всех возможных проблемах производства в будущем жизнеспособность предприятий, возможно, будет зависеть от сохранения стремления производителей к специализации на высококачественной продукции и укреплению «индустриальной атмосферы» в регионе. Этого можно достичь путём передачи профессиональных навыков и знаний следующим поколениям мастеров и сохранения неформальных субкультурных ценностей самого производства, одной из которых считается коллективная организация труда.

Таким образом, сёрфинг-хаб, функционирующий на границе двух австралийских штатов, заслужил признание не только на локальном, но и на международном уровне во многом за счёт внедрения передовых технологий и географической близости конкурентов и поставщиков сырья. Пространственная кластеризация в сёрф-индустрии на примере городов Голд-Кост и Твид-Хедс, обусловленная специфичностью и комплексностью ремесла, создала культурный бренд региона.

Выводы

Особенность креативной сёрф-индустрии в том, что все предприятия, от брендов «Большой тройки» до малых мастерских в курортных городах были созданы простыми сёрфингистами, желающими развивать данный вид спорта по всей стране. Гаражные сёрф-мастерские, в которых начиналось производство сёрф-оборудования с уникальными дизайнерскими решениями выросли из локальных брендов в глобальные, покоров мир своим подходом к ведению производства и высоким качеством товаров. На примере рассмотренной сёрф-агломерации Голд-Кост и Твид-Хедс, где на границе двух австралийских штатов сёрф-мастерские «захватили» значимое в туристском бизнесе побережье с расположенными на нем популярными на весь мир сёрфинг-дестинациями, был продемонстрирован эффект кластеризации предприятий-звеньев производства. Расположение мастерских в непосредственной близости от главных сёрфинг-дестинаций стало главным условием их прибыльности. Мелкомасштабность, специфичность отрасли и занятость в ней квалифицированных творческих людей, любящих своё дело, стали главными факторами успешного развития креативного сёрф-хаба Голд-Кост и Твид-Хедс.

Список литературы

1. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирма, рынки, «отношенческая» контрактация. — СПб.: Лениздат, 1996. — 109 с.
2. Augustin J. Emergence of surfing resorts on the Aquitaine littoral // *The Geographical review*. — 1998. — Vol. 88, № 4. — P. 587–595.
3. Breedveld J. Ripcurl Pro/Qui Womens Classic Surfing Contest economic impact assessment // *Journal of Sustainable Tourism*. — 1995. — Vol. 6, № 4. — P. 15–20.
4. Buckley R. Surf tourism and sustainable development in the Indo-Pacific islands: the industry and the islands // *Journal of Sustainable Tourism*. — 2002. — Vol. 10, № 5. — P. 405–424.
5. Logue D., Argent N., Warren A. Wipeout? The Gold Coast and Tweed surfboard manufacturing cluster and local economic development // *Local Economy*. — 2015. — Vol. 30, № 1. — P. 119–138.
6. McGloin C. Surfing nation (s) — Surfing Country (s). — Wollongong: The University of Wollongong, 2005. — 317 p.
7. Porter M. Clusters and the new economics of competition // *Harvard Business Review*. — 1998. — № 6. — P. 77–90.
8. Warren A., Gibson C. Crafting Regional Cultural Production: emergence, crisis and consolidation in the Gold Coast surfboard industry // *Australian Geographer*. — 2013. — Vol. 44, № 4. — P. 365–381.
9. Young N. Surf rage. — Angourie, N.S.W.: Nymboida Press, 2000. — 218 p.
10. Australian Surfboard Shapers // Boardcave [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.boardcave.com.au/surfboard-shapers/Australia> (дата обращения 16.03.2023).
11. Gold Coast Economic Outlook, August 2023 [Электронный ресурс]. Режим

- доступа: <https://www.goldcoast.qld.gov.au/files/sharedassets/public/v/1/pdfs/brochures-amp-factsheets/gold-coast-economic-outlook-2023.pdf> (дата обращения 17.09.2024).
12. How many surfers are in the world // SurfersToday [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.surfertoday.com/surfing/how-many-surfers-are-there-in-the-world> (дата обращения 22.10.2022).
 13. Shapers Directory // Shapers Manufactures Co. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shapers.com.au/shapers-directory/> (дата обращения 18.03.2023)
 14. Surfboard Fin Guide: Everything you need to know (in as little time as possible) // House of Surf [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://houseofsurf.co/surfboard-fins/> (дата обращения 07.03.2023).
 15. The science of surf — how surfboards are made // lapoint, Feb 24th, 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lapointcamps.com/blog/the-science-of-surf-how-surfboards-are-made/> (дата обращения 12.03.2023)
 16. Tourism Recovery Action Plan. Destination Gold Coast [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dtis.qld.gov.au/data/assets/pdf_file/0010/1583551/destination-gold-coast.pdf (дата обращения 06.04.2023).
 17. Tweed Shire Council economic profile [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://economy.id.com.au/tweed> (дата обращения 24.09.2024).
 18. wannaSurf [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wannasurf.com/help/faq/index.html?wdaction=lib.WDPageHelp.faq_general (дата обращения 01.03.2023).

Сведения об авторах

Акимова Варвара Владимировна — старший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат географических наук;

Аксёнов Константин Эдуардович — профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, доктор географических наук;

Александрова Авдотья Игоревна — студентка магистратуры кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Ачкасова Татьяна Анатольевна — старший преподаватель кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат географических наук;

Демидова Елена Евгеньевна — научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Елманова Дарья Сергеевна — старший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат географических наук;

Замятина Надежда Юрьевна — доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат географических наук;

Карасёв Алексей Сергеевич — студент магистратуры кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Королёв Михаил Александрович — выпускник бакалавриата кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Ламской Кир Викторович — студент магистратуры кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Наумов Алексей Станиславович — заведующий кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат географических наук;

Павлюк Семён Геннадьевич — старший преподаватель кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат географических наук;

Пилясов Александр Николаевич — профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, доктор географических наук;

Попов Артём Ильич — студент магистратуры кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Рогачёв Сергей Вячеславович — научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Тихоцкая Ирина Сергеевна — доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, кандидат экономических наук;

Черепнина Татьяна Сергеевна — выпускница бакалавриата кафедры социально-экономической географии зарубежных стран;

Чернецкий Фёдор Михайлович — аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран.